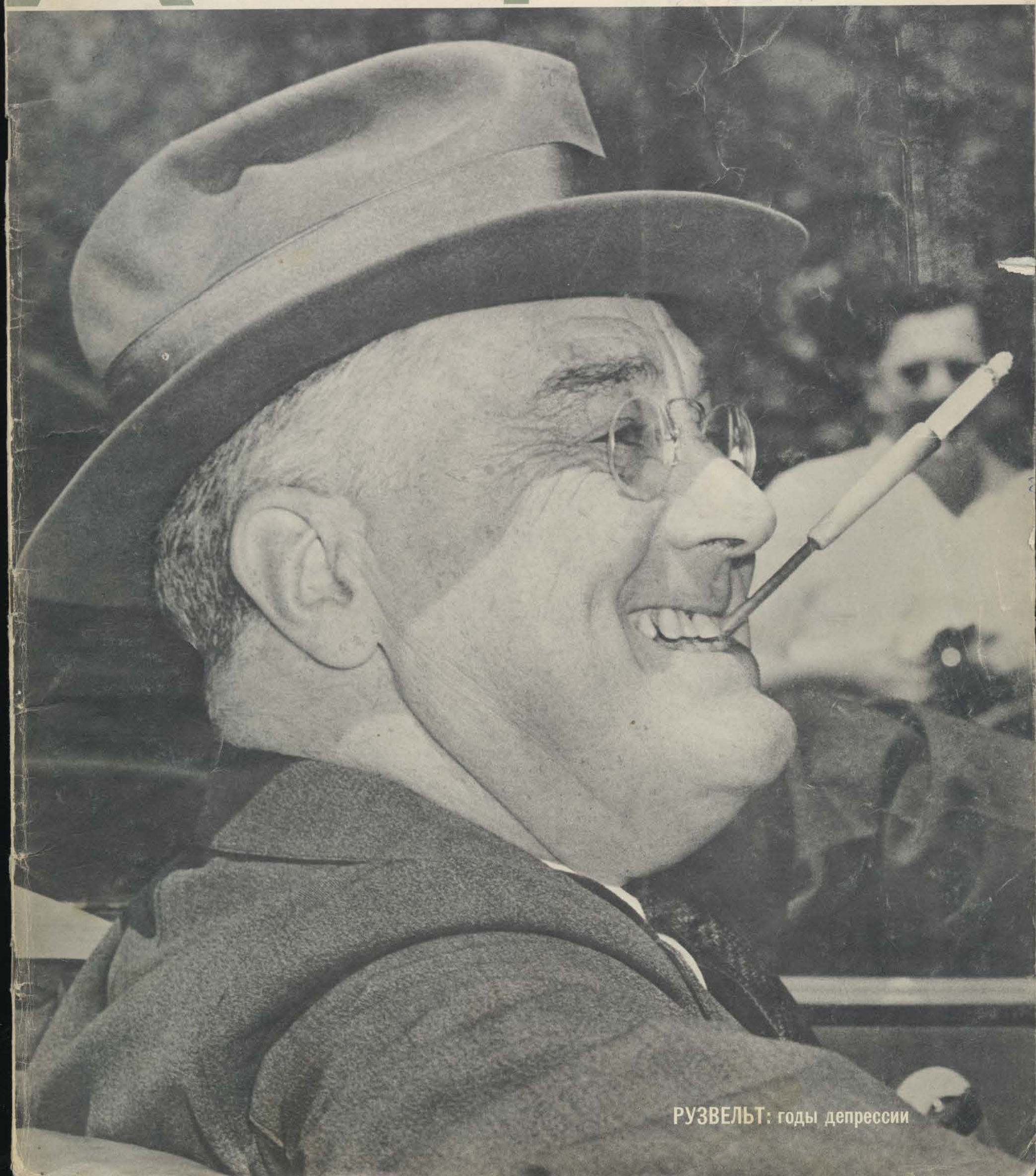

Америка

№ 87/Цена 50 коп.

РУЗВЕЛЬТ: годы депрессии

Америка

Иллюстрированный журнал

ПАССИВНОСТЬ ДОСТАТОЧНО АКТИВНА Сондерс Реддинг	2
САН-ФРАНСИСКО ВСТРЕЧАЕТ ЮНУЮ ФЕРМЕРШУ С разрешения журнала <i>Американ ют</i>	7
КОД ЖИЗНИ Виктор Вартовский	10
ГЕНЕТИК ДЖЕМС ДЬЮИ УОТСОН Джефф Стансбери	12
«ДЯДЯ, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?» Фото Клэйтона В. Петерсона	13
ДЖОН ФАБЕР: ПЕДАГОГ И СПОРТСМЕН Мортон Р. Энгельберг	14
ПОЛЕТ ТРЕХ КИТОВ С разрешения журнала <i>Национал географик магазин</i>	16
ХЛАМ В УМЕЛЫХ РУКАХ Фото Вилла Эпприджа	18
И В СНЕГ, И В ДОЖДЬ, И В ЗНОЙ Фото Эрла Сейберта	20
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В АМЕРИКЕ Дмитрий Григорьев	21
ГАРВАРДСКИЕ ПРОФЕССОРА МЕДИЦИНЫ С разрешения журнала <i>Лайф</i>	23
НА СТРАЖЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ С разрешения журнала <i>Сатердэй ревью</i>	26
С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ! Поздравительные карточки Моны Беннетт	27
ИСКАПАЕМЫЕ РЫБОЯЩЕРЫ С разрешения журнала <i>Сунсет</i>	27
КАНДИНСКИЙ Лора Тэрстон	28
ТУРНИР РОЗ Патриция и Рон Дейч	34
ПЯТЬДЕСЯТ ШТАТОВ: ЮТА	35
РУКА ДРУЖЕСКОЙ ПОМОЩИ С разрешения журнала <i>Лайф</i>	36
МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР АМЕРИКИ Беседа с Виргилем Томсоном	39
ЛАУРЕАТЫ ЭКРАНА	42
МОЯ АНТОНИЯ (отрывок по-английски) Уилла Катер	45
ПЕРВЫЕ СТО ДНЕЙ Артур Шлезингер-младший	46
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ МИРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ Натан Глик	56
НА ОБЛОЖКЕ:	
ФРАНКЛИН Д. РУЗВЕЛЬТ С разрешения фирмы «Уайд уорлд фотос»	I
В ГАРВАРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ Фото Уилльяма Г. Тоби С разрешения журнала <i>Гарвард тудэй</i>	II

ФОТО С РАЗРЕШЕНИЯ: Вторая стр. обл.-1, рисунки Поля Гоффмастера; 2, Джон Крейн (журнал *Лайф*); 3, Джордж Теймс (газета *Нью-Йорк таймс*); 4-5, сверху — «Ассошиэйтэд пресс», Дон Кревенс (журнал *Лайф*), внизу — Грей Виллет (журнал *Лайф*); 10, журнала *Медикал уорлд ньюс*; 14-15, Эмори Кристоф, кроме фото сверху справа — Джордж Кампбелл; 22, Роберт Филлипс; 27, Лора Уинслоу; 28-29, «Оливер Бейкер ассошиэйтс» (из собрания Третьяковской галереи в Москве), Марк Рибу («Магнум»); 30, «Оливер Бейкер ассошиэйтс» (сверху — из собрания Ричарда Л. Фейгена в Чикаго, внизу — из собрания фонда Габриэли Мунтер в Мюнхенской городской галерее); 31, Роберт Э. Мейтс (из собрания фонда Габриэли Мунтер в Мюнхенской городской галерее); 32-33, сверху — «Оливер Бейкер ассошиэйтс» (из собрания Нины Кандинской в Нейи-сюр-Сен, Франция), внизу — Роберта Э. Мейтса (слева — из собрания музея Соломона Р. Гуттенхайма в Нью-Йорке, справа — из собрания Нины Кандинской в Нейи-сюр-Сен, Франция); 34, Джим Лестер (перепечатано с разрешения журнала *Сатердэй иннинг пост*, авт. права: изд-ва «Картис пубблишинг компани», 1956 г.); 40, Уолтер Даран; 42, «Колумбия пикчурс»; 43, сверху — «Метро Голдуин Майер», внизу — «Юнайтэд артистс» (2); 44, сверху слева — «Глоб фотос», сверху в центре — «Эмбасси пикчурс компани», сверху справа — «Юниверсал пикчурс компани», внизу слева и в центре — «Юнайтэд артистс», внизу справа — «Метро Голдуин Майер»; 46, «Уайд уорлд фотос»; 47, Доротея Ланге (Библиотека Конгресса), «Фарм секюрити администрейшн»; 49, «Тола продокшенс», газеты *Нью-Йорк дейли ньюс*; 50, 51 и 53, «Уайд уорлд фотос»; 54, Администрация по эксплуатации долины реки Теннесси; 57, 59 и 60, таблицы Уолта Мортенсена; 57, сверху — Министерства земледелия США (2); 58, Марион Пост Уолкотт (Библиотека Конгресса), «Хедрик-Блессинг» (с разрешения фирмы «Миннесота энд Онтарио пейпер компани»); 60, Роали Маккенна; третья стр. обл. — Билл Рэй («Блак стар»).

Иллюстрированный журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности соглашению, предусматривающему распространение журнала «USSR» в Соединенных Штатах, а журнала «Америка» — в СССР. Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР местными отделами Союзпечати в пределах обусловленного соглашения тиража.

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Отзывы о публикуемых нами статьях и пожелания, относящиеся к выбору материала для журнала, просим направлять по адресу: Ruth Adams, Editor-in-Chief, *America Illustrated*, Washington D.C., USA, 20547, или Американское посольство, Москва, улица Чайковского, 19-21.

RECEIVED

FEB -1 2021

SUMMARY OF CONTENTS

87

D531 FED DEPOSITORY DOC
DOC DEPT SWEM LIB W & M

Америка

AMERICA
ILLUSTRATED

Covers Front: Franklin D. Roosevelt. Courtesy of Wide World Photos.
Inside Front: Three Christmas poems. Back: Harvard Yard. Photograph
by William H. Tobey, courtesy of HARVARD TODAY.

- 2 **The Passive Is Active Enough** By Saunders Redding. The American Negro's peaceful campaign to exercise his full constitutional rights is described by a distinguished teacher, novelist, and essayist. Professor Redding analyzes the development of the movement under the leadership of Christian ministers and college students, tracing its intellectual origins to Thoreau, Tolstoy, and Gandhi.
- 7 **Country Girl Visits San Francisco** Photographs by Leonard Nadel. An Oklahoma farm girl, invited to see a big city for the first time, explores the wonders of San Francisco — from stores to art galleries — for ten blissful days. Courtesy of AMERICAN YOUTH.
- 10 **The Code of Life** By Victor Wartofsky. "Biological science is rapidly approaching a fundamental understanding of the nature of life," said a noted biochemist recently; now, a writer from the National Institutes of Health reports on an astonishing line of advance in this understanding, which the world of science has eagerly followed.
- 12 **James Dewey Watson, Geneticist** By Jeff Stansbury. A winner of the 1962 Nobel Prize in physiology and medicine, Dr. Watson helped discover the molecular structure of the key genetic material.
- 13 **"Watcha Doin'?"** Photograph by Clayton V. Peterson. There was this man working on the sidewalk, and young Grant Angove thought he'd just walk over to see what was going on . . .
- 14 **John Faber: Mentor of Mind and Body** By Morton R. Engelberg. For thirty-five years, Professor Faber has lived a double life at the University of Maryland — as lacrosse coach and bacteriologist. Now head of the Department of Microbiology, he has tutored thousands of youths in the exact science of microscopic research and in the exacting art of body checks and swift passes.
- 16 **Three Whales That Flew** Dr. Carleton Ray, associate curator of the New York Aquarium, tells the story of a modern quest for white whales — small size. Caught with nylon nets and hypodermic needles, three belugas were flown to New York, to delight aquarium visitors. Photos by W. Robert Moore, courtesy of THE NATIONAL GEOGRAPHIC MAGAZINE, © National Geographic Society.
- 18 **Genius at Work — on Junk** Photographs by Bill Eppridge. To stimulate the inventive impulse, Eastman Kodak invites its engineers to make something useful out of bits of "junk" — proving that in an age of electronic brains the old gray matter is not yet outmoded.
- 20 **"Neither Snow, nor Rain, nor Heat . . ."** For 250 Minnesota farm families, Frank Ashton is the man who brings the mail — if he can. Photographer Earl Seubert shows Ashton as he pushes through blinding snow to reach the folks on his eighty-eight-mile route.
- 21 **The Orthodox Church in America** By Dmitry Grigorieff. Some three million Americans belong to the Orthodox Church, whose history in the New World began in 1794 when eight monks joined the first Russian settlement in Alaska, on Kodiak Island. Today American Orthodoxy is made up of thirteen separate hierarchies according to the national origins of their communicants, but there are stirrings toward unification into an American Orthodox Church, in the pattern of organization established in the Old World.
- 23 **Harvard's Great Men of Medicine** Photographs by John Loengard. Known as a teacher of teachers, the Harvard Medical School can boast a distinguished faculty to train students and practicing physicians who come from all over the world to study there. The seven professors of medicine in this portrait portfolio typify the high standards at the famous school which today turns out one of every ten medical teachers in the United States. Courtesy of LIFE.
- 26 **Safeguarding U.S. History** By John Tebbel. Now in progress on a broad front is a great collective scholarly undertaking: assembling and publishing the papers and letters of the statesmen who "wove the American political fabric." Courtesy of SATURDAY REVIEW.

НЕВИННАЯ ПЕСЕНКА

Елогка

тихая рождественская елогка
ты такая маленькая
ты похожа больше на цветок

кто нашел тебя в зеленом лесу?
грустно было его покинуть?
нижего, я утешу тебя
огень уж сладко ты пахнешь

я поцелую твою кору
обниму тебя крепко-крепко
совсем как родная мать
только не бойся

посмотри на блестящие
они целый год дремали в коробке
мечтая зтоб их вынули, дали им сверкать
дремали шары и цепочки, красные золотые
пушистые
протани свои ружонки
ты все полугишь все будет твоим
каждый пальчик полугит по кольцу
никого я не обделю, всё засияет

а когда я конгу тебя одевать
ты станешь в окне у всех на виду
как они тобой залюбуются!
ты будешь гордиться собой

а мы с сестренкой
взявшись за руки, не спуская глаз
с нашей красавицы-елки
будем танцевать и петь
«Христос родился»

Э. Э. КЭММИНГС

Авт. права: Э. Э. Кэммингса, 1923 и 1951 гг. Переведено
из сборника Э. Э. Кэммингса «Стихи 1923-1954 гг.»
с разрешения изд-ва «Харкорт, Брайс энд Уорлд».

Америк

Иллюстрированные

ПАССИВНОСТЬ ДОСТАТОЧНО АКТИВН
Сондерс Редди

САН-ФРАНЦИСКО ВСТРЕЧАЕТ ЮНУЮ ФЕРМЕРШ
С разрешения журнала *Американ*

КОД ЖИЗН
Виктор Вартовски

ГЕНЕТИК ДЖЕМС ДЬЮИ УОТСО
Джефф Стансберг

«ДЯДЯ, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?»
Фото Клейтона В. Петерсона

ДЖОН ФАБЕР: ПЕДАГОГ И СПОРТСМЕН
Мортон Р. Энгельберг

ПОЛЕТ ТРЕХ КИТО
С разрешения журнала *Национал географик* магази

ХЛАМ В УМЕЛЫХ РУКА
Фото Билла Эпприджа

И В СНЕГ, И В ДОЖДЬ, И В ЗНО
Фото Эрла Сейберта

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В АМЕРИКЕ
Дмитрий Григорьев

ГАРВАРДСКИЕ ПРОФЕССОРА МЕДИЦИНЫ
С разрешения журнала *Лай*

НА СТРАЖЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ
С разрешения журнала *Сатердэй ревю*

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ
Поздравительные карточки Моны Беннет

ИСКАПАЕМЫЕ РЫБОЩЕРЫ
С разрешения журнала *Сунсе*

КАНДИНСКИ
Лора Тарст

ТУРНИР РО
Патриция и Рон Дей

ПЯТЬДЕСЯТ ШТАТОВ: ЮТ

РУКА ДРУЖЕСКОЙ ПОМОЩИ
С разрешения журнала *Лай*

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР АМЕРИКИ
Беседа с Виргилем Томсоном

ЛАУРЕАТЫ ЭКРАНА

МОЯ АНТОНИЯ (отрывок по-английски)
Уилла Кате

ПЕРВЫЕ СТО ДНЕ
Артур Шлезингер-младший

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ МИРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Натан Гли

НА ОИ

ФРАНКЛИН Д. РУЗВЕЛЬ
С разрешения фирмы «Уайд уорлд фотос»

В ГАРВАРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Фото Уильяма Г. Тоба

С разрешения журнала *Гарвард тудэ*

ФОТО С РАЗРЕШЕНИЯ: Вторая стр. обл.-1, рисунки Поля Гоффмастера; 2, Джон К. Лайф; 3, Джордж Теймс (газета *Нью-Йорк таймс*); 4-5, сверху — «Ассошиэйтэд Кривенс (журнал *Лайф*)», внизу — Грей Виллет (журнал *Лайф*); 10, журнала *М. Ньюс*; 14-15, Эмори Кристоф, кроме фото сверху справа — Джордж Кампбелл; 22, лисп: 27, Лора Уинслоу; 28-29, «Оливер Бейкер ассошиэйтс» (из собрания Третьякова в Москве), Марк Рибб («Магнум»); 30, «Оливер Бейкер ассошиэйтс» (сверху — Ричарда Л. Фейгена в Чикаго, внизу — из собрания фонда Габриэли Мунтер в Мюнхенской галерее); 31, Роберт Э. Мейтс (из собрания фонда Габриэли Мунтер в Мюнхенской галерее); 32-33, сверху — «Оливер Бейкер ассошиэйтс» (из собрания Нины Кандинской-Сен, Франция), внизу — Роберта Э. Мейтса (слева — из собрания музея Солом хейма в Нью-Йорке, справа — из собрания Нины Кандинской в Нейи-сюр-Сен, Ф Джи Лестер (перепечатано с разрешения журнала *Сатердэй цининг пост*, авт. 1 «Кэртис паблишинг компани», 1956 г.); 40, Уолтер Даран; 42, «Колумбия пикчурс»; «Метро Голдуин Майер», внизу — «Юнайтэд артистс» (2); 44, сверху слева — «вверху в центре — «Эмбасси пикчурс компани», вверху справа — «Юниверсал пикч внизу слева и в центре — «Юнайтэд артистс», внизу справа — «Метро Голдуин Майе уорлд фотос»; 47, Доротея Ланге (Библиотека Конгресса), «Фарм секюрити админис «Толл продюшенс», газеты *Нью-Йорк дейли ньюс*; 50, 51 и 53, «Уайд уорлд фото нистрации по эксплуатации долины реки Теннесси; 57, 59 и 60, таблицы Уолта Мо вверху — Министерства земледелия США (2); 58, Марион Пост Уолкотт (Библиотека «Хедрих-Блессинг» (с разрешения фирмы «Миннесота энд Онтарио пейпер компани Маккенна; третья стр. обл. — Билл Рэй («Блак стар»)).

Иллюстрированный журнал «Америка» издается Правит США по заключенному с Правительством СССР на основе сти соглашению, предусматривающему распространение «USSR» в Соединенных Штатах, а журнала «Америка» — Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР мест делами Союзпечати в пределах обусловленного соглашения

НА ПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ Ш

Отзывы о публикуемых нами статьях и пожелания, отн к выбору материала для журнала, просим направлять п Ruth Adams, Editor-in-Chief, *America Illustrated*, Washington D 20547, или Американское посольство, Москва, улица Чайковск

27 **Merry Christmas!** When Mona Bennett, one of the art directors for *America Illustrated*, salutes her friends at Christmas, the wry wit with which her brush caricatures the world around her — and herself — makes her cards delightfully her own.

27 **Desert Sea Monsters** Nevada's Ichthyosaur State Park, once submerged by an arm of the Pacific, is a graveyard for giant marine lizards. Today's visitors can see the petrified bones of fantastic reptiles that lived millions of years ago. Courtesy of SUNSET.

28 **Kandinsky** By Laura Thurston. The retrospective show of more than a hundred oils and water colors by Vasily Kandinsky at the Guggenheim Museum last winter was a major artistic event. It shed important light on the Russian-born painter who wrote, "The artist is not only justified in using, but is under a moral obligation to use, only those forms which fulfill his own need." Reproductions of his work suggest his influence on contemporary non-objective painting, particularly the work of American artists Jackson Pollock and Robert Motherwell.

34 **The Tournament of Roses** By Patricia and Ron Deutsch. For seventy years Pasadena has welcomed a gala multitude to its celebrated New Year's festival, blooming with flowers and glittering girls.

35 **The 50 States** Utah is noted for its Great Salt Lake, long a world wonder, and for the beautiful city founded there by industrious Mormon pioneers. Large-scale irrigation makes farming possible, while abundant minerals support mining and manufacturing.

36 **Lending New Friends a Helping Hand** Photograph by Cornell Capa, Magnum. One of the many Americans whose work takes them far from home is Will Kindberg, who lives with his wife and children in the interior of Peru. Here he invents written characters for tribal tongues, creating the basic tools of education. Courtesy of LIFE.

39 **The American World of Music** In a sparkling interview, Virgil Thomson ranges over the contemporary musical scene with the broad command, insight, and wit that have distinguished his long career as composer and critic. "In the domain of musical cultivation," he sums up, "the United States lags behind no other country."

42 **Prize Winners on the Screen** Some of the memorable films and figures of the screen that have won Oscars awarded by the Academy of Motion Picture Arts and Sciences during the last five years.

45 **My Antonia** By Willa Cather. This winter vignette, in the original English, is a charming reminiscence of "a country Christmas" from Miss Cather's novel of pioneer life in Nebraska — one of a series for Soviet teachers and students of English.

46 **The First Hundred Days** By Arthur Schlesinger, Jr. The noted historian recounts the dramatic march of events set in motion as Franklin Roosevelt took the reins of government in the darkest days of the depression. In this graphic narrative, drawn from his massive study of *The Age of Roosevelt*, Professor Schlesinger analyzes the dauntless new leadership, the ferment of ideas, the crescendo of action that rallied the nation out of panic and inertia. In the First Hundred Days, Congress was subjected to a barrage of Presidential programs "unlike anything known to American history"; fifteen major laws were enacted, striking boldly into new ground on many fronts to surmount the economic crisis. Put to the test, "the American experiment in self-government" again proved its strength and resilience.

56 **1933-1963 The Peaceful Revolution** By Nathan Glick. Since the beginning of the Roosevelt era a social revolution has gone forward in America, and a new type of economic system has evolved, in which private enterprise submits, under law, to government regulation and operates side by side with government projects, co-operatives, and potent labor unions. The average worker's purchasing power has more than doubled since 1933; and the good things of life — material and cultural — are more widely distributed than ever before, in a fluid society which preserves individual freedom.

PICTURE CREDITS: Inside front cover-1, illustrations by Paul Hoffmaster; 2, John Crane, *Life*; 3, George Tames, *The New York Times*; 4-5, top — Associated Press; Don Cravens, *Life*; bottom — Grey Villet, *Life*; 10, *Medical World News*; 14-15, Emory Kristof, except top right — George Campbell; 22, Robert Phillips; 27, top center — Laura Winslow; 28-29, lent by Tretyakov Gallery, Moscow, photo by Oliver Baker Associates; Marc Riboud, Magnum; 30, photos by Oliver Baker Associates, top — lent by Richard L. Feigen, Chicago; bottom — lent by Gabriele Munter Foundation, Stadische Galerie, Munich; 31, lent by Gabriele Munter Foundation, Stadische Galerie, Munich, photo by Robert E. Mates; 32-33, top — lent by Nina Kandinsky, Neuilly-sur-Seine, France, photo by Oliver Baker Associates; bottom — photos by Robert E. Mates, left — lent by Solomon R. Guggenheim Museum, New York; right — lent by Nina Kandinsky, Neuilly-sur-Seine, France; 34, Gene Lester, reprinted by permission of the *Saturday Evening Post*, © 1956, Curtis Publishing Co.; 40, Walter Darian; 42, Columbia Pictures; 43, top — Metro-Goldwyn-Mayer; bottom — United Artists (2); 44, top left — Globe Photos; top center — Embassy Pictures Co.; top right — Universal Pictures Co.; bottom left & center — United Artists; bottom right — Metro-Goldwyn-Mayer; 46, Wide World Photos; 47, Dorothea Lange, Library of Congress; Farm Security Administration; 49, Tola Productions, Inc.; *New York Daily News*; 50, 51, & 53, Wide World Photos; 54, T.V.A.; 57, 59 & 60, charts by Walt Mortensen; 57, top — U.S. Dept. of Agriculture (2); 58, Marion Post Wolcott, Library of Congress; Hedrich-Blessing, courtesy of Minnesota & Ontario Paper Co.; 60, bottom — Rollie McKenna; 61, Bill Roy, Block Star.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО

Когда бы здесь был ныне Вифлеем
И время вспять бы повернуло бег,
Исчезли бы тогда совсем
Зима, мороз и снег.

Я побежала б из калитки сада
Чрез пастбища на скотный двор
И, услышав у хлева за оградой
Какой-то тихий разговор,

Сняла бы цепь железную с ворот
И деревянные засовы,
Ворота приоткрыла б, и вперед
На цыпочках шагнула. А коровы

И куры, голуби в углу далеком
Толпились бы, стараясь увидеть,
Раскрыв глаза свои широко,
У яслей, там, на сцене — Мать, —
Когда б исчезли сотни лет совсем,
Когда бы здесь был снова Вифлеем.

И мать с улыбкой за руку меня б держала —
Я думаю, меня бы так держала Мать,
Пушистое откинув одеяло,
Чтоб Мальзика Ее могла я увидеть.

Закрыты глазки были бы во сне,
И был бы Он и Джон наш так похожи,
Морщинки те же — гудилось бы мне —
И цвет такой же розоватой кожи.

Я слышала б дыхание Ребенка
И был бы Он весь в белое одет.
Я палец положила бы в Его ружонку,
Чтоб знать, сожмет ли крепко или нет.

И, улыбаясь, «Осторожно» бы сказала,
Сказала б «Осторожно» мне Мария, Мать;
Я ружку бы Его поцеловала
И стала б волосы ласкать.

Мария бы опять Его укрыла
И вновь бы несколько шепнула нежных слов.
Когда ж бы я тихонько уходила,
То встретила б входящих в дверь волхвов.

ЭЛИЗАБЕТ МАДОКС РОБЕРТС

Из сборника Э. М. Робертс «Под деревом». Авт. права: изд-ва «Б. У. Хьюбш», 1922 г.; Айнора С. Робертса, 1950 г. Переведено с разрешения изд-ва «Викинг пресс».

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Третьеклассников-ангелов вереница:
Болтаются крылья, серьезные лица.

Споткнулся пригостишка-пастух,
И вензик его на пол — бух!

Восточные цари — три крошки,
На них мамины цепозки и брошки.

От блесток на лентах и венках
Заметнее проволожки на зубах.

Волхвы старших классов мудры на славу:
Большие огки в роговых оправках.

МАРГАРЕТ ФИШБАК

Авт. права: Маргарет Фишбак Антолини, 1963 г.

НЕВИННАЯ ПЕСЕНКА

Елогка
тихая рождественская елогка
ты такая маленькая
ты похожа больше на цветок

кто нашел тебя в зеленом лесу?
грустно было его покинуть?
нижего, я утешу тебя
огень уж сладко ты пахнешь

я поцелую твою кору
обниму тебя крепко-крепко
совсем как родная мать
только не бойся

посмотри на блестки
они целый год дремали в коробке
мечтая зтоб их вынули, дали им сверкать
дремали шары и цепозки, красные золотые
пушистые

протяни свои ружонки
ты все полужишь все будет твоим
каждый пальчик полужит по кольцу
никого я не обделю, всё засияет

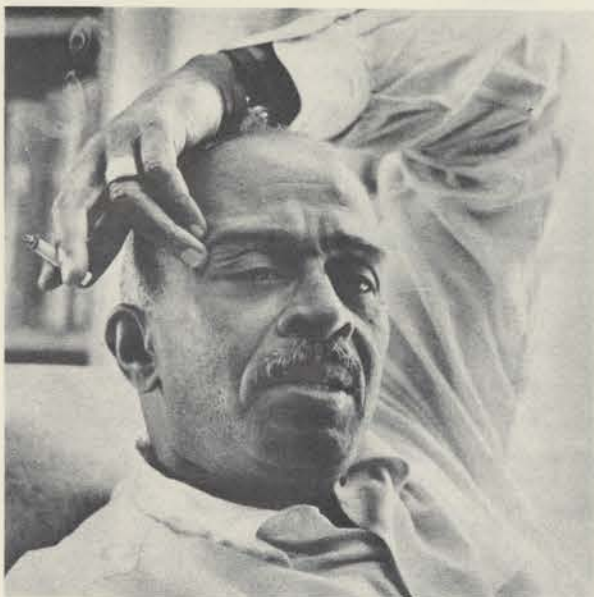
а когда я конгу тебя одевать
ты станешь в окне у всех на виду
как они тобой залюбуются!
ты будешь гордиться собой

а мы с сестренкой
взявшись за руки, не спуская глаз
с нашей красавицы-елки
будем танцевать и петь
«Христос родился»

Э. Э. КЭММИНГС

Авт. права: Э. Э. Кэммингса, 1923 и 1951 гг. Переведено из сборника Э. Э. Кэммингса «Стихи 1923-1954 гг.» с разрешения изд-ва «Харкорт, Брайс энд Уорлд».

ПАССИВНОСТЬ ДОСТАТОЧНО АКТИВНА

Сондерс Реддинг

Историк, романист, эссеист и педагог, Сондерс Реддинг уделяет большое внимание теме, послужившей заголовком одной его книги: «Что значит быть негром в Америке». В этом автобиографическом произведении он говорит о конфликте между «двумя четкими реакциями — нормальной, врожденной твоему естеству, и другой, совершенно иного характера, но столь же властной, являющейся следствием осознания своего „негритянства“». Противоречие это, неразрешимое для самого Реддинга, придало двойственность его историческим трудам «Они пришли в цепях» и «Одинокая дорога». Та же двойственность подхода автора как американца, с одной стороны, и как негра, с другой, ощущается и в книге «Американец в Индии», повествующей о лекционном турне профессора Реддинга.

«Как писатель я считаю своей первой обязанностью правдивость. Но трагическая краткость жизни неминуемо ограничивает правду, доступную личному, непосредственному опыту, совершенно необходимому для писателя. Я называю себя реалистом. Я никогда не принимал обещанное за исполненное. Я не отличаюсь терпимостью».

Родители Реддинга, окончившие Харвардский университет в Вашингтоне, решили дать всем сыновьям высшее образование. Сондерс поступил в университет имени Брауна в Новой Англии. «Там, в университете, я увлекся писанием, не потому, что собирался стать писателем, но потому, что процесс этот доставлял мне удовольствие — Бог знает почему, ибо уже тогда он был сопряжен для меня с мучениями». Роман Реддинга «Чуждый и одинокий» критика назвала «гневной, глубокой и талантливой книгой». В настоящее время Реддинг, продолжая писать, преподает английский язык и литературу в Хамптонском институте, в штате Вирджиния.

Несправедливые законы существуют. Должны ли мы смиренно повиноваться им, или должны бороться за их изменение, но следовать им, пока наша борьба не увенчается успехом, или, наконец, мы должны сразу же нарушать их?

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО

Противление насилием тому, что каждый считает злом, . . . есть только один из способов разрешения борьбы. . . другой способ состоит в том, чтобы вовсе не противиться злу насилием.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Самое жестокое сердце и самый невежественный ум должны отступить перед лучами восходящего солнца страдания, не омраченного ненавистью и злобой.

МОХАНДАС ГАНДИ

В 1955 ГОДУ в городе Монтгомери (Алабама) одна негритянка по вполне понятным личным причинам произнесла в часы пик простые слова: «Нет, простите, не могу!» Она не предвидела — да и не могла, конечно, предвидеть, — последствия своего вежливого отказа: взрыв воодушевления, переоценку существующих взглядов и органические изменения общественной активности. Воображение ее было ограничено, революционным идеям она не обучалась, о «пассивном сопротивлении» никогда не слыхала. О Генри Торо и Льве Толстом она понятия не имела, о Ганди когда-то знала, но давно забыла.

В тот день миссис Роза Паркс была арестована за отказ освободить место в «белом» отделении переполненного автобуса, а отказалась она потому, что очень устала после длинного рабочего дня и совсем сбилась с ног. Этот простой факт был единственной причиной и оправданием совершенного проступка: нарушения издавна существовавшего в Алабаме разделения белых и негров в автобусах и трамваях. Однако спокойный и решительный отказ Розы Паркс стал первым звеном в цепи до сих пор продолжающихся событий, и события эти приводят к совершенно поразительным для Америки результатам. За отказом Розы Паркс последовал массовый бойкот автобусов и ряд пассивных демонстраций в других местах сегрегации: «сидячие» протесты в кафе и ресторанах, «коленопреклоненные» в церквях, «купальные» в бассейнах для плавания. В последнее время и негры и белые совместно предпринимают так называемые «рейсы свободы», стремясь добиться фактической отмены сегрегации в автобусах дальнего следования и вокзалах, — сегрегации, признанной федеральными

судами незаконной. Совсем недавно демонстранты выдвинули целый ряд дополнительных требований, включая полное равноправие в жилищном вопросе, найме рабочей силы и политическом представительстве. Зачисление негров в университеты штатов Миссисипи и Алабамы — этих двух последних бастионов сегрегации — свидетельствует о большом потенциале движения.

Новым во всем этом было массовое участие негров в движении, охватившем штаты Крайнего Юга, и те очень эффективные, хотя и мирные методы, к которым они прибегнули для привлечения внимания публики к протестам против расовой дискриминации. Необходимо подчеркнуть, что в большинстве штатов не было и нет расовых ограничений на транспорте и в местах общественного пользования. Другие виды дискриминации были упразднены вмешательством федеральных властей — например, сегрегация в вооруженных силах и общественном жилищном фонде. Ряд штатов издал законы, запрещающие дискриминацию при приеме на работу. Но все перечисленные и другие шаги по пути к полному равенству были продиктованы, так сказать, «сверху». Бойкот автобусов в Монтгомери стал первым серьезным примером самостоятельных действий негров, которые, с помощью и одобрением многих белых, взяли инициативу в свои руки и выдвинули из своей среды новых вождей.

Миссис Паркс оказала пассивное сопротивление в пятницу. В воскресенье негры города Монтгомери читали раздаваемые в церквях листовки. В них говорилось прямо и недвусмысленно: «На автобусах больше не ездить. Отправляясь на работу, будем брать такси, возить друг друга, ходить пешком. Дальнейшие указания будут даны в понедельник в семь часов вечера на общем собрании, которое состоится в Баптистской церкви на улице Холт».

БОЙКОТ АВТОБУСОВ В МОНТГОМЕРИ

В понедельник в Монтгомери не было видно ни одного негра в автобусе. Кто мог себе позволить — брал такси с негром шофером, у кого был свой автомобиль — пользовался им. Некоторые ездили на запряженных мулами повозках, другие на велосипедах. Но большинство ходило пешком за несколько километров на работу, в школу или просто в город и обратно. Вечером сотни людей заполнили Баптистскую церковь, и тысячи загрохотали соседние улицы. Многие из них впервые услышали в тот вечер голос, облетевший потом весь мир.

Голос принадлежал молодому негритянскому пастору Мартину Лютеру Кингу. Кинг сравнительно недавно поселился в Монтгомери, но несмотря на это именно он возглавил теперь чрезвычайный комитет, носивший наименование «Общество по оздоровлению города Монтгомери». Основанное наспех, в тревожный, грозный час, общество это не походило на другие организации, боровшиеся за права негров. То был местный комитет, поставивший перед собой строго ограниченную цель. Он был составлен из негритянских священнослужителей с небольшой прослойкой мирян, не искушенных в вопросах организованной борьбы за свои права. Более того: его председатель был совершенно новым типом негритянского лидера. Мартин Лютер Кинг не говорил громовым голосом, и в словах его не было злобы. Агитатор — да, но агитатор, не призывающий к насилию. Сказанные доктором Кингом в тот вечер слова легли в основу всех последовавших событий: учреждения возглавляемого доктором Кингом Собрания христианских руководителей Юга, возобновления деятельности Конгресса по борьбе за равноправие рас, организации «рейсов свободы» и других форм протеста.

«В своих действиях мы должны руководствоваться основными положениями христианской веры, — сказал Мартин Лютер Кинг. — Нами должен руководить идеал любви. „Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас“. Если вы будете протестовать смело, но благородно, с христианской любовью в сердце, то историки будущих поколений, дойдя до нашего времени, задумаются и скажут: „Жил тогда великий черный народ, который по-новому осмыслил и облагородил существовавшую цивилизацию“. Такова наша цель, такова стоящая перед нами сегодня ответственнейшая задача».

Как и все происшедшее до тех пор, эти слова родились в безотчетном порыве. Все последующие слова и действия следовали обдуманному плану. Порыв угасает быстро, строить на нем трудно, мобилизовать пятьдесят тысяч человек невозможно. А негры в Монтгомери мобилизовались. Они направили все силы на достижение единственной цели: уничтожение несправедливых и оскорбительных правил пользования автобусами. Через несколько часов восемнадцать негритянских таксомоторных фирм, имевших в своем распоряжении двести такси, согласились перевозить пассажиров за ту же цену, что и автобусы. Когда же выяснилось, что по закону такси не имеют права брать с пассажиров меньше сорока пяти центов за один конец (непосильный для большинства негров ежедневный расход), Общество по оздоровлению Монтгомери организовало автомобильный парк из частных машин, чтобы обеспечить всем желающим доставку на работу. Позднее Общество на деньги, собранные среди местного негритянского населения, приобрело пятнадцать грузо-пассажирских машин, зарегистрировало каждую при какой-нибудь церкви и таким образом пополнило парк. Вначале был создан всего один диспетчерский пункт, но затем их число возросло до сорока шести. На этих пунктах утром и вечером, в часы пик, работали десятки добровольцев шесть дней в неделю. Вдоль автобусных линий были устроены сорок две остановки. Число частных машин, включившихся в организованные перевозки, доходило до четырехсот.

Бойкот стоил немалых денег. Но сведения о нем появились в печати всего мира, и деньги, о которых никто не просил, стали поступать отовсюду. Их присылали из всех штатов, от церковных приходов чуть ли не каждого города страны. Они приходили из Европы, из Азии, из Африки, от людей всех цветов кожи — черной и коричневой, желтой и белой. Иногда вместе с пожертвованиями приходили ободряющие слова: «Вы еще не добились победы, но такая вера и стойкость непременно восторжествуют».

Бойкот действительно «восторжествовал», но только после долгой и временами ожесточенной борьбы. Сторонники сегрегации надеялись, что бойкот выдохнется, что с наступлением зимних холодов пыл участников остынет. Но ничто не могло поколебать упорства негров Монтгомери: ни морозы, ни всевозможные придирки и неприязни. Автобусы пустовали. Негры по-прежнему ходили пешком. «Да, сынок, — сказала старая негритянка обратившемуся к ней корреспонденту одной из центральных газет, — ноги у меня болят, но душа ликует».

Ибо к этому времени негры не только открыли в себе мужество и силу, которые в конце концов привели их к победе — к отмене сегрегации в автобусах Монтгомери, но и убедились, что борются не в одиночестве. Вокруг них возникла стена моральной поддержки. Кроме того, негры черпали духовную силу в своей глубокой религиозности. «Дух Божий владел нашими сердца-

ми», — говорил впоследствии доктор Кинг. Расовое самосознание их тоже окрепло, во-первых, благодаря родившейся в победоносной борьбе сплоченности, во-вторых, благодаря успехам негритянских народов в Африке. Конечно, борьба африканцев отличалась от борьбы негров в Монтгомери — последние ведь были американцами, добивавшимися равноправного участия в жизни страны, а не освобождения от чужеземного владычества. Негры в Монтгомери опирались в своей борьбе на американский прагматический идеализм, на традиции гуманистического образования и, несомненно, на основные положения философской системы, о которой большинство из них не имело никакого представления.

ВЛИЯНИЕ ГАНДИ

Любой поступок воплощает в себе дух человека, его совершающего. Именно по духу и надо судить о поступках. За конкретным актом бойкота, за неожиданно родившейся целеустремленностью, за драматическим проявлением воли к свободе стояло философское сознание, и все действия, желания и стремления были проникнуты духом, дважды возрожденным в нашем столетии. Впервые в наши дни этот дух воплотил в себе

Мартин Лютер Кинг: «С темными силами ненависти нужно бороться всепобеждающей любовью».

Спокойный голос Розы Паркс взволновал страну.

Решение о бойкоте автобусов в Монтгомери (Алабама) было единогласно принято лидерами негров города.

Мохандас Ганди, но век отнесся к нему с недоверием. Подобное происходило, вероятно, и в другие времена. Безусловно, шепот изумления и отрицания всколыхнул толпу и тогда, когда Христос сказал: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

В те времена не родился еще ни мудрый социальный реформатор, способный выдвинуть метод, ни философ, способный воздвигнуть храм мысли, в которых этот требовательный дух, эти духовные требования нашли бы себе практическое воплощение. Только в девятнадцатом столетии Генри Торо и Лев Толстой создали теоретическую базу, и только в двадцатом Мохандас Ганди выковал метод. Каждый из них, повинувшись велениям своей души, самоотверженно откликнулся вместе с тем на неотложные социальные требования своего времени.

Сколько общего было у них! Не только врожденное сходство характеров, но и окружавший их строй, запечатленный нравственным уродством: рабство в Америке для Торо, крепостное право в России для Толстого, колониальное иго в Индии для Ганди. Неортодоксальные, но глубоко верующие люди, анархисты того или иного толка, аскеты в большей или меньшей степени, вольнодумцы, независимые мыслители, они шли разными жизненными путями, но пришли к одним выводам.

Толстой, по всей вероятности, не читал Торо, произведения которого стали известны за рубе-

Негры ездили в автомобилях или ходили пешком, и это себя оправдало: спустя год решением Верховного Суда

Негритянское население дружно поддержало своих лидеров.

США сегрегация в городских автобусах была отменена.

жом только в 1890-х годах, когда взгляды русского писателя уже сложились. И тем не менее «непротивление злу» Толстого и «гражданское неповиновение» Торо построены на одних и тех же нравственных предпосылках. Хотя в своем сочинении «Царство Божие внутри нас» Толстой развивает свои взгляды гораздо подробнее, чем Торо в очерке «Гражданское неповиновение», и тот и другой несомненно исходят в своих размышлениях из Нового Завета.

Ганди читал обоих писателей, ибо ощущал свое духовное родство с ними. В беседе с другом американцем он однажды заметил: «В вашем Торо я встретил учителя, давшего в своем очерке «Гражданское неповиновение» научное подтверждение правильности того, что я делал в Южной Африке... А Россия мне дала в Толстом учителя, который подвел рациональную основу под мое пассивное сопротивление».

Выдвинутая Ганди программа пассивного сопротивления была, как отмечает профессор Гомер Джек, «эпохальным открытием». И не совсем случайно американские негры приняли ее в качестве метода борьбы за свои цели: неприятие неграми насилия коренится в их психологии и истории. Классичен в этом смысле образ «дяди Тома», терпеливо и безропотно сносящего все издевательства и несправедливости. Впрочем, образ этот загадочен или, по меньшей мере, парадоксален: дело в том, что современные негры с негодованием отрицают, что он существовал в действительности. Их отталкивание можно объяснить желанием позднейших поколений отречься от унижительного прошлого, изображенного в эпопее Гарриет Бичер-Стоу. Но этим парадокс не устранить. Дядя Том безусловно достаточно реалистичен и типичен. Да и кроме того, он обладает не только «терпением», «покорностью» и «смирненной простотой». У него есть «здравый смысл», он «держится благородно, с чувством собственного достоинства».

Но негры не признают этих положительных качеств дяди Тома, как не принимают и его покорности и смирения, потому что последние, затемняя более мужественные добродетели, стали ходячей характеристикой негритянской натуры, восхваляемой романтически настроенными защитниками рабства за ее терпеливость и кротость. Качества эти как бы символизируют отречение от естественных прав и, в конечном итоге, даже покорное примирение с собственным унижением и бесправием.

Существует и другой образ негра, исторически тоже правдивый, но редко находивший отражение в популярной художественной литературе, образ, отличавшийся другими качествами: упорством и отвагой, духовной силой, верой в идеалы. Этот образ воспевался в негритянском фольклоре, в легендах и песнях.

Несомненно, об этих-то качествах и думал доктор Хауард Тэрман, негритянский педагог и священнослужитель, когда в 1936 году, говоря Ганди о готовности американских негров принять его учение, отметил затем следующее:

«Многие особенности нашего быта в Америке тесно связаны с нашей трактовкой христианства. Тексты сотен негритянских духовных песнопений приводят на ум разительные доказательства, подтверждающие все сказанное вами».

Хауард Тэрман был не первым и не последним негром, совершившим паломничество к Ганди. Многие американские негры считали Ганди великим человеком задолго до того, как величие индийского вождя было признано его противниками. Негритянские лидеры ощущали на себе влияние идей Ганди, знали, какую роль его учение играет в Южной Африке и в Индии, хотя, конечно, этого нельзя сказать обо всей массе американских негров. Лидеры знали также, что Ганди «беспокоит судьба всех цветных рас земного шара». Если добавить, что сам Ганди при-

надлежал к «цветной» расе и что вся его жизнь и деятельность были проникнуты религиозными идеями, мы без труда представим себе, каким великаном он был в глазах негров.

Неудивительно, что в конце тридцатых и в сороковых годах целый ряд негритянских руководителей, в одиночку и группами, побывал у Ганди. Его посетили не только Тэрман, окончивший в 1923 году Морхаус-колледж, но и окончивший тот же колледж в 1911 году доктор Мордекай Джонсон, бывший в то время президентом Хауардского университета, и Бенджамин Мэйс. Последний имел с Ганди продолжительную беседу из которой можно привести следующий обмен мыслями:

Мэйс: «Негры в Соединенных Штатах борются за такие основные гражданские права, как защита от диких выходок толпы, неограниченное право голоса, отмена сегрегации и т. д. Какой совет вы могли бы дать нам, опираясь на свой опыт в Индии?»

Ганди: «Я могу сказать только, что нет другого пути борьбы, кроме отказа от насилия. Таким путем идут не слабые и невежественные, но сильные и мудрые».

Когда в 1944 году Мартин Лютер Кинг поступил на первый курс Морхаус-колледжа, доктор Мэйс был там президентом.

ТОРО, ТОЛСТОЙ И ПРОБУЖДЕНИЕ НЕГРОВ

Пользуясь ходячим выражением, о Морхаус-колледже можно сказать, что он делал «упор на расу», то есть воинственно отстаивал права негров. Это отнюдь не свидетельствует о расизме или шовинизме — среди профессуры были и есть белые — это значит только, что колледж делал «упор на расу» потому, что в прошлом он всегда делал упор на социальную справедливость. Там считали, что общественный строй, мирящийся с гражданским неравенством, должен переродиться или погибнуть. Там верили в слова, напечатанные в бюллетене колледжа: «Образование дается на всю жизнь и для служения человечеству». Там отстаивали принцип: «все люди братья». Если к этому положению добавить многообещающие слова американского кредо: «все люди созданы равными», — то нетрудно представить себе не только общую атмосферу Морхаус-колледжа, но и гуманистический дух лучших американских колледжей и университетов, как белых, так и негритянских. Морхаус-колледж готовил своих студентов не только к принятию социальных изменений, но и к борьбе за них. На первом курсе колледжа Мартин Лютер Кинг впервые познакомился с «Гражданским неповиновением» Торо.

«Несправедливые законы существуют. Должны ли мы смиренно повиноваться им, или должны бороться за их изменение, но следовать им, пока наша борьба не увенчается успехом, или, наконец, мы должны сразу же нарушать их? Обычно, при нашем государственном строе, считается, что нужно терпеливо ждать, пока большинство людей не убедится в необходимости изменения законов. Считается, что сопротивление законам может оказаться по своим последствиям хуже самих законов. Но если лекарство оказывается страшнее болезни, то виновато в этом правительство. Почему оно не внимает голосу мудрого меньшинства?»

Кинг читал дальше: «Меньшинство бессильно, если покорно и безропотно следует за большинством, оно тогда даже перестает быть меньшинством; но если оно использует весь свой вес и потенциал для сопротивления, оно становится непреодолимой силой».

Торо приводил к Ганди, а Ганди — к Толстому, учившему: «Противление насилием тому, что каждый считает злом... есть только один из способов разрешения борьбы... другой способ состоит в том, чтобы вовсе не противиться злу насилием».

Диалектическое образование Кинга продолжалось. Он ознакомился с другими видными философами — Раушенбушем, Марксом, Платоном, Аристотелем, Руссо, Бентамом, Миллем, Локком. Кинг изучал и историю, в частности историю Америки и в особенности историю негров в Соединенных Штатах.

Благодаря закону о бесплатном обучении ветеранов Второй мировой войны, послевоенному расцвету промышленности, подъему общего благосостояния и постепенному расширению существующих возможностей, негритянская молодежь все в большем числе поступала в высшие учебные заведения и знакомилась с вышеупомянутыми учениями. Знакомилась с ними и белая молодежь, поскольку во многих учебных заведениях читались курсы негритянской истории, литературы и искусства. Многие высокообразованные белые стремились использовать существующую интеллектуальную свободу для улучшения общественного строя.

Старые взгляды постепенно отживали. Попытки решать социальные вопросы, в частности расовый, с помощью частной благотворительности не оправдали себя. Умерла идея политической опеки над неграми, а вместе с ней и идея о «талантливой одной десятой» негритянского населения, которую можно допустить к полноправному участию в жизни страны. Идея «государства в государстве» — создание замкнутой негритянской общины в управляемой белыми стране — не только умерла, но и была основательно похоронена правительственными и законодательными мероприятиями. Был издан закон, запрещающий расовую дискриминацию в государственных учреждениях и выполняющих правительственные заказы промышленных предприятиях. Была создана федеральная комиссия по обеспечению гражданских прав. Кроме того, правительство оказывает всяческое содействие работе созданных в двадцати штатах комиссий, борющихся за равные права всех рас при приеме на работу в частные фирмы.

Но негры отнюдь не намеревались полагаться только на действия правительства. Идея организации массовых протестов была жива, и это вскоре доказало созданное Мартином Лютером Кингом Собрание христианских руководителей Юга, а также Конгресс борьбы за равноправие рас. Именно благодаря организованным протестам, встретившим самую широкую поддержку, стало меняться исторически сложившееся представление о негре как о «пустом месте». Пустые места не протестуют. Они не стремятся влиять на законодательную деятельность государства, не выдвигают представителей, защищающих их интересы. Они не становятся занозой в теле политической жизни страны, не настаивают на участии в решении вопросов, которые они, будучи якобы «ничем», не способны понять. Так рассеялось в мифическом тумане это ложное представление, созданное нечистой совестью для оправдания собственной вины.

Процессу рассеивания сильно способствовал основной принцип западно-европейского и американского мира — принцип равенства всех людей. Рядовой американец не всегда, может быть, отчетливо разбирается в своих убеждениях, ибо он не кричит о них на всех перекрестках, но на деле он ими часто руководствуется. И как бы яростно порой ни противоречили принципу равенства некоторые существующие порядки, этот демократический принцип не умирает. А рядовой американец любит демократию, хотя иногда он ею пренебрегает и даже как будто изменяет ей.

Это не означает, однако, что рядовой американец любого происхождения полностью разбирается в демократии или в своих демократических убеждениях. Он многое понимает в ее механике и в сложной организации ее институтов — достаточно, чтобы пользоваться ими. Но ему нужно напоминать снова и снова, что демократия есть соглашение о вере и что ее существо-

вание обеспечивается непрерывной цепью действий в духе этой веры.

В тот памятный день 1955 года в Монтгомери миссис Роза Паркс не понимала этого.

Это понимали, однако, четверо негров студентов, усевшихся 1 февраля 1960 года у стойки «белой» закусочной в Гринсборо (Северная Каролина). Решение было принято ими, несомненно, под влиянием минуты, и тем не менее они ясно понимали, что демократию как соглашение о вере необходимо защитить проявлением этой веры. Они взбунтовались, но не против демократии. Они восстали против тех обычаев и порядков, которые паруют основной закон о равных правах всех людей на свободу и правосудие. К студентам неграм присоединились белые студенты, которые понимали идеалы демократии: они понимали, что унижение человеческого достоинства одного гражданина унижает человеческое достоинство всех.

Прошла неделя, и движение охватило все города Северной Каролины. А месяц спустя во всех штатах Юга, за исключением Миссисипи, можно было наблюдать одну и ту же картину: «серьезные, хорошо одетые студенты» отстаивали свои права, не обращая внимания на оскорбления, никогда не повышая голоса, ни на кого не поднимая руки. Число протестующих негров и белых выросло с четырех до четырех тысяч, затем до сорока тысяч. Соответственно возросло и число арестованных по обвинению в «незаконном вторжении», «бездельничанье», «незаконных собраниях», «нарушении тишины и порядка». Когда решением суда предоставлялся выбор между денежным штрафом и тюремным заключением, арестованные в большинстве случаев предпочитали последнее. К марту «сидячие» демонстрации стали широко распространенной формой протеста, и студенческие лидеры появились в длинном ряде колледжей. К концу 1961 года сегрегация в ресторанах, кафе и закусочных была отменена более чем в двухстах городах Юга. Где бы «сидячие» протесты ни проводились — в общественных столовых, залах ожидания, автобусных вокзалах, театрах, церквях — они были проявлением веры в человеческое достоинство, в принцип равенства и в то, что, как выразился Мартин Лютер Кинг, «все мироздание стоит на стороне свободы и справедливости». Или, перефразируя слова негритянского писателя Ралфа Эллисона, можно сказать, что жребий американцев заключается в том, чтобы стать едиными и все же оставаться многими.

За взрывом в 1960 году последовал сравнительно спокойный период, нарушаемый изредка небольшими демонстрациями. Частичное уничтожение закостеневших традиций сегрегации в южных штатах имело следующие последствия: во-первых, оно доказало, что более благоприятного времени для разрешения расового вопроса в стране не наблюдалось даже в период окончания Гражданской войны, и, во-вторых, оно способствовало усилению борьбы во имя достижения скорого прогресса в деле предоставления всем неграм их законных гражданских прав. Мирные демонстрации, в которых принимало участие и белое население, начались в 1963 году в Бирмингеме (Алабама) и затем быстро охватили всю страну, приняв доселе невиданные масштабы. Во многих южных городах интеграцию общественных мест удалось осуществить еще до начала демонстраций. Ускорение процесса интеграции в других городах явилось прямым результатом массовых протестов, на которые демонстрантов вдохновляла философия Мартина Лютера Кинга о так называемом пассивном сопротивлении, или сопротивлении без насилия. Слова и дела государственных деятелей, а также представителей делового мира и интеллигенции говорят об высоком сознании ответственности в деле выполнения принципов страны о полном равенстве всех ее граждан.

28 августа 1963 года состоялась самая большая

в истории Соединенных Штатов мирная демонстрация: у памятника Линкольна в Вашингтоне собралось более 200 000 негров и белых. Они хотели заострить внимание общественности на гражданских правах и убедить государственных деятелей в необходимости принятия мер по этому вопросу. На исторической демонстрации стало очевидно, что Мартин Лютер Кинг является глашатаям быстро растущего движения, которое требует выполнения демократических принципов Соединенных Штатов. «Моя мечта уходит глубоко корнями в Американскую мечту, — сказал он собравшимся, среди которых были и сенаторы, и конгрессмены, и члены правительства. — Моя мечта — это то, что в один прекрасный день страна поднимется и наконец заживет в строгом соответствии с великим принципом: все люди созданы равными».

О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ

«Мы, негры, должны подняться до величественных высот, чтобы противопоставить физической силе силу духовную», — продолжал он. Несколько раньше пастор Кинг написал: «Большинство людей не принимает непротивления злу насилием». Он мог бы добавить: «и не понимает его».

Философские корни отрицания насилия как метода борьбы уходят глубоко. Они связаны с особой, весьма сложной терминологией, в которой греческое слово «агапе» равноценно инду-скому «ахимса» и означает то же, что и «любовь», и «все люди братья», и «любите ненавидящих вас», и «пассивное сопротивление злу». Однако пассивное сопротивление на деле далеко не пассивно. Термин этот означает «активное сопротивление злу, но без применения насилия», как определил Ганди «сатьяграху» — свой метод гражданского неповиновения.

На практике активное сопротивление злу без применения насилия выражается в двух взаимосвязанных планах: план конструктивный, «созидательный», то есть в данном случае отмена законов о сегрегации и привлечение на свою сторону симпатий белого населения, и план деструктивный, «разрушительный» — отказ от поддержки существующих порядков — социальных, гражданских и экономических, вызвавших к жизни сегрегацию и охраняющих ее законы.

Последователи этих принципов не только проявляют готовность стать жертвами насилия, не прибегая в ответ к таковому, но и сами вызывают направленные против себя акты насилия. Чем оправдывают они свою установку, противоречащую врожденному стремлению человека избежать боли? «Страдание искупает и страждущего, и того, кто причиняет страдание», — пишет Кинг. «Могут пролиться реки крови, но это должна быть наша кровь, — писал Мохандас Ганди. — Самое жестокое сердце и самый невежественный ум должны отступить перед лучами восходящего солнца страдания, не омраченного ненавистью и злобой».

Это положение, разработанное Ганди в книгах «Сатьяграх в Южной Африке», «Терзания моей души» и по меньшей мере еще в двух работах, становится целой системой мистической философии, далекой и от морально-философского подхода Толстого, и от философски-политического подхода Торо. Выраженное просто, как выразил его Мартин Лютер Кинг, сопротивление без применения насилия становится принципом христианской любви. «Нагорная проповедь предшествовала учению о пассивном сопротивлении... То Иисус из Назарета поднял негров на протест созидательным оружием любви... Другими словами, Христос был нашим духовным учителем, а Ганди дал метод борьбы».

Не противься злему. Это строгое предписание. Воплощенное в пассивное сопротивление, оно становится еще более строгим учением. Оно взыскат к совести, к мужеству, к беззаветному идеализму. Оно является проявлением духа, а воплощенное в действие приводит к демократии. ▼

ФОТО ЛЕОНАРДА НАДЕЛА

Сан-Франциско встречает юную фермершу

С разрешения журнала *Американ юс*

Ферма Ганнов стоит недалеко от оклахомской деревушки Фостер, где всего 24 жителя. Всякий раз, когда 17-летняя Зора Гани отправлялась в бакалейную лавку за покупками, она мечтами уносилась в большой город. Однажды ей попался журнал «Американ юс», спрашивавший своих читателей: «Где в Соединенных Штатах вам больше всего хотелось бы провести отпуск?» Зора поделилась своими мечтами с редакцией. «Я всегда жила на ферме, — писала она, — и мне ужасно хочется хотя бы неделю провести в большом городе». Журнал поместил ее письмо, и на него откликнулись десятки читателей. Внимание редактора остановилось на письме 17-летней Конни Норига из Сан-Франциско, приглашавшей Зору в гости. В результате девушка бесплатно полетела в Сан-Франциско, где ее встретило все семейство Норига. На фото внизу: Счастливая путешественница (в центре) шагает под руку с новой подружкой. На берегу Тихого океана ее ожидает десять счастливых дней, которым может позавидовать любая девушка с фермы.

Празднуя первый день в Калифорнии, Зора режет испеченный Конни торт. Но первым делом она по телефону сообщила родителям о своем прибытии.

Любуясь грозным величием Тихого океана и его беспредельными далями, бо-соногие подруги — Зора и Конни — часами бродили по береговым отмелям.

Примеряя шляпу для пляжа в одном из модных магазинов, Зора не может удержаться от смеха. На ферме большую часть своих нарядов она шьет сама.

В магазинчике «Китайского города» подруги покупают диковинные подарки для родителей Зоры.

Каждый день приносит что-то новое

Сан-Франциско настолько многолик, что может привести в изумление даже самого искушенного туриста. Дитя фермы, Зора Гани, никогда не видавшая ни большого города, ни океана, ни многоэтажного универмага, как бы попала в иной мир. В течение десяти незабываемых дней юная фермерша неутомимо бродила по городу, знакомясь с его многочисленными достопримечательностями. Она видела громаду моста, перекинутого через пролив Золотые Ворота, побывала в «Китайском городе» — самой большой китайской колонии по эту сторону Тихого океана, посетила магазин дамских мод, где с увлечением примеряла причудливые шляпки.

Часы веселья сменялись минутами тихого раздумья. На фото: Девушки в музее изобразительных искусств.

Окидывая взором панораму большого города, Зо-
ра старается запечатлеть в памяти все увиденное.

КОД ЖИЗНИ

ВИКТОР ВАРТОВСКИЙ

«Биологическая наука быстро приближается к разгадке механической природы жизни», — писал д-р Уильямс С. Бек в статье «Горизонты генетики» (см. журнал «Америка» № 51). В приводимой ниже статье научный корреспондент Национальных институтов здравоохранения в Бетезде дает обзор замечательных достижений мировой науки в деле разгадки тайны жизни.

В августе 1961 года молодой американский ученый нервно просматривал свои заметки перед выступлением в огромном актовом зале Московского государственного университета. Вместе со многими учеными разных стран, он приехал в Москву на пятый Международный конгресс биохимиков, где ему предстояло прочитать доклад о своих лабораторных изысканиях.

Тема его доклада была довольно эзотерической: «Промежуточные процессы биосинтеза полифинилаланина, управляемые синтетической матрицей рибонуклеиновой кислоты (РНК)». Доклад вызвал в мире науки волнение, отголоски которого не скоро утихнут. Д-р Маршалл У. Ниренберг — так звали этого ученого — сообщил о первой успешной попытке расшифровать генетический «код» (систему химических указаний, являющуюся ключом к процессам самовоспроизведения всего живого).

Небывалый эксперимент американских ученых открыл перед наукой новые горизонты. Одни ученые, обладающие даром красноречия и прогноза на будущее, предсказывают, что полная расшифровка тайн генетического кода, возможно, объяснит, как взаимодействие некоторых органических соединений предопределяет то, что разовьется из оплодотворенной яйцеклетки — слон, человек или бактерия, и каким будет это существо — гением, средних способностей, или умственно отсталым. Другие исследователи заявляют, что полное ознакомление с генетическим кодом позволит эффективнее бороться с рядом наследственных заболеваний. Третьи считают, что мы стоим на пороге разгадки тайны нашего происхождения и самого бытия.

Д-р Ниренберг описал делегатам конгресса в Москве свою работу: в тесном сотрудничестве с д-ром Дж. Генрихом Маттэй ему удалось пролить свет на механизм, с помощью которого определенные химические вещества, унаследованные от родительских зародышевых клеток, регулируют в дочерних клетках превращение химических соединений аминокислот в те или иные белковые молекулы — наиболее сложные и важные из органических молекул. Свое открытие д-р Ниренберг и д-р Маттэй сделали в Национальном институте по борьбе с артритом и болезнями обмена веществ, одном из семи институтов огромного государственного научно-исследовательского центра в Бетезде под Вашингтоном. Произведенный ими опыт впервые подтвердил передачу из рода в род химической

контрольной системы, предопределяющей развитие живого существа из основных биохимических материалов.

БЕЛКИ И ЖИЗНЬ: ИЗ ОДНОГО — ДВА

Человеческий организм — кровеносные сосуды, кости, кожа, мышцы, связки, внутренние органы и т. д. — состоит из белков. Белки — основа структуры и функций этого организма. И все же биохимикам еще не удалось разрешить главный вопрос: как организм создает белки.

Живая клетка является основной единицей всего живого, от микроорганизмов до человека. В центре клетки расположено окруженное цитоплазмой ядро, в котором находятся тончайшие нитеобразные хромосомы, носители генов, передающих из поколения в поколение наследственные характеристики, которые предопределяют, по какому направлению пойдет развитие одиночной клетки — оплодотворенного яйца.

Основным компонентом хромосом является дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК). Это удивительное и крайне сложное химическое соединение — одна из двух нуклеиновых кислот — играет важную роль в передаче наследственных признаков. Вероятно, из нее и состоят гены.

Как-то один ученый крайне коротко определил процесс жизни: «Из одного — два». И действительно, основная характеристика протоплазмы, живого существа, являющегося физической основой жизни, — это ее способность к непрерывному самовоспроизведению. Некоторые огромные белковые молекулы, содержащиеся в протоплазме, обладают свойствами воспроизводить химическим путем точную копию самих себя.

Различные типы клеток определяются химической структурой образующих их веществ и теми химическими процессами, которые в них происходят. Эти химические процессы и образование структурных элементов клетки в основном контролируются белками, состоящими из большого числа разнообразных аминокислот. Характер и функция каждого белка определяется расположением аминокислот в его молекуле.

Структура данного белка, или, другими словами, точное распределение и последовательность около двадцати аминокислот, образующих цепочку белковой молекулы, определяется существующими в клетке химическими соединениями, известными под названием нуклеиновых кислот. В этом и проявляется роль генетического кода. В структуре нуклеиновых кислот содержатся указания, как должны соединяться аминокислоты, чтобы образовать специфические белки. Так предопределяется характер будущих клеток, а следовательно и всего организма.

Генетический код содержится в нуклеиновых кислотах яйца и спермы, слияние которых кладет начало новому живому существу. Другими словами, клетки получают в зашифрованном виде точные инструкции для дальнейшего развития и роста. Эти инструкции затем повторяются в течение всей жизни данного организма при каждом делении его клеток, благодаря чему восстанавливаются ткани организма, которым придается та или иная функциональная структура.

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ МАТЕРИАЛ

Биологическая значимость нуклеиновых кислот получила заслуженную оценку сравнительно недавно. Их сложные молекулы, своими размерами не меньше, а то и крупнее большинства белковых молекул, были открыты в 1870 году, когда Мишер изолировал их из ядер гнойных клеток. Нуклеиновые кислоты состоят из углерода, кислорода, водорода, азота и фосфора. Свое название они получили за их кислотность и за происхождение из ядра клетки.

В живой природе известны два типа нуклеиновых кислот: дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) и рибонуклеиновая кислота (РНК). Сотрудникам Рокфеллеровского института в Нью-Йорке удалось сделать одно из величайших биологических открытий: они установили, что ДНК является основным наследственным материалом, который образует гены. РНК играет роль посредника, помогающего ДНК предопределять и регулировать синтез белков.

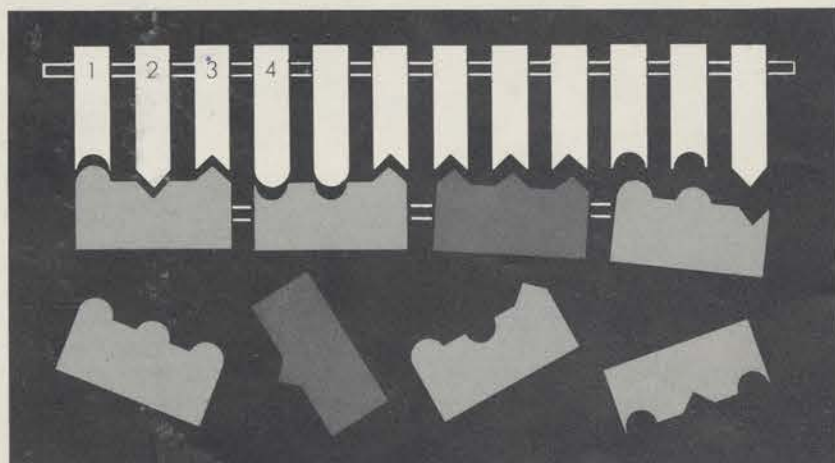
Доказательства того, что ДНК — носитель генетической информации, стали поступать из разных источников в конце 1940-х и в начале 1950-х годов. Ученые Рокфеллеровского института доказали на опытах с пневмококками — бактериями, вызывающими воспаление легких, — что наследственные признаки одного бактериального штамма могут быть переданы другому, если ввести в него ДНК, изолированную из первого штамма. Такой опыт, проведенный в более крупных масштабах, равносильен превращению немецкой овчарки в фокс-терьера.

ДНК входит в состав ряда вирусов и бактериофагов и содержится в клеточных ядрах решительно всех живых организмов — от амёбы до человека. Во всех случаях основные характеристики ее молекулярной структуры почти одинаковы. Логично возникает вопрос: каким образом молекула ДНК может заключать в себе столь детальную и многообразную генетическую информацию? Ответ прост: структура молекулы ДНК далеко не однообразна.

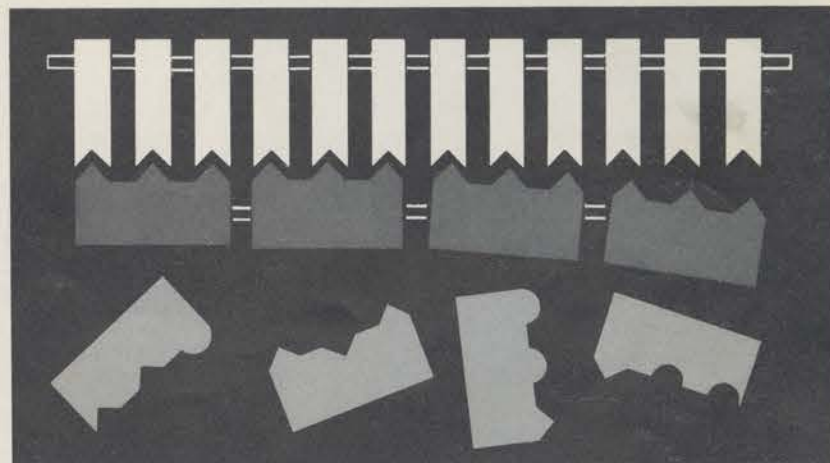
Молекула ДНК представляет собой длинную цепочку из отдельных звеньев. Качественный анализ молекулы ДНК показывает, что она состоит из некоторых сахаров, остатков фосфорной кислоты и четырех азотных компонентов: два пуриновых основания (аденин и гуанин) и два пиримидиновых (тимин и цитозин). С первого взгляда может показаться, что сахаров, остатков фосфорной кислоты и четырех азотистых компонентов недостаточно для образования сложной молекулы, передающей огромное число указаний, которых требует создание простой клетки, не говоря уже о создании насекомого или слона.

Однако, последнее заявление не совсем верно. Утверждать, что ДНК состоит только из сахаров, кислотных и азотистых компонентов равносильно заявлению о том, что данная статья состоит из 32 букв русского алфавита и нескольких цифр или что переданный по радио приказ адмирала состоит из точек и тире азбуки Морзе.

Молекула ДНК чрезвычайно длинна. И как бы монотонно не повторялись составляющие ее

ЕСТЕСТВЕННАЯ РНК. Биохимический код зависит от последовательности азотистых компонентов (белые) в молекуле РНК. При синтезе белка азотистые компоненты соединяются с определенными аминокислотами (серые).

СИНТЕТИЧЕСКАЯ РНК. При расшифровке кода все азотистые компоненты были заменены одним — урацилом (белый). Образова простую цепь, урацил избрал только одну из аминокислот — фенилаланин (темно-серый).

единицы, возможности сложнейших комбинаций из этих генетических «букв» — бесконечны. По этому вполне правдоподобно, что передаваемая молекулой ДНК информация зависит от чередования четырех азотных оснований.

Сахарные и фосфатные группы ДНК повторяются с абсолютно правильной последовательностью. Однако, последовательность азотистых компонентов варьируется. Другими словами, если в мире насчитывается около двух миллионов различных видов организмов, то должно существовать не менее двух миллионов возможных комбинаций азотистых компонентов, носителей генетических «указаний» для создания новых организмов.

Ряд, начинающийся с А-Г-Т-Ц (аденин-гуанин-тимин-цитозин), может содержать указания, скажем, для развития человека, в то время как ряд, начинающийся с А-А-Ц-Т, возможно, содержит информацию, необходимую для создания мыши.

В 1953 году два молодых сотрудника Кембриджского университета в Англии расшифровали молекулярную структуру ДНК. То были английский биофизик Франсис Г. К. Крик и американский биолог Джеймс Д. Уотсон, ныне профессор Гарвардского университета. (Оба этих ученых в 1962 году получили Нобелевскую премию.) Д-р Крик и д-р Уотсон показали, что структура ДНК представляет собой двойную спираль, напоминающую перекрученную веревочную лестницу, боковые «веревки» которой состоят из фосфорных и сахарных групп, а «перекладины» из четырех азотистых компонентов.

Выяснилось, что каждая из таких «ступенек» неизменно состоит из двух азотистых оснований, причем А всегда в паре с Т, а Г с Ц. Следовательно, рассуждали Крик и Уотсон, шифр заключается в комбинациях парных групп А-Т и Г-Ц и напоминает нам азбуку Морзе, имеющую лишь два элемента — точку и тире.

На основании построенной ими модели структурной формулы ДНК, Уотсон и Крик смогли также постулировать механизм наиболее важной функции ДНК — ее самовоспроизведения и передачи генетической информации. Они высказали предположение, что свитая цепочка молекулы ДНК воспроизводит себя тем, что она «развивается» и затем разделяется на две длинные цепочки. Расщепление «веревочной лестницы» ДНК происходит вертикально по центрам поперечных перекладин. Получающиеся половины затем служат шаблонами, или матрицами, для дальнейшего развития. Таким образом из одной молекулы ДНК получаются две ее точные копии, новые идентичные «лестницы», сохранившие в своей структуре генетическую информацию родительской ДНК. В 1957 году это было доказано на лабораторном опыте американским биологом д-ром Артуром Корнбергом, за что ему впоследствии была присуждена Нобелевская премия. Оставался невыясненным вопрос, каким образом ДНК передает генетическую информацию за пределы ядра клетки в окружающую ядро цитоплазму, на место «сборки» белковых молекул.

Вопрос, коротко говоря, заключался в следующем: ДНК, ограниченная «алфавитом» из четырех «букв», должна передать в клетку точные указания, каким образом там должен быть собран из более чем двадцати аминокислот целый ряд белковых молекул. Такие молекулы соединяются в цепочки из десятков, сотен, а то и тысяч аминокислотных структурных единиц. По-видимому, различных комбинаций из «букв» ДНК должно быть достаточно для точного определения той последовательности, согласно которой аминокислоты соединяются в различные белковые молекулы.

Согласно этой гипотезе мутация, изменяющая небольшой отрезок генетического кода ДНК, пусть даже его единственной «буквы», при создании цепочки нового белка должна привести к замене по крайней мере одной аминокислоты другой. Лауреат Нобелевской премии д-р Линус Поулинг и другой сотрудник Калифорнийского технологического института д-р Харви Итано установили на опыте, насколько важную роль

могут играть такие изменения. Они показали, что малокровие с серповидным изменением эритроцитов, передаваемое по наследственности заболевание, вызывается нарушением структуры белковой молекулы, заключающемся в одной единственной аномалии. При этой болезни эритроциты уменьшенных размеров не в состоянии полностью снабжать ткани кислородом.

Американский ученый Вернон Инграм уточнил работы Поулинга-Итано, показав, что данный вид малокровия проявляется только в тех случаях, когда в определенной точке молекулы ДНК, состоящей из сотен аминокислотных единиц, одна (глутаминовая) заменяется другой (валином).

ПОСРЕДНИК: РНК

ДНК содержится в заключенном в мембрану ядре клетки, а потому должен существовать какой-то механизм, передающий генетический код окружающей клетки химически чрезвычайно сложной среде — цитоплазме, где и происходит в большинстве случаев синтез белков. Роль посредников при этой передаче очевидно играет рибонуклеиновая кислота (РНК), макромолекулярное вещество, по своей структуре близкое ДНК. Как и ДНК, РНК состоит из цепочек, построенных с помощью четырех азотистых компонентов. Три из них те же, что и в ДНК: аденин, гуанин и цитозин. Но тимин в РНК заменен урацилом. Кроме того РНК отличается от ДНК тем, что она содержит рибозу — сахар, имеющий пять атомов углерода вместо обычных для сахара шести (или кратного шести). В ДНК вместо рибозы имеется дезоксирибоза, другой вид сахара, названный так потому, что он содержит кислорода на один атом меньше.

Ученые сейчас считают, что если ДНК служит основным шаблоном для создания новых протеинов, то РНК является тем «посредником», который передает указания ДНК в цитоплазму клетки. Другими словами, ДНК содержит в себе, подобно записи на магнитной ленте, точные генетические распоряжения, регулирующие внутриклеточные жизненные процессы. Она является «первичной матрицей», с которой снимаются копии, так что первоначальная «запись» может быть использована снова и снова.

Раскручивание и расщепление молекулы ДНК подсказало ученым возможный механизм передачи генетической информации ДНК особым высоко активным частицам, содержащимся в цитоплазме клетки и носящим название рибосом. Надо полагать, что ДНК руководит синтезом РНК приблизительно так же, как она руководит процессом самовоспроизведения. Следовательно, необходимые для синтеза белков генетические указания, зашифрованные в молекуле ДНК, могут быть переданы РНК в виде определенного распределения азотистых компонентов в цепочке РНК, образованной по матрице ДНК.

РНК затем может доставить приобретенную информацию к рибосомам цитоплазмы. Там длинные копии РНК, снятые с матрицы ДНК, могут служить стереотипами для формирования по ним новых белковых цепочек из имеющихся в цитоплазме аминокислот. Эта теория — «роль стереотипа РНК в синтезе белков» — известна в ученом мире уже несколько лет. Однако, только недавно группе американских ученых удалось подтвердить ее экспериментальным путем.

Исследования этих ученых показали, что определенный осколок РНК, содержащийся в рибосомах, служит стереотипом, определяющим последовательность соединений аминокислот в цепи белковых молекул. Последовательность азотистых компонентов в этой РНК соответствует их последовательности в «матрице» — в молекуле ДНК, находящейся в ядре клетки.

Рибосомы играют важную роль и в другом отношении. Они являются, как бы «сдающим на прокат» аппаратом для синтеза протеинов. Этот аппарат не может синтезировать белка, пока он не будет «запрограммирован» соответствующими указаниями от РНК, полученными от первоисточника генетического кода клетки. Изучение роли РНК в качестве стереотипа, или по-

средника, открыло возможность непосредственного изучения на опыте того генетического шифра, с помощью которого стереотип РНК отбирает из двадцати с лишним аминокислот клетки, необходимые для создания данного белка, точно регулируя при этом их последовательность в соединении друг с другом.

Полной разгадки биологического кода можно, вероятно, ожидать в ближайшее время. Успешная работа по расшифровке кода идет с быстротой, поражающей даже проводящих ее ученых.

Несколько лет назад ученые высказали предположение, что соединение аминокислот с рибосомами происходит с помощью какой-то молекулы, исполняющей роль промежуточного звена. В 1957 году в ряде лабораторий была опознана особая молекула РНК, оказавшаяся значительно меньше молекулы «посредника РНК». Недавние эксперименты, проведенные на основании этого открытия, показали, что эта новая молекула РНК действительно является связующим звеном между аминокислотами и рибосомами. Ее назвали «передаточной РНК» по ее функциям и «растворимой РНК» по ее химическим свойствам.

Синтез белков начинается с того, что молекулы «передаточной РНК» — по одной на каждую известную аминокислоту цитоплазмы — вступают с ними в соединение и доставляют аминокислоты к рибосомам. Одновременно «передаточные РНК» являются частью механизма, с помощью которого аминокислоты располагаются в правильном порядке на матрице РНК.

На основании последних данных, это очевидно достигается тем, что связи образуются между взаимодополняющими себя азотистыми компонентами молекулы «передаточной РНК» и молекулы «посредника РНК». Так, группа урацил-аденин-гуанин (У-А-Г) «передаточной РНК» вступает в соединение только с группой аденин-урацил-цитозин (А-У-Ц) «посредника РНК».

Опыты с аминокислотами были только начальным шагом. Оставалось установить сущность самого кода — той неизвестной, состоящей из четырех элементов системы директив, с помощью которой двадцать с лишним аминокислот цитоплазмы превращаются в образующие клетку специфические белки.

Первый шаг по раскрытию этого шифра сделали д-р Ниренберг и д-р Маттэй. Они поставили эксперимент, используя для этого протеиносинтезирующий механизм распространенной бактерии — кишечной палочки, часто называемой «подопытным микроорганизмом».

Кишечная палочка содержит в себе двадцать аминокислот, аденозинтрифосфат (АТФ) в качестве источника энергии, рибозу и цитоплазматические жидкости. Ниренберг и Маттэй прибавили к этому соединению упрощенную, синтетически изготовленную РНК, все азотистые основания которой были заменены одним — урацилом. Из аминокислот урацил избрал только одну — финилаланин — для образования белковой молекулы. Д-р Ниренберг и д-р Маттэй поняли, что им удалось открыть первую «букву» генетического шифра нуклеиновых кислот, предназначенного для одной аминокислоты.

В течение последующих месяцев американские ученые расшифровали указания для большинства других аминокислот. Аналогичные результаты были получены и другим научным коллективом, воспользовавшимся методом Ниренберга-Маттэй. Этот коллектив — группу сотрудников Нью-Йоркского университета — возглавил лауреат Нобелевской премии д-р Северо Очоа.

Таким образом, д-ру Ниренбергу и д-ру Маттэй удалось получить новые доказательства того, что наследственные указания для синтеза белков в живой клетке действительно передаются с помощью «посредника РНК». Результаты работ этих ученых подтвердили также ранее сделанные выводы о том, что аминокислоты, из которых образуются белки, поставляются к рибосомам с помощью «растворимой РНК», что рибосомы являются аппаратом общего назначения и что матрицы, контролирующие образование всех белковых молекул, постоянно возобновляются генами и, в свою очередь, достав-

ляются к рибосомам в виде «посредника РНК».

Работая совместно с сотрудниками Калифорнийского университета д-рами Акира Цугита и Хейнцем Френкелем-Конратом, Ниренберг и Маттэй доказали, что формирующий жизнь генетический код, по всей вероятности, оказывает одинаковое влияние на все живые организмы. Экспериментируя с вирусом табачной мозаики, ученые выделили некоторое количество РНК, которая ведаёт воспроизведением вируса в клетках табака, и ввели эту РНК вируса в создающую белки систему кишечной палочки.

В результате синтез белков увеличился в 75 раз, то есть по указаниям РНК вируса было создано большое количество нового белка из аминокислот. По своей структуре белки, синтезированные кишечной палочкой и клетками табака по указаниям той же самой РНК, почти не отличались друг от друга. Это убедительно свидетельствует о том, что генетический код имеет одинаковое действие на самые различные организмы и потому, возможно, универсален.

Подводя итоги сказанному, попробуем коротко описать работу наследственного механизма. Основной план, указывающий, сколько белков необходимо создать и какого типа они должны быть, заключен в генах, состоящих из макромолекул ДНК. Передаваемые из поколения в поколение определенные молекулы ДНК обеспечивают непрерывное создание живой материи и, одновременно, контролируют ее развитие (потому из слоновой зародышевой клетки раз-

вивается слон, а из комариной — комар). Другая макромолекула — РНК передает инструкции генов к «месту сборки» белковых молекул и регулирует их образование из аминокислот.

«Местом сборки», где производятся сложнейшие химические процессы, служит индивидуальная живая клетка. В ее цитоплазме расположена сеть тончайших каналов, мембранные стенки которых усеяны микроскопическими частицами — рибосомами. Рибосомы, как видно из их названия, в основном состоят из рибонуклеиновой кислоты. Они являются конечным звеном «конвейера», на котором производится «сборка» белковых молекул. Начальное звено этой «поточной линии» находится в ядре клетки. Энергия, необходимая для производимых процессов, поставляется молекулами трифосфорнокислого аденозина, находящегося в цитоплазме.

ДНК «посылает» молекулы РНК в цитоплазму клетки, где они вступают в соединение с аминокислотами, образующими белковые молекулы, которые затем регулируют метаболизм клетки. Порядок, согласно которому вдоль длинных цепочек молекул ДНК и РНК расположены четыре азотистые компонента, предопределяет, какие именно аминокислоты необходимы для создания того или иного специфического белка.

Говоря о полной расшифровке генетического кода, ученые под этим подразумевают то, что они должны установить, какое расположение четырех азотистых компонентов ДНК и РНК приводит к какому расположению аминокислот

в молекулах белка. Перемены в структуре белка ведут к переменам в растениях и животных, а потому ученые надеются, что расшифровка кода, возможно, позволит в будущем осуществлять контроль над наследственными болезнями.

Когда эти и некоторые другие вопросы будут полностью выяснены, останется разрешить ряд более глубоких проблем, а именно: каким образом обеспечивает клетка общее руководство над всеми этими сложнейшими химическими процессами, что пускает в ход или останавливает в точно определенные моменты жизни всего организма «поточную линию» производства белков, в чем заключаются отклонения от этих процессов, выражающиеся в проявлении злокачественности, например при раковых заболеваниях.

В ученых кругах широко распространено мнение, что мы приближаемся к концу одного этапа исследований молекулярной биологии. Один из создателей структурной модели ДНК, д-р Франсис Г. К. Крик, сказал, что если ознакомление со структурой ДНК можно считать концом начала, то открытие Ниренберга и Маттэй следует рассматривать как начало конца.

Д-р Крик также заявил, что расшифровка генетического кода, возможно, даст нам новые сведения о возникновении жизни. Биохимическое единообразие всех живых организмов позволяет предполагать об их общем происхождении и, вполне вероятно, о том, что раскрывающийся перед нами «код жизни» содержит в себе ключ к разгадке появления жизни.

Генетик Джемс Дьюи Уотсон

ДЖЕФФ СТАНСБЕРИ

Вскоре после присуждения доктору Джемсу Д. Уотсону Нобелевской премии по физиологии и медицине за 1962 год, кто-то спросил его, можно ли ожидать, что сделанные им в области генетики открытия со временем приведут к улучшению человеческого рода. На это Уотсон ответил: «Я бы сказал, что всем, кто хочет иметь умных детей, следует жениться на культурных, развитых девушках».

Этот шуточный ответ может показаться нескромным, но моложавый, с чуть редющей шевелюрой, 34-летний ученый знает о чем говорит. Наделенный аналитическим умом, он в детстве считался вундеркиндом и уже в пятнадцать лет был студентом университета. Его исключительные умственные способности получили высокую оценку в ученых кругах, хотя его и упрекают в некоторой нетерпимости по отношению к ученым-консерваторам, работающим в его области. «Джемс не всегда ладит с коллегами-бислогами, специализирующимися в области традиционной описательной биологии», — заметил один из его сотрудников.

Однако, благодаря своему беспокойному, напористому характеру д-р Уотсон пошел по пути смелых исследований, которые помогли произвести переворот в генетике. Никто, даже сам Уотсон, не может пока сказать, какое практическое значение будет иметь окончательная расшифровка генетического кода, но несомненно одно: результат может быть потрясающим. Доктор Арне Энгстром, объявивший от имени Королевского Каролинского медико-хирургического института в Стокгольме о присуждении Нобелевских премий по физиологии и медицине д-рам Уотсону, Морису Х. Ф. Уилкинсу и Франсису Г. К. Крику, отметил, что их открытия «не имеют непосредственного практического значения, но определение молекулярной структуры вещества, предопределяющего развитие любого живого организма, является открытием колоссальной важности».

Уотсон, с детства обладавший острым, пытливым умом и тягой к наукам, сначала увлекся орнитологией. В 1947 году, окончив Чикагский университет и решив продолжать работать в этой области, он обратился в университет штата Индиана с просьбой зачислить его в аспирантуру. Оказалось, что кафедры орнитологии там не было. Тем не менее Уотсон все же поступил в Индианский университет, где начал работать под руководством четырех выдающихся ученых: генетика Германа Дж. Мюллера — лауреата Нобелевской премии, Трэси М. Соннборна, Ралфа Клеанда и С. Э. Луриа. Профессор Соннборн рассказывает, что Уотсон никогда ничего не записывал на лекциях и только вел список научных источников, которые можно было достать в библиотеке. Диссертация Уотсона была написана на тему о бактериальных вирусах, этих загадочных, лежащих на грани жизни формах, изучение которых помогло разгадать многие проблемы генетики.

В 1951 году д-р Уотсон поступил работать в Кембриджский университет, где в сотрудничестве с д-ром Криком занялся исследовательской работой, снискавшей 25-летнему ученому широкую известность, а позже — Нобелевскую премию. Работал он над материалами исследований д-ра Уилкинса, который с окончания Второй мировой войны изучал строение ядра живой клетки методом дифракции рентгеновских лучей. Уотсон и Крик вскоре выдвинули неожиданное, впоследствии оправдавшее себя, предположение, что молекула дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) напоминает по форме как бы скрученную веревочную лестницу. Несмотря на то, что дезоксирибонуклеиновая кислота так же трудно поддается химическому анализу, как и произносится, Уотсону и Крику удалось описать расположение химических компонентов этой кислоты по парам, а в 1953 году представить модель ее поразительной структуры.

Расшифровка молекулярной структуры ДНК — наиболее известное, но отнюдь не единственное научное достижение д-ра Уотсона. Как подчеркивает один из современных биологов, «даже если бы доктору Уотсону не удалось выяснить структуры ДНК, он несомненно вошел бы в ряды крупнейших биохимиков нашего времени». К числу прочих выдающихся работ Уотсона следует отнести исследование вируса табачной мозаики и определение структуры аденилиновой и рибонуклеиновой (РНК) кислот. Сделанные д-ром Уотсоном рентгеновские снимки вируса табачной мозаики позволили ему предположить, что ее белковые цепочки расположены спиралью. Это подтвердилось дальнейшими исследованиями. Опираясь на такую гипотезу, Уотсон и Крик разработали общую теорию вирусного строения, подтвержденную недавними лабораторными опытами.

В 1953 году доктор Уотсон покинул Кембриджский университет и два года работал в Калифорнийском технологическом институте. В 1955 году он перешел в Гарвардский университет в качестве доцента биологических наук. Там же, в возрасте тридцати трех лет, он стал профессором.

Свои лекции профессор Уотсон читает без особого подъема, пользуясь тщательно подготовленными записками, которые в студенческие годы он так не любил. Нередко у студентов создается впечатление, будто он что-то бормочет себе под нос, но когда дело доходит до объяснения какой-нибудь сложнейшей молекулярной теории, Уотсон весь преображается. Тогда он начинает читать блестяще. «Из профессоров, которых я знаю, немногие могут так ясно излагать труднейшие теории», — говорит один из его сотрудников.

Другой коллега и друг Уотсона дает ему такую характеристику: «Экспериментатор он, пожалуй, средний. Основные его качества — это умение вникать в сущность молекулярной биологии, находить правильный путь в массе экспериментальных фактов, искусство сочетать теорию с практикой в любом исследовательском вопросе, могущем, по его мнению, привести к решению проблемы».

Но ни похвалы коллег, ни Нобелевская премия, ни блестящие результаты исследовательской работы не вскружили головы д-ру Уотсону. Вот что говорит он о своем открытии, принесшем ему Нобелевскую премию: «Нам действительно удалось достичь многого, однако с обыкновенным насморком, которым я страдаю, мы до сих пор справиться не можем».

«ДЯДЯ,
ЧТО ТЫ
ДЕЛАЕШЬ?»

Фото Клэйтона В. Петерсона

Интересно, какую игру затеял на тротуаре взрослый дядя, ползая на четвереньках? Этот вопрос долго не давал покоя трехлетнему Гранту Ангову. Но вот, наконец, детское любопытство победило смущение, и озадаченный малыш, оставляя на мокром

цементе следы своих ножек, робко приблизился к рабочему. Дядя — Хью Майерс — решил не тратить времени на долгие объяснения, а быстро поставил мальчонку на сухое место и постарался, пока не поздно, загладить следы неожиданного визита.

«Игрок в лакроссе, — говорит Джон Фабер, — должен быть выносливым и прежде всего смелым».

Облаченные в шлемы, защитную одежду и перчатки игроки скрестили

ДЖОН ФАБЕР: педагог и спортсмен

МОРТОН Р. ЭНГЕЛЬБЕРГ

Джон Фабер живет сразу в двух мирах, и оба одинаково ему дороги. Недаром он посвятил им 35 лет своей жизни. В каждом мире, разумеется, существует свой язык, мало понятный для непосвященного, но зато неизменно родной Фаберу. Одним языком он говорит в лаборатории, когда словам его внимают любознательные студенты, другим — на площадке для лакросса, где он дает указания игрокам атлетического сложения.

Облаченный в белый халат декан биологического факультета Мэрилендского университета широко известен в научных кругах как автор более пятидесяти работ в области биологии. А в спорте мускулистый и подтянутый Джон Фабер слывет «деканом» лакросса (правда, тут на смену халату приходят белые трусы и майка). Игра с мячом — лакросс — была изобретена более пятисот лет тому на-

клюшки. Иногда им приходится перехватывать сеткой мяч, летящий со скоростью 150 км в час.

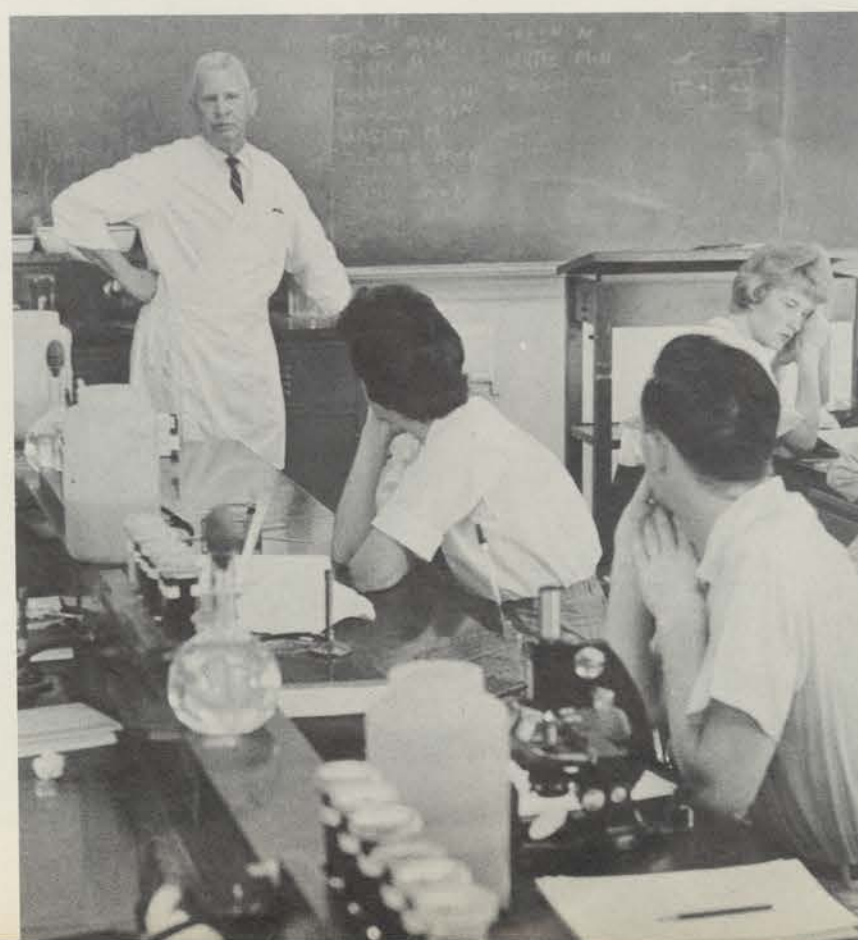

«И в лаборатории, и на поле доброе слово творит чудеса».

зад индейскими племенами, населяющими Северную Америку. Современный лакросс сочетает в себе элементы футбола, баскетбола и хоккея. Состязания проводятся между двумя командами, по десяти игроков в каждой, на поле размером 100 на 55 метров.

Розыгрыш на первенство колледжей по лакроссу начинается в марте и заканчивается в июне. Это самая горячая пора для Фабер-тренера. Однако большую часть своего времени он посвящает руководству факультетом.

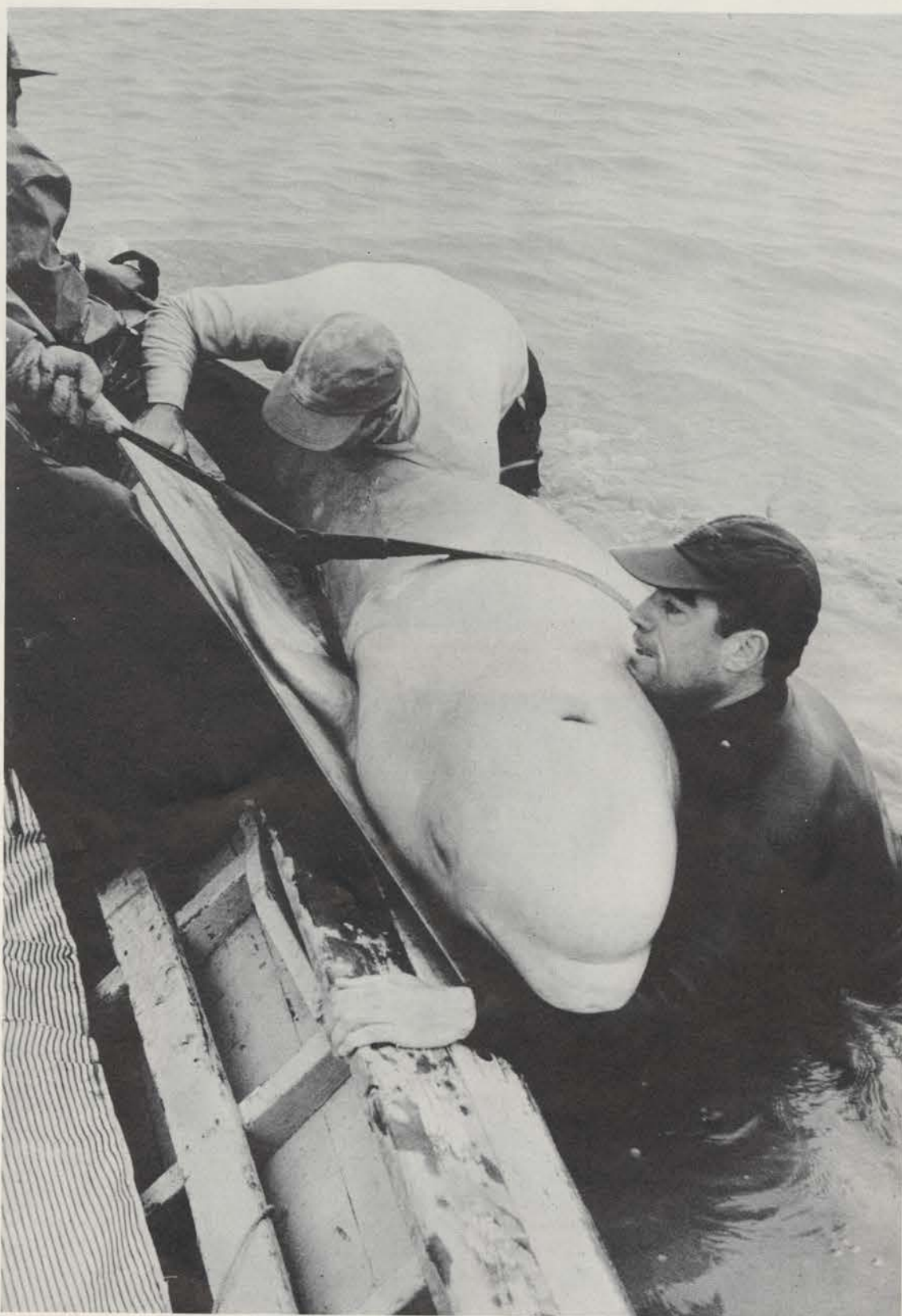
Две должности профессор Фабер выполняет уже с 1928 года, когда он стал тренером команды Мэрилендского университета, спустя год после назначения на биологический факультет. Через его руки прошла не одна тысяча юношей, которых он научил не только технике микроскопических исследований, но и технике блокировки и молниеносных передач.

Насыщенные теорией лекции сменяют лабораторные занятия.

ПОЛЕТ ТРЕХ КИТОВ

КАРЛТОН РЭЙ помощник хранителя Нью-йоркского аквариума • Фото У. Роберта Мура (Национал-географик магазин)

С большим трудом охотникам удалось погрузить Чарли в лодку: ведь он весит свыше 350 килограммов.

Ветераны китобойных флотилий Новой Англии наверно сочли бы нашу экспедицию одной из самых необычайных, когда-либо снаряженных для охоты на китов: вместо гарпунов у нас были нейлоновые сети и иглы для подкожных уколов, вместо ножей для разделки туш — витаминные пилюли и глазные примочки, вместо баков для китового жира — солидных размеров матрацы из пористой резины.

Но цель нашего похода поразила бы даже самого капитана Ахаба, заклятого врага Моби Дика. Ведь мы тоже охотились за белым китом — правда, не кашалотом, и нас не интересовал его жир. Мы хотели всего кита и хотели взять его живьем. А поймав его — вернее, их: нам надо было трех — мы собирались перевезти пленников воздушным путем и обязательно живыми из Аляски в Нью-Йорк, где, надеялись мы, они счастливо проживут до конца своих дней.

Для чего, собственно говоря, понадобились нам белые киты? Ответ, как это ни странно, можно найти в шестидесяти метрах под Конни-Айлендом, куда проникает глубинное течение холодной морской воды. Вода эта, имеющая постоянную температуру в 12 градусов, питает резервуары Нью-йоркского аквариума и делает его одним из лучших в мире аквариумов для арктических морских млекопитающих.

Будучи арктическими животными, белые киты, или белухи (называемые также белугами), издавна занимали первое место в нашем списке искомым экспонатов. И когда директор аквариума Кристофер У. Коутс получил предложение помочь ему в деле поимки белух, он поручил мне руководить экспедицией. Предложение исходило от Джемса Брукса, сотрудника Аляскинского отдела рыболовства и охоты.

Белуха (*Delphinapterus leucas*) — своего рода карлик среди китов. Новорожденные белухи примерно двух метров длиной, взрослые самцы редко бывают длиннее пяти метров.

Цвет белухи меняется от темно-серого у новорожденных до цвета слоновой кости с темными краями на плавниках и хвосте у взрослых. Название «белуха» пришло к нам из России: весьма возможно, что первые промышленники спутали этих китов с огромными речными осетрами северных вод.

Другая особенность белух — гибкая шея. У большинства китообразных семь шейных позвонков срослись и образуют одну кость. У белух они не срослись, что придает им большую подвижность, хорошо известную всем занимающимся китобойным промыслом.

Белухи выделяются среди китов своей сметливостью и послушанием. Хотя у них сильный хвостовой плавник и очень опасные зубы, они не проявляют агрессивности кашалотов и касаток. Как мы теперь знаем, их можно даже приучить, подобно бурым дельфинам, есть из рук сторожа. Водится белуха в Северном Ледовитом океане, в Атлантическом — в районах Гудзонова залива и Девисова пролива, а со стороны Тихого океана — в морях Охотском и Беринговом.

Есть основания предполагать, что белухи, как и бурые дельфины и в некотором отношении летучие мыши, обладают каким-то чувством слуха, помогающим им ориентироваться и охотиться. Плывая под водой, белуха нередко издает гудки, свистки и пiski. Некоторые из звуков можно расслышать, частота же других слишком высока для человеческого уха. Слышимые звуки объясняют американскую кличку белухи «морская канарейка».

По мнению ученых, исходящие от белухи звуковые волны отражаются от попадающихся на пути мелких рыб, ее органы слуха улавливают

Из журнала *Национал-географик магазин*. Международн. авт. права: Национального географического общества, Вашингтон, США.

эхо и направляют животное к готовому обеду. Лично я видел белух, которые, гудя и свистя, устремлялись к мечущейся в аквариуме рыбе и ловили ее, даже не открывая глаз.

До нас уже несколько аквариумов получили белух живыми, но дело это сопряжено с огромными трудностями. В свое время я участвовал в двух экспедициях и потому был знаком с некоторыми проблемами.

Белухи, как и прочие китообразные, — млекопитающие, дышат воздухом и погибают, если их держать слишком долго под водой. С другой стороны, они не могут выжить больше дня или двух вне воды: огромная туша давит на легкие, и животные задыхаются. Кроме того, транспортировка белух связана с рядом опасностей: могут пострадать их глаза и мягкие ткани кожи, они не выносят жары, а резкие колебания температуры вызывают воспаление легких.

Все это в меру наших возможностей было учтено перед нашим вылетом из Нью-Йорка в район Бристольского залива на Аляске. Там нас с белухами должен был ждать в поселке Кинг-Салмон соответственно переделанный бомбардировщик В-17 времен Второй мировой войны.

С собой мы взяли мази и примочки для глаз, антибиотики для предотвращения инфекции, матрацы из пенистой резины, на которых должна была возлежать наша живая кладь, несколько огромных носилок для погрузки и разгрузки и наконец двадцать пять метров муслина, чтобы покрыть им спины белух, сохранить влажными и холодными и не дать коже растрескаться.

Мы решили везти белух в деревянных ящиках с мягкой пластмассовой обивкой, частично наполненных водой, чтобы наши пассажиры не задыхались от своей собственной тяжести.

В экспедиции принимали участие: заведующий резервуарами Нью-Йоркского аквариума Чарльз Юнг, представитель Национального географического общества У. Роберт Мур, сотрудник Принстонского университета Сьюард Джонсон и автор настоящей статьи. Остановка была за малым: надо было найти и поймать белух. Тут нельзя было обойтись без помощи Чарли Уилсона, мага и волшебника лодочного спорта и притом такого специалиста по части ловли белух, что до сих пор чуть ли ни одно попавшее в поле его зрения животное не могло избежать пленения.

Ловить белух мы собирались в реке и бухте Квичак, в Бристольском заливе, на юго-западном побережье Аляски. Прилив достигает здесь четырех—семи метров (один из самых высоких приливов в мире), и, пользуясь ими, белухи поднимаются по реке в погоне за добычей — кетой, корюшкой и сельдью.

Вверх по течению белухи идут посередине реки, а во время отлива спускаются вдоль берега. Именно тут мы и надеялись подстеречь их, загнать в мелководье и накрыть большими сетями. Для этой операции у нас были две лодки с подвесными моторами.

В десятиметровой рыбацкой лодке Уилсона «Анн» отправились мы на нашу базу на реке Копенгаген-Крик, притоке Квичака. Там же мы нашли и временный приют для белух, нашего будущего улова, — большой пресноводный пруд в соседней тундре.

Наш план отличался простотой: надо было выждать спокойный день и найти небольшое стадо белух; затем, оставаясь по глубокую сторону от них, загнать лодками намеченную белуху в мелкое место; затем дать полный газ, чтобы ревом мотора запугать и прибить ее к берегу; здесь, на площади в несколько метров, можно будет применить наши сети.

Далеко не каждая белуха могла удовлетворить нас. Нам требовались светло-серые детеныши, еще не успевшие принять белую окраску. Они

подходили нам по размерам и имели наилучшие шансы вынести долгий перелет в Нью-Йорк.

В первый же день охоты мы убедились в способности белухи к быстрым маневрам. Неподалеку от Копенгаген-Крика мы высмотрели белуху, которой, судя по ее светло-серому цвету, было около двух лет.

Оттесняя ее к берегу, мы постепенно приближались к мелким местам, мотор продолжал реветь вовсю, мы били по воде веслами, чтобы напугать белуху и загнать ее в удобное для нас мелководье.

Одно было плохо: белуха не пугалась. Она демонстративно игнорировала наши лодки, спокойно плыва по фарватеру. Все усилия загнать ее на мелкое место ни к чему не приводили.

Наконец, эти шутки ей, видимо, надоели, она круто повернула, нырнула и исчезла.

Несколько дней спустя счастье нам снова улыбнулось: мы выследили с десятков взрослых белух, а среди них одну светло-серого цвета. Погоня началась.

Постепенно загоняя белуху в мелководье, Уилсон старался отрезать ей путь отступления. Вода становилась все мельче — два метра и меньше. Именно здесь наша первая белуха метнулась и исчезла под лодкой. Что будет с этой? После бесконечных маневров, удалось загнать ее на отмель глубиной в метр.

— Ну, наконец! — промолвил Уилсон, пустил мотор полным ходом и забросил сеть, объезжая затравленную белуху.

Затем события пошли быстрым темпом. В костюме ныряльщика, с ластами на ногах, я прыгнул за борт и бросился к запутавшейся в сети белухе. Схватив бьющийся хвост, я накинул на него петлю. Юнг был тоже в воде, и вместе с ним мы затащили другим ремнем плавники. Лишний раз я убедился в том, что в такие минуты белухи, видимо, не кусаются: попав в сети, они сдаются на милость победителя.

Подошла наша большая лодка. Спустив самодельные сходни, мы втащили в нее белуху и обложили мягкими подушками. Это было красивое животное, самка длиной в три метра и весом килограммов в триста пятьдесят.

Так мы поймали нашу первую белуху.

С ней мы направились к облюбованному нами пруду. Тем временем прилив спал, и между рекой и этим водоемом простиралось около четверти километра болота. Делать нечего, надо было нести белуху на руках. В честь Уилсона мы назвали ее «Чарли» несмотря на ее женский пол.

Переложив Чарли на носилки, мы взялись за ручки и дружным усилием хотели ее поднять. Не тут-то было: белуха не сдвинулась с места, зато мы погрузились в болото по шиколотку.

В конце концов мы переложили Чарли на импровизированные сани из фанеры и перетаскивали ее в водоем. Здесь, метнувшись несколько раз, она начала спокойно плавать кругами.

Так мы подошли к критическому моменту всей экспедиции. Дело было в том, что Чарли не скоро привыкнет питаться в неволе. Чем дольше она будет оставаться в пресной воде, тем сильнее похудеет. Поэтому надо было поймать других двух белух возможно скорее.

В один из следующих дней обе лодки тихонько вышли из бухты.

По сравнению с нашими прежними трудностями, на этот раз все обошлось почти что слишком просто. Меньше чем в двух километрах от нашего лагеря мы выследили светло-серую белуху и начали ее преследовать. Вскоре мы прижали ее к берегу, и тут, направившись к отмели, она проявила максимум доброй воли. Не успели мы буквально оглянуться, как «Берта» — так в честь жены Уилсона мы назвали эту белуху длиной около трех метров, — уже плавала по пруду ря-

дом с Чарли. Две белухи были пойманы, оставалось добыть еще одну.

Только мы завладели Бертой, нас навестил на своем самолете друг Уилсона пилот Гай Грот. Он выследил стадо белух ниже по течению и предложил быть нашим воздушным проводником.

Мы опять сели в лодки и вышли на охоту, не отрывая глаз от самолета. Километрах в двадцати пяти ниже по течению он начал кружиться над нами. Тут мы увидели большое стадо белух — сотню блестящих белых спин и фонтаны водяной пыли над серой поверхностью реки.

Выследив годовалую белуху с матерью, мы начали загонять их к берегу. Мать ни за что не хотела отстать от детеныша, даже когда под ними оставалось меньше метра воды. У нас не было другого выхода, как взять в сети обоих.

Уилсон опять блестяще забросил сеть, и на этот раз мне пришлось сражаться не с одной, а с двумя белухами. Я начал с младшей, и мы втащили ее в лодку. Это был наш первый самец, чуть больше двух метров длиной. Он оказался в хорошем состоянии — жирный и крикливый.

Да, крикливый! Очутившись в лодке, он начал издавать самые невероятные звуки — от пронзительных криков и свистков до высоких, жалобных визгов. По движениям его дыхательного отверстия было видно, что он испускает и другие звуки, но такие высокие, что человеческое ухо их не улавливало.

Мы честно старались втащить в лодку и мать (весом килограммов в семьсот), так как не хотели их разлучать. Но это нам не удалось, и пришлось отпустить ее на все четыре стороны. Мы сняли ремни — и белуха поплыла к стаду по воде, глубина которой не превышала полуметра.

К концу дня Чарли, Берта и Алекс — так мы окрестили молодого самца — лениво плавали в пруду. Три белухи были в наших руках. Оставалось перевезти их живыми и невредимыми за 5900 километров — на носилках, лодках, рыболовном судне и затем на специально оборудованном самолете до Нью-Йоркского аквариума. Это была вторая, едва ли не труднейшая часть нашей экспедиции.

Когда-нибудь я расскажу, как мы дотаскивали тонну белух до нашей лодки «Анн» и провезли их сорок километров до аэродрома в Кинг-Салмон. Но вот, наконец, десятки услужливых рук втащили наших трех обвязанных и обложенных мягкими матрацами пленников в самолет, в ожидавшие их деревянные ящики, наполовину наполненные водой.

Мало событий в жизни можно сравнить по напряжению с часами, проведенными нами в воздухе с белухами. Молодой самец наверно думал, что он опять в реке, потому что во время всего полета усиленно старался плавать в своем ящике. При этом он непрерывно выпускал звуки, другие ему отвечали. Иногда все трое хором свистели и пищали.

Об Алексе мы не беспокоились. Он был мал и переносил полет, по-видимому, очень хорошо. Но Чарли потеряла в весе, а Берта находилась в каком-то летаргическом состоянии. Джонсон, Юнг и я по очереди следили за тем, чтобы животные регулярно высовывали головы из воды и дышали, и чтобы их дыхательные отверстия оставались чистыми. Они подавали мало признаков жизни, если не считать визга и небольших подергиваний. Мы не сомкнули глаз за весь полет, который продолжался двадцать четыре часа.

Каким-то образом все мы выжили и приземлились на нью-йоркском аэродроме Айдауайлд. Грузовик аквариума подошел к самолету, мы спустили Чарли, Берту и Алекса в большой резервуар с океанской водой, и на этом наша экспедиция закончилась. С тех пор три белухи радуют посетителей аквариума.

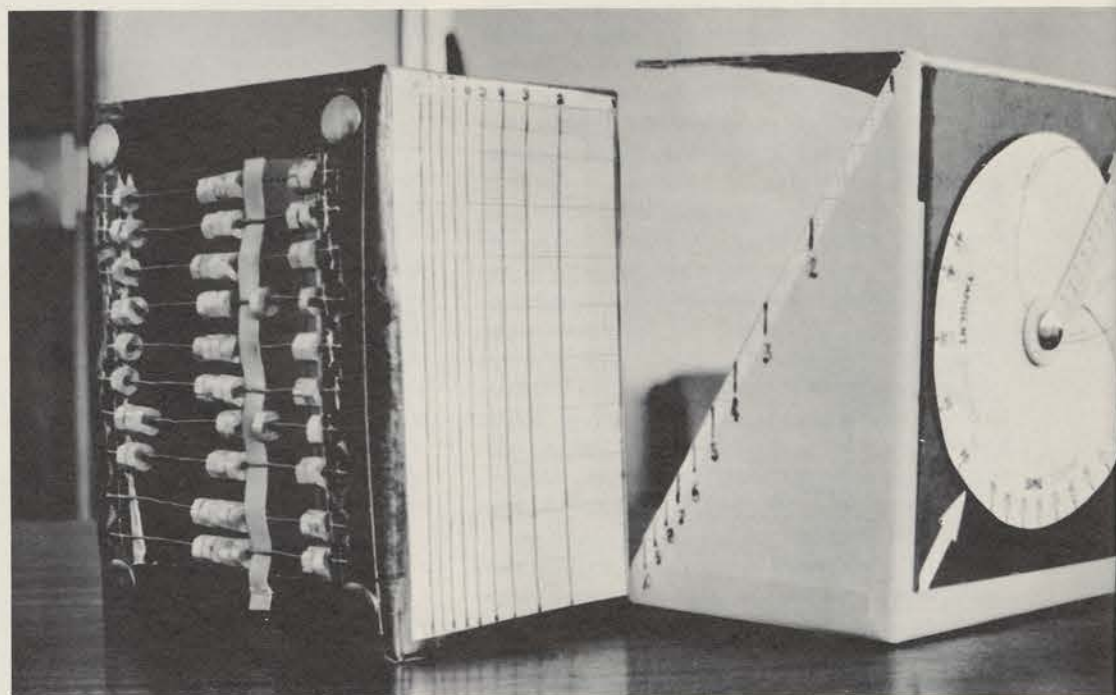
ХЛАМ В УМЕЛЫХ РУКАХ

Фото Билла Эпприджа

Издавна американские ученые и изобретатели отличались способностью создавать хитроумные приспособления из простых деталей. Однако некоторые руководители промышленности опасаются, что век вычислительных устройств, сложнейшего машинного оборудования и коллективного метода работы среди ученых ставит под угрозу развитие творческой мысли изобретателей-одиночек. Чтобы поощрять развитие изобретательской мысли, фирма «Истман Кодак компани» организовала для инженеров и техников специальные курсы. В одно из заданий курсов входит творческая работа над так называемой «коробкой с хламом». В коробке находится с десяток скрепок для бумаг, бритвенное лезвие, шесть кнопок, две английские булавки, четыре карандаша, девять резиновых тесемок, дорожная карта, два куска картона, две гибких шпильки-скрепки, две планочки, коробка из-под фотопленки и большой конверт. Курсантов просят создать из этого «хлама» что-нибудь полезное. Получающиеся в результате устройства, хотя и не всегда практически применимы, указывают, что живая изобретательская мысль еще далеко не потухла.

ЧТО СКОНСТРУИРОВАТЬ? Один из курсантов, инженер Ал Адамс, обдумывает, что можно построить из мелочи, которую, похоже, насобирали в канторских мусорных корзинках. Задание увлекает, и в результате получаются оригинальные изобретения.

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ-МАЛЮТКА. Используя тот же материал, в том числе и карту, Дон Уист сконструировал три вещи: счеты из кусочков карандашей, линейку и диск с делениями. Соединив все вместе, он получил цифровое счетно-решающее устройство.

МАСЛЕНКА-АВТОМАТ. Стюарт Коген разработал остроумное приспособление, с помощью которого можно, не пачкая рук, намазывать маслом початок кукурузы. Ручка справа вращает вырезанный из карандаша шнек, передвигающий масло по початку.

МЫШИНАЯ ГИЛЬОТИНА. Эту опасную штуку изобрел Кен Бреннер, используя бритвенное лезвие, которое вводится в действие резинкой. Приманка прикрепляется к проволочкам между двумя карандашами. В данном случае гильотина бездействовала.

ГИТАРА И БАНДЖО. Хью Ричардс и Джек Тромбли спроектировали гитару и четырехструнное банджо. Чтобы достичь нужного звучания, конструкторам пришлось много повозиться над натяжкой струн-резинок, необходимой для настройки инструментов.

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ. Дэйв Демарл создал игрушки для своих четырех детишек. Трехлетней Джоан досталась трубка — карандаш и скрепки — для пуска мыльных пузырей, другим — приспособление для ведения счета при игре в негли, летающая тарелка и мишень.

И в снег, и в дождь, и в зной...

Фото Эрла Сейберта

Аштон кладет почту в придорожный ящик.

«Почта, почта здесь!» — собака торопится оповестить своих хозяев о прибытии почтальона.

Почтальон Франк Аштон обслуживает двести пятьдесят фермерских семей в южной Миннесоте на маршруте протяжением в 140 километров. Снегопады и ливни причиняют ему много неприятностей, но он, преодолевая все препятствия, регулярно доставляет почту с неизменной улыбкой на лице. Аштон работает сельским почтальоном двадцать один год. Каждое утро, нагрузив машину журналами, письмами и каталогами, он садится за руль. «Лет двадцать назад, — рассказывает Франк, — фермеры очень редко читали журналы, зато теперь каждый выписывает их по десятку». Аштон также возит с собой изрядный запас почтовых марок и конвертов для фермеров, живущих в нескольких километрах от ближайшего почтового отделения. Профессию свою Франк любит. Она перешла к нему, можно сказать, по наследству: развозя почту, его дед запрягал лошадей, а отец заводил мотор старенького форда модели «Т».

Держа руль одной рукой, Франк Аштон распределяет почту по ящикам, стоящим вдоль дороги.

СМЕЛЫЕ ИСКАТЕЛИ счастья, переселившиеся в Новый Свет, принесли с собой духовное наследство своего прошлого и обогатили американскую жизнь поразительным культурным многообразием. Одним из их важнейших вкладов в сокровищницу духовной культуры Америки была большая разносторонность религиозного опыта и вытекающее отсюда глубокое чувство веротерпимости, столь характерное для американцев. Среди многочисленных религиозных исповеданий Америки, пожалуй, наиболее выделяется своим своеобразием восточное православие.

Американскому протестантскому большинству, преимущественно ориентирующемуся на социальный аспект религии, православие свидетельствует о духовном опыте литургической церкви. На экуменических собраниях, ищущих пути к объединению всего христианского мира, участие представителей американского православия становится все более заметным. Но в первую очередь — это живая церковь трех миллионов американских граждан.

Входящие в тринадцать отдельных юрисдикций по национальному происхождению прихожан, православные церкви с их типичными византийскими и русскими куполами расположены главным образом возле промышленных центров штатов Нью-Йорк и Пенсильвания, но они встречаются и на всем континенте — от Канады до Аргентины и от Новой Англии до самых далеких островов Алеутской цепи. Самые крупные национальные православные группы в Америке — греческая и русская (последняя насчитывает около 800 000 человек).

В настоящее время, однако, в американской православной среде заметно движение, которое, возможно, приведет к объединению всех юрисдикций в единую Американскую православную церковь. Если это произойдет — а осведомленные наблюдатели предсказывают такую возможность через двадцать пять-тридцать лет, — это будет важнейшим событием в современной истории православия. Оно также станет естественным завершением того, что началось в 1794 году, когда восемь русских монахов-миссионеров высадились на остров Кадьяк у берегов Аляски.

МИССИОНЕРЫ НА АЛЯСКЕ

В то время Аляска принадлежала России, а Джордж Вашингтон был Президентом Соединенных Штатов. Монахи-миссионеры прибыли на Кадьяк по просьбе промышленников Григория Шелехова и Ивана Голикова, которые, будучи верующими людьми, уже построили церковь на острове и сами крестили многих алеутов. В первые два года своей деятельности миссионеры крестили 12 000 туземцев и построили несколько храмов.

Из миссионеров этого первоначального периода самую светлую память сохранил по себе старец Герман, почти сорок лет трудившийся на Алеутских островах и защищавший туземцев от эксплуатации со стороны торговцев и промышленников. Наиболее выдающимся миссионером в историческом плане был отец Иоанн Вениаминов, человек блестящих умственных способностей, возведенный в 1868 году на кафедру митрополита Московского с именем Иннокентия в монашестве. Приехав молодым приходским священником в 1824 году на остров Уналашку, он составил первую грамматику алеутского языка, перевел на этот язык литургию, катехизис и Евангелие от Матфея, построил своими руками церковь и крестил почти все население Уналашки. После смерти

Православная церковь в Америке

Дмитрий Григорьев

жены он принял монашество и стал епископом новосозданной миссионерской епархии, в которую вошли Камчатка, Аляска и Курильские острова. Это было до назначения его на московскую митрополию кафедру.

Епископ Иннокентий основал в 1843 году Михайло-Архангельский собор в Ситке на Аляске. Деревянный храм с куполами все еще стоит в этом далеком городке и продолжает быть кафедральным собором аляскинского епископа.

Прошлое удивительно перекликается с настоящим в восьмидесяти с лишним православных храмах и часовнях, разбросанных по всей Аляске и на ближних островных цепях. В них около 40 000 эскимосов, алеутов и других туземцев, предки которых приняли христианство, слушают богослужение, совершаемое на церковнославянском и на их собственных языках. В настоящее время, однако, там, как и в других приходах православной Америки, английский язык все больше и больше входит в богослужение.

Аляскинский миссионерский период русского православия в Америке закончился в семидесятых годах прошлого столетия, когда епископская кафедра была переведена из Ситки в Сан-Франциско. Этот многонациональный портовый город все еще переживал бурный расцвет, начавшийся в дни «золотой лихорадки» тридцать лет тому назад. Но Сан-Франциско был далеко от главных артерий американской жизни, и в 1903 году кафедру перевели в Нью-Йорк.

К семидесятым годам прошлого века в Соединенных Штатах было три православных прихода: в Сан-Франциско и Нью-Йорке преимущественно русские, и в Новом Орлеане преимущественно греческий. Эти приходы обслуживали религиозные нужды дипломатов, моряков и очень небольшого количества православных иммигрантов. Приходская жизнь была весьма незначительна. За десять лет, между 1870 и 1880 годами, нью-йоркский приход зарегистрировал только пятьдесят пять крещений младенцев, двенадцать венчаний, четырнадцать похорон и четыре перехода в православие (двое принявших его были жена и дочь настоятеля прихода, который сам перешел в православие из католичества).

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

Бурный поток иммигрантов из стран Восточной Европы и из России, начавшийся с конца восьмидесятых годов прошлого столетия, значительно увеличил количество православных жителей Соединенных Штатов. В местах их расселения возникали новые приходы; особенно много их появилось в промышленных центрах Пенсильвании. Усиливалось влияние различных национальных церквей: русской, греческой и сирийской. В то же время большая группа униатов (католиков восточного обряда) — выходцев из славянских земель, составлявших тогда часть Австро-Венгрии, — ушла из-под власти Рима и была принята в лоно Американской епархии русской православной церкви.

К концу Первой мировой войны в Соединенных Штатах выявляется все углубляющаяся раздроб-

ленность православия по национальному признаку, продолжающаяся и поныне. В результате Октябрьской революции русская епархия оказалась отрезанной от своего церковного центра в России, и в ней появились различные настроения. Она перестала быть даже символическим объединяющим началом православия в Америке. Для управления приходами своих национальностей церковные власти соответствующих поместных церквей стали назначать епископов или администраторов, и, таким образом, в одних и тех же городах и районах возникли параллельные епархии разных ветвей православия. В период между двумя мировыми войнами в Америке появились сербская, болгарская, албанская, карпато-русская и украинская церкви. После длительных внутренних разногласий русская епархия в 1924 году на Всеамериканском церковном соборе в Детройте наконец нашла путь к разрешению накопившихся вопросов и восстановлению какого-то порядка в церковных делах. В соответствии с постановлением Московского собора (1917–1918 гг.), установившим самостоятельное управление епархий, оторванных от церковного центра, церковь Соединенных Штатов объявила себя временно автономной. Было также постановлено избирать правящего архиерея на всеамериканских соборах.

В последующие годы Русская церковь в Америке подтвердила свое намерение быть автономной, не оспаривая духовного авторитета патриарха Московского, но уклоняясь от административных связей с ним. В настоящее время русская Митрополия в Америке придерживается исторического православного принципа соборности при активном участии всей церкви. Всеамериканские соборы, созываемые каждые три года (XI собор происходил в прошлом месяце в Нью-Йорке), состоят из епископов, духовенства и мирян. Митрополия объединяет теперь девять епархий, включающих Канаду, Южную Америку, а также Японию, православная церковь которой — довольно большая и самостоятельная — находится под покровительством митрополита. В 1960 году Румынская православная епархия в Америке, насчитывавшая около пятидесяти приходов, была принята в состав Митрополии.

Хотя Митрополия и сохраняет корректные отношения с Патриархией в Советском Союзе, вряд ли она изменит свое самостоятельное положение. Ее представители указывают на то, что с течением времени она становится все более американской. Большинство ее членов в Соединенных Штатах — американцы второго и третьего поколения, и в ней все больше и больше священников, родившихся в Америке. Пока еще большинство священников Митрополии родилось в России, но они провели большую часть своей жизни в Соединенных Штатах. Православные Митрополии воспринимают свою церковь как местное учреждение, глубоко укорененное в американской почве.

Однако, канонические соображения, лежащие в основе этих взглядов, не разделяются двумя другими русскими церковными юрисдикциями в Америке. Русский архиерейский заграничный синод, организованный епископами, покинувшими Россию во время революции, отрицает законность московской Патриархии и считает себя единственным правомочным средоточием кано-

нической власти русской поместной церкви. Около ста приходов в Северной и Южной Америке подчиняются этому Синоду, переведшему в 1950 году свой центр, возглавляемый митрополитом Анастасием, из Западной Европы в Нью-Йорк. Другая группа, состоящая приблизительно из двадцати приходов, подчиняется московской Патриархии, экзархат которой управляет приходами в Северной и Южной Америке.

ЦЕРКОВЬ В НАШИ ДНИ

Внутренняя жизнь и развитие православных церквей в Америке в значительной мере зависят от семинарий и монастырей. Наиболее видное место среди них занимает Свято-Владимирская православная духовная академия в Нью-Йорке, находящаяся в ведении американской Митрополии. Это единственная полноправная в системе американского образования высшая православная богословская школа, в которой учатся кандидаты священства из всех национальных юрисдикций. В Свято-Тихоновском монастыре в Саут-Кейнэне

(Пенсильвания) находится семинария Митрополии. Архиерейский заграничный синод имеет семинарию в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (штат Нью-Йорк); в этой живописно расположенной обители также помещается издательство духовной литературы.

Все это способствует жизни и процветанию православия. Имеются и другие факторы, помогающие его дальнейшему углублению. Так например, Федерация русских православных клубов ежемесячно издает на английском языке «Русский православный журнал», в котором рассказывается о жизни молодых православных американцев и печатаются статьи о русской духовной культуре. «Дом милосердия» в Сан-Франциско дает пристанище пожилым женщинам. Тихоновский русский православный приют в Саут-Кейнэне и другие благотворительные организации существуют на пожертвования верующих, а бывшие питомцы Тихоновской семинарии и Владимирской академии поддерживают эти учебные заведения через свои студенческие организации. «Сент-Владимирс семинари куортерли» — журнал Владимирской академии — печатает статьи научно-богословского характера.

В связи с более чем пятидесятилетним существованием в Америке православных семинарий, привычный образ священника стал несколько видоизменяться и в национальном, и в бытовом, и в интеллектуальном отношении. Двое из девяти епископов современного состава Митрополии родились в Америке, так же как и все возрастающее количество приходских священников.

Архиепископ Вениамин Питтсбургский и Западно-Вирджинский учился в Американской православной семинарии, находившейся между 1905 и 1912 годами в Миннеаполисе. Преосвященный Владимир, лишь год тому назад поставленный епископом Киотским в Японии, — уроженец Пенсильвании. Он окончил один из американских университетов, работал в США на государственной службе и затем по окончании Владимирской духовной академии был священником на Аляске и Алеутских островах.

Однако процесс акклиматизации церкви в Америке происходит не только благодаря влиянию духовных лиц — местных уроженцев. Теперешний глава церкви митрополит Леонтий и один из ее более видных руководителей архиепископ Иоанн Сан-Францисский не менее преданы делу органического укоренения православия на американской почве. Они оба родились и воспитывались в России. Процесс акклиматизации усиленно поддерживается деятельностью Владимирской духовной академии; в этом учебном заведении несколько молодых преподавателей получило образование в Православном парижском богословском институте и было приглашено в Соединенные Штаты для поднятия академического уровня богословского образования в стране.

Одним из показателей больших перемен, происходящих в американском православии, является постепенное введение английского языка в богослужение. Хотя это происходит неравномерно и обычно определяется местными условиями в каждом отдельном приходе, но направление общего развития совершенно очевидно. Полностью перешло на английский язык еще сравнительно небольшое число приходов (из национальных юрисдикций больше всего пользуется английским языком сирийская церковь). В большинстве же случаев английским языком в богослужении пользуются частично для чтения Священного Писания, Символа Веры, некоторых ектений, а также для проповеди. В ряде приходов Евангелие и Символ Веры прочитываются по-англий-

ски после оглашения их на церковнославянском языке, а раз в месяц совершается Божественная литургия полностью на английском языке. Общая тенденция в применении английского языка находится в известной мере под влиянием Владимирской духовной академии, где им пользуются почти исключительно, так как ее студенты представляют различные национальные церкви.

Приветствуя эти нововведения, их сторонники ссылаются на подобные явления в истории православной церкви. Характерной чертой распространения православия среди разных наций было принятие языка данного народа. Выдающимся прецедентом служит создание славянского алфавита и развитие русской письменности святыми Кириллом и Мефодием. Работа на алеутском языке ранних аляскинских миссионеров подтверждает этот исторический опыт православия.

НА ПОРОГЕ НОВОГО ПЕРИОДА

Также основываясь на историческом опыте, видные представители православия предвидят в будущем объединение всех ветвей православной церкви в Америке. Будучи обычно в пределах одной страны единым организмом в составе данной юрисдикции, церковь в Америке раздроблена на отдельные независимые части, что противоречит основным канонам православия. Положение осложняется национальными и культурными факторами церковной жизни иммигрантов. Сторонники церковного объединения относятся с большим уважением к этнически разнообразным традициям православия и считают, что отдельные приходы не потеряют присущего им национального характера, подобно некоторым ирландско-американским и польско-американским приходам, сохранившим свои отличительные черты в рамках единой католической церкви в Соединенных Штатах.

Фактически уже существует орган для осуществления развития церковной жизни в указанном направлении. Это Постоянная конференция православных епископов в Америке. Основанная по инициативе архиепископа Иакова, экзарха Вселенского патриарха и главы Греческой православной церкви в Америке, она пользуется полной поддержкой и активным участием русской Митрополии, возглавляемой митрополитом Леонтием. Подавляющее большинство национальных юрисдикций участвуют в этой конференции. Пока сфера ее деятельности довольно ограничена; она распространяется на проблемы общего интереса, как посылка военных священников в Американские вооруженные силы или организация снабжения детей и молодежи религиозно-просветительными материалами. Однако, как общепризнанное место встречи для взаимного понимания и сотрудничества представителей Американского православия, этот орган является значительным шагом вперед на пути к полному объединению.

На заре XX века дальновидный церковный деятель патриарх Мелетий Константинопольский ясно определил значение иммигрантов для православия в Соединенных Штатах. В то еще не созревшее для объединения время он сделал неудавшуюся попытку объединить всех православных в Америке под юрисдикцией Константинопольского (Вселенского) патриаршего престола. Он сказал: «Я видел большую и лучшую часть православной церкви в рассеянии, и я понял, как возвеличено могло бы быть имя православия в великой стране Соединенных Штатов, если бы более двух миллионов православных людей объединились в единую организацию — Американскую православную церковь».

Храм Св. Николая Чудотворца в Вашингтоне.

Фото Джона Леонгарда • С разрешения журнала *Лайф*

ГАРВАРДСКИЕ ПРОФЕССОРА МЕДИЦИНЫ

Озабоченные, вдумчивые лица: озабоченный терапевт, осматривающий пациента, озабоченный исследователь, надеющийся в скором времени поделиться с другими своим открытием. Это преподаватели медицинского факультета Гарвардского университета. Всех их объединяет одна общая забота — добиться новых успехов в медицине и передать свой богатый опыт грядущему поколению врачей. В Соединенных Штатах насчитывается 87 медицинских вузов. Среди них есть крупнее и старше медицинского факультета в Гарварде, но лучше его, пожалуй, не сыщешь. Гарвард — питомник учителей: каждый десятый преподаватель-медик в Соединенных Штатах — его выпускник. Далеко не всюду студенты с таким вниманием следят за работой преподавателей, работают с профессорами в таком тесном сотрудничестве — будь то в университетских аудиториях или в семи университетских клиниках в Бостоне — как в Гарварде. Как магнит притягивает он со всего света будущих врачей, стремящихся здесь приобрести знания и разделить радости и заботы гарвардских студентов. Весной 1963 года в Гарварде провел две недели советский врач Игорь Шхвацабая, который интересовался новыми методами лечения сердечно-сосудистых заболеваний. «Наши студенты мало чем отличаются от своих преподавателей, — говорит декан факультета Джордж Берри. — У них только значительно меньше опыта. Но и те и другие всеми силами стараются приобрести новые знания».

ДОКТОРУ ДЖОНУ ЭНДЕРСУ принадлежат немалые заслуги в области вирусологии: разрабатывая новые методы борьбы с вирусными заболеваниями, он внес свою лепту в создание вакцины против полиомиелита и усовершенствовал вакцину против кори. В 1954 году профессор Эндерс был удостоен Нобелевской премии. Читая лекции по вирусологии, он стремится передать свои знания молодым врачам.

ИЗВЕСТНЫЙ ТЕРАПЕВТ доктор Герман Блумгарт, главный врач больницы «Бет Израэль» с 1946 года, выслушивает сердце больного. Подобно другим профессорам Гарвардского медицинского факультета, он не только преподает, но и занимается врачебной практикой. Неизменно чуткий и отзывчивый, доктор Блумгарт в каждом своем пациенте видит прежде всего человека, а потом уже больного. Эту ценную для врача черту он старается привить и студентам.

ПРОФЕССОР ОТТО КРАЙЕР, всю свою жизнь посвятивший фармакологии, проверяет сердечную деятельность подопытного животного после введения лекарства. Фармакологию — науку о действии лекарственных веществ на организм — Крайер преподавал на трех континентах. Главным образом его интересует влияние лекарств на деятельность сердца и желез. Он также изучает реакции организма на длительное воздействие успокоителей и надеется установить, какие изменения произойдут в мускулах и других тканях в результате долголетнего пребывания в них лекарственных препаратов. Исследователь и педагог, Крайер необычайно популярен среди своих студентов: многие специально из-за него приезжают учиться в Гарвард.

МАСТИТЫЙ УЧЕНЫЙ, профессор Гарвардского университета доктор Эдуард Черчилль вместе с двумя молодыми ассистентами совершает обход по палатам Массачусетской больницы. За спиной профессора сорокатрехлетний опыт хирурга. Эдуарду Черчиллю принадлежит целый ряд практических усовершенствований в области операций грудной полости. Во время Второй мировой войны он служил врачом американской армии в Южной Европе. Путешествуя по всему миру, Черчилль много сделал для блага медицины в малоразвитых странах. Его лекции всегда интересны и содержательны. Выпускник Гарвардского университета, он, как и большинство показанных здесь его коллег, пользуется репутацией страстного защитника новых открытых наукой методов.

ОДИН ИЗ ПИОНЕРОВ ХИРУРГИИ, доктор Роберт Гросс (слева) работает в тесном сотрудничестве с молодым ассистентом. Прокладывая новые пути в хирургии сердца, он первым применил оперативное вмешательство при лечении детей с врожденным пороком, а также успешно произвел пересадку кровеносных сосудов одного пациента другому. Его практические занятия со студентами сопровождаются доходчивыми пояснениями. Часто доктор Гросс оперирует в зале с галереями, откуда студенты следят за его работой.

ДОКТОР ДЖОРДЖ ЭРИКСОН преподает анатомию. Свои первые шаги будущие врачи делают под его руководством — он считается их неофициальным советником. «Студенты вспоминают о нем с большой теплотой», — рассказывает декан факультета Берри. Эриксон изучает скелеты через специальные увеличительные очки. Ученый славится незаурядным радиолюбительством и по вечерам частенько переговаривается по радио со своими коллегами. Большой знаток анатомии обезьян Западного полушария, он обогатил историю эволюции человека рядом ценных открытий.

ГЛАВНЫЙ ОРТОПЕД Детской больницы Уильям Грин даже в занятой атмосфере больничного утра находит время, чтобы обнадеживающе потрепать по плечу кого-нибудь из юных пациентов. Тридцать лет своей деятельности он посвятил детям-калекам и изувеченным взрослым. Его операции больных остеомиелитом и параличом считаются образцом врачебного искусства. Грин строг со своими студентами и требует от них тончайшего понимания душевных переживаний больного.

На страже американской истории

С разрешения журнала *Сатердэй ревью* • ДЖОН ТЕББЕЛ

Вплоть до последних десяти-двенадцати лет, неопубликованные документы и рукописи ведущих государственных деятелей Америки хранились в разных концах Соединенных Штатов и даже в Европе. Историкам, работавшим над этими материалами, приходилось разыскивать их в библиотеках и частных архивах.

Однако уже давно в политических и научных кругах шли разговоры о назревшей необходимости — даже обязанности — собрать воедино бумаги наших государственных деятелей в виде тщательно подготовленных и, в меру возможного, полных изданий и сделать их таким образом доступными каждому. В результате, лет десять назад университетские издательства при финансовой поддержке ряда фондов и организаций приступили к собиранию и публикации архивов великих американцев.

Еще в 1930 году само Федеральное правительство положило начало опубликованию таких документов, издав бумаги Джорджа Вашингтона в 39 томах, содержащих все его до сих пор найденные письма и сохранившиеся дневники.

БУМАГИ ДЖЕФФЕРСОНА СТАЛИ ОБРАЗЦОМ

Биографы Томаса Джефферсона с завистью следили за появлением этих томов. Уже многие годы они обсуждали, как наконец собрать рассеянные повсюду бумаги Джефферсона. Однако ничего не было сделано в этом направлении до тех пор, пока в 1940 году Конгресс, собираясь отметить двухсотлетие со дня рождения Джефферсона, не учредил специальную юбилейную комиссию. Ей было поручено подготовить к печати новое издание работ этого Президента, включив в него различные дополнительные материалы и неопубликованные рукописи, хранящиеся в Библиотеке Конгресса. Предпринятое издательством Принстонского университета, собрание должно охватить все без исключения труды Джефферсона.

Так было положено начало ряду изданий, являющихся в своей совокупности величайшим по объему коллективным предприятием ученых-историков. Самым внушительным примером тому остается издание бумаг Джефферсона. Первые материалы вышли из печати в 1950 году, и с тех пор появилось шестнадцать томов. Первоначально предполагалось закончить выпуск всего собрания в течение двадцати лет и воспроизвести в нем 78 000 страниц рукописей.

Трудности в подготовке рукописей для изучения и редактирования удалось разрешить с помощью фотоувеличительного процесса. Документы, найденные в библиотеках и в других местах, фотографировались на микрофильмы, которые затем вводились в увеличитель. В результате получались ясные черно-белые снимки, с которыми в дальнейшем было легко работать.

Триста частных коллекционеров, не считая десятков библиотек, были вовлечены в поиски документов. По завершении публикации все собранные материалы поступят в особое отделение Библиотеки Конгресса, где каждый ученый сможет получить доступ к факсимиле оригиналов.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ

Лишь через девять лет после выпуска в 1950 году первых томов архива Джефферсона начали выходить из печати труды других государственных деятелей. Самым важным, пожалуй, было издание трудов Вениамина Франклина, которое взял на себя Йельский университет.

Йельское университетское издательство, как и Принстонское, предполагает завершить работу в течение двадцати лет, выпустив за этот срок около сорока томов. По предварительным подсчетам, будет собрано 25 000 документов, из которых шесть тысяч — собственноручные рукописи Франклина. Большая часть документов выявлена за последние пять лет. Несмотря на величайшие заслуги Франклина как ученого, издателя и государственного деятеля, публикации его трудов до сих пор уделялось совершенно недостаточное внимание. Последнее издание вышло из печати пятьдесят лет тому назад и включало лишь 2000 документов. Розыски новых материалов велись чуть ли не по всему свету, до пяти государств Восточной Европы включительно, — и незадолго до начала публикации удалось обнаружить ряд документов в Праге. Издатели намереваются напечатать не только все написанное Франклином, но и все адресованное ему многочисленными корреспондентами (последнее либо полностью, либо в резюме и выдержках).

Одновременно с Франклином внимание историков привлекли два южанина, сыгравших большую роль в политике Соединенных Штатов в предшествовавшие Гражданской войне десятилетия. Штат Кентукки начал публиковать бумаги Генри Клея, этого «мастера компромисса», а штат Южная Каролина — архив Вице-президента США Джона К. Калхуна, выдающегося защитника доктрины о суверенитете штатов. Несмотря на свои сравнительно скромные размеры, эти издания являются гордостью названных штатов. Издательство университета Южной Каролины подчеркивает, что средства для издания бумаг Калхуна были собраны в самом штате. В архиве Калхуна сохранилось до 30 000 документов, и университет предполагает выпустить от двенадцати до пятнадцати томов, но пока невозможно предугадать, сколько времени на это потребуются. Архив Клея значительно меньше (в нем 10 000 документов), и штат Кентукки собирается вместить его в десять томов и выпускать по два тома в год. Между прочим, бумаги Клея до сих пор вообще не издавались отдельными томами.

ОБШИРНЫЕ АРХИВЫ ПРЕЗИДЕНТОВ

В 1961 году издательства Гарвардского и Колумбийского университетов приступили к публикации новых серий документов. Гарвард занялся изданием архива семьи Адамсов, по праву считавшегося самым большим частным собранием источников для истории Соединенных Штатов. Этот проект по числу страниц превышает не только издание бумаг Джефферсона, но вообще вряд ли когда-нибудь будет превзойден по объему. Члены замечательной семьи Адамсов — из нее вышли два Президента США и один извест-

ный дипломат — исписали за полтора века целые горы бумаги. Меньше трети этих материалов было до сих пор опубликовано, лишь немногие были напечатаны в XX веке, и почти все издания давно распроданы.

Количество документов так велико, что печатание полного издания всех текстов представляется невозможным: 400 000 рукописных страниц занимает 8250 метров микрофильмов на 608 катушках! Общество изучения рукописей семьи Адамсов собирается издать ведущим научным библиотекам США копии всех микрофильмов. Печатное издание, которое, быть может, займет томов сто, придерживается простого правила: все помещаемые там материалы — письма, дневники и даже второстепенные документы — будут воспроизведены без каких-либо сокращений. Первые два тома корреспонденции семьи Адамсов содержат неопубликованный до сих пор материал, во многом по-новому освещающий период, предшествовавший Американской революции, первый год Войны за независимость и ожесточенные дебаты в связи с Декларацией Независимости.

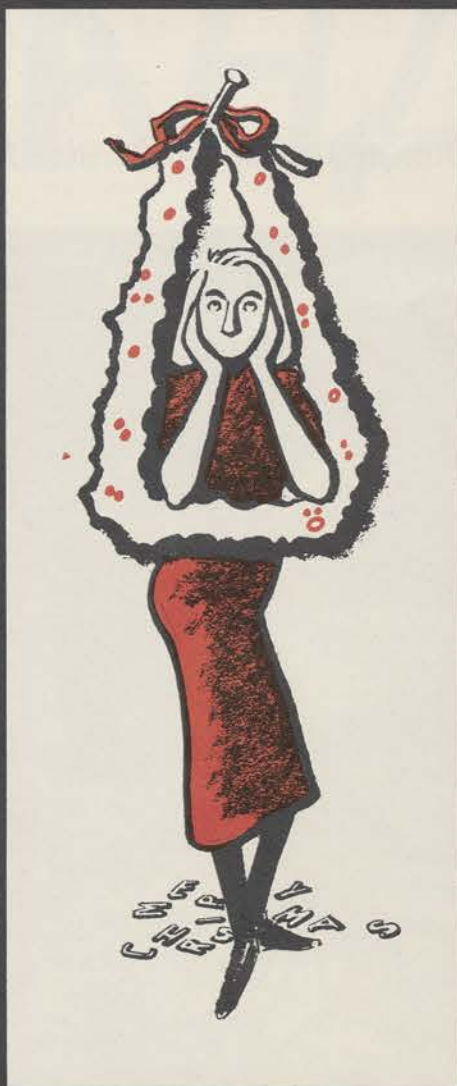
За ними в ближайшее время последует дневник Чарльза Франсиса Адамса, также включающий много неопубликованных и неизученных страниц. Чарльз Франсис Адамс был дипломатом при английском дворе во время Гражданской войны 1861–1865 годов и сыграл, по мнению историков, решающую роль: ему удалось предотвратить вмешательство Англии в войну на стороне конфедератов. В следующие тома войдут впервые публикуемые полностью дневники Президента Джона Куинси Адамса и семейная переписка со дней Американской революции до XX века.

Колумбийский университет поставил перед собой гораздо более скромную цель: он издает бумаги Александра Гамильтона (министра финансов при Джордже Вашингтоне), ярого сторонника сильного центрального правительства, необходимого, с его точки зрения, для развития торговли и промышленности. Предполагается издать двадцать томов, в которые должно войти до 17 000 документов.

В 1962 году Чикагский университет начал издавать вместе с университетом штата Вирджиния бумаги Джемса Мадисона в двадцати томах. Тома первый и второй посвящены первым тридцати годам жизни Мадисона, следующие наглядно покажут его роль в создании Конституции Соединенных Штатов, его деятельность в качестве Государственного секретаря при Президенте Джефферсоне и, наконец, на посту Президента Соединенных Штатов (1809–1817).

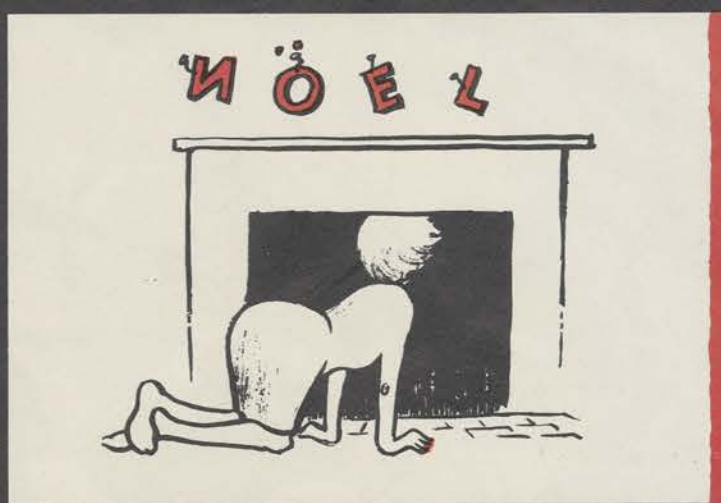
Принстонский университет собирается издать архив более близкого к нам по времени Президента — Вудро Вильсона, но, пожалуй, пройдет лет двадцать, пока намеченные сорок томов выйдут в свет. Вудро Вильсон, возглавлявший американское правительство в годы Первой мировой войны, был поистине плодовитым писателем. Он один может потягаться со всей семьей Адамсов, и его рукописей хватит на сто томов. Только лишь в Библиотеке Конгресса хранятся 1200 ящиков с его бумагами. Следующее по величине собрание его рукописей находится в библиотеке Принстонского университета.

Сейчас трудно представить себе, какие размеры в конечном итоге примет это собрание и издание бумаг американских государственных деятелей. Национальная историческая комиссия ставит своей основной задачей опубликование трудов всех Президентов США и других выдающихся политических деятелей. Очевидно, никто из нас не будет свидетелем завершения этого начинания, конца которого фактически и не предвидится: Президенты всегда будут опережать историков, издающих их архивы. ▼

С Рождеством Христовым!

Когда Мона Беннетт, художественный редактор нашего журнала, поздравляет друзей с Рождеством, ей незачем ставить своей подписи: своеобразный и полный юмора почерк художницы каждый узнает без труда. Вот Мона зачарованно смотрит на вращающегося вокруг елки спутника, ждет запоздалого появления Деда-Мороза в камине, с гордостью показывает бумажных куколок. Так из года в год она посмеивается над собой и окружающим миром.

С разрешения журнала *Сунсет*

ИСКАПАЕМЫЕ РЫБОЯЩЕРЫ

Проезжая по западной Неваде, этому пустынно-му краю диких кроликов и зарослей шалфея, меньше всего ожидаешь столкнуться лицом к лицу с морскими чудовищами. Но именно они бросаются в глаза посетителям Невадского парка ихтиозавров.

160 миллионов лет тому назад над теперешними пустынями Калифорнии, Невады, Орегона и Вашингтона плескались волны Тихого океана. Потому-то здесь и сохранились остатки крупнейшего обитателя древних морей — ихтиозавра, чей барельеф высечен на камне у въезда в парк.

Этот рыбаощер слегка походил на современных дельфинов, хотя и оказался бы великаном среди них. Его рыло было вытянуто, в пасти сверкали острые как иглы зубы.

Палеонтологи все еще ломают голову, стараясь понять, чем была вызвана почти одновременная гибель огромного количества ихтиозавров, бесчисленные остатки которых до сих пор разбросаны по древнему побережью. Много миллионов лет побережье оставалось погребенным под землей, и затем в результате сейсмических сдвигов оно вновь поднялось на поверхность, образовав нынешние Шошонские горы в Неваде. Ветры и дожди оголили скрытые в земле окаменелые кости рыбаощеров, и теперь их прекрасно видно в заповеднике-каньоне Уэст-Юнион, неподалеку

от уже давно заброшенного лагеря рудокопов.

По странной прихоти природы многие скелеты остались точно в том же положении, в котором ихтиозавры когда-то погибли, отдыхая на морском берегу. Лучше всего сохранились кости спинного хребта и плавников. Остатки ихтиозавров найдены в разных концах света, но, пожалуй, в Шошонских горах удалось обнаружить самые крупные экземпляры: длина одного из скелетов превышает пятнадцать метров.

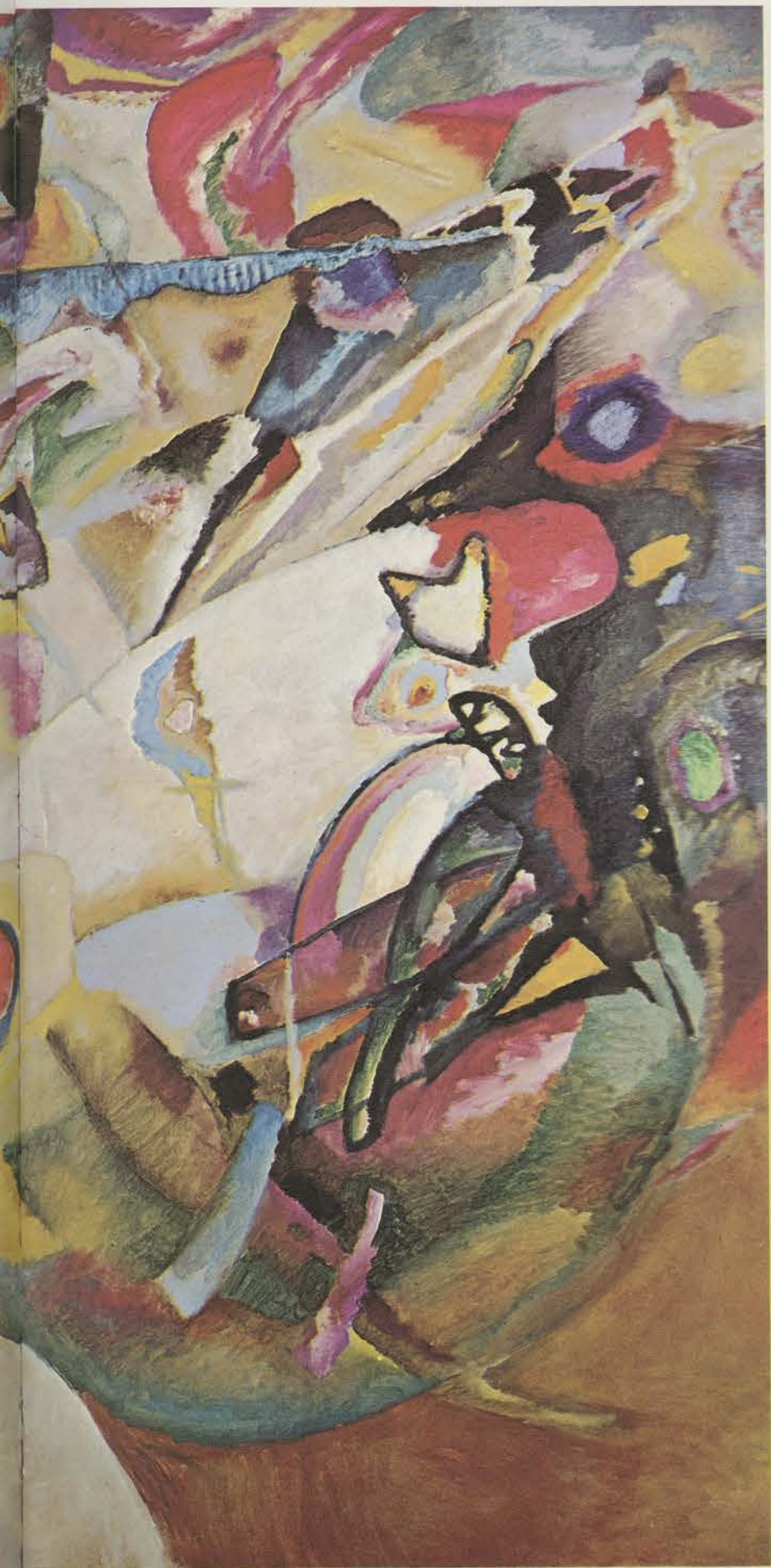
Парк ихтиозавров небольшой (200 гектаров) и не слишком хорошо оборудованный, но все же там достаточно ровных площадок, удобных для разбивки палаток. К заповеднику ведет несколько дорог, но все они пересекают пустыню, и путь туда не из легких.

Выставка картин русского художника пролила свет на зарождение абстрактной живописи

«КОМПОЗИЦИЯ VII» (1913), 200 × 300 см.

КАНДИНСКИЙ

ОДНИМ из самых выдающихся событий американской художественной жизни 1963 года следует признать выставку картин Василия Кандинского. Никогда еще в Соединенных Штатах его творчество не было столь полно представлено, как на этой выставке в музее имени Гуггенхайма (оригинальное здание музея построено по проекту покойного Франка Ллойда Райта). Выставка подлила масла в огонь и без того жарких и нескончаемых споров по актуальному вопросу: жизненна ли беспредметная живопись? И неудивительно; ибо, как отметил критик газеты «Нью-Йорк пост», «Кандинского по праву нужно считать основоположником беспредметного искусства: он понял, что абстрактные элементы, если они полны чувства, могут внушать эмоциональные переживания и другим».

Однако, подчеркивали критики, влияние Кандинского распространилось далеко за пределы круга «авангардистов» нашего века. По их мнению, американский абстрактный экспрессионизм, создавший собственные смелые стили и формы, все еще остается в долгу у «импровизаций» Кандинского. «Во многих случаях американские художники воспользовались теми возможностями, которые когда-то предвидел русский европеец Василий Кандинский», — отметила Дорé Аштон в одной из своих последних книг о современном искусстве.

В музее имени Гуггенхайма были выставлены 103 картины маслом и 35 акварелей мастера. Музеи Ленинграда и Москвы любезно предоставили выставке семь картин, написанных между 1909 и 1913 годами — в самый решающий период деятельности Кандинского — и проливающих свет на зарождение «чистой абстракции». Большинство картин поступило из трех источников: от проживающей в Париже вдовы художника, от фонда Габриелы Мюнтер в Мюнхене и из собственного обширного собрания Гуггенхаймовского музея. После Нью-Йорка выставку отправили в Париж, затем в Гаагу и в Базель. Одновременно в калифорнийском городе Пасадена была устроена еще одна выставка произведений Кандинского, которая до конца 1964 года побывает в различных музеях США.

Эти выставки и вызванные ими дискуссии возродили у американцев интерес к творчеству Кандинского, который начал свою деятельность в России и продолжал ее в Германии и во Франции. Тот факт, что художник творил в нескольких стра-

Горячее обсуждение картины «ДОМИНИРУЮЩАЯ КРИВАЯ» (1936).

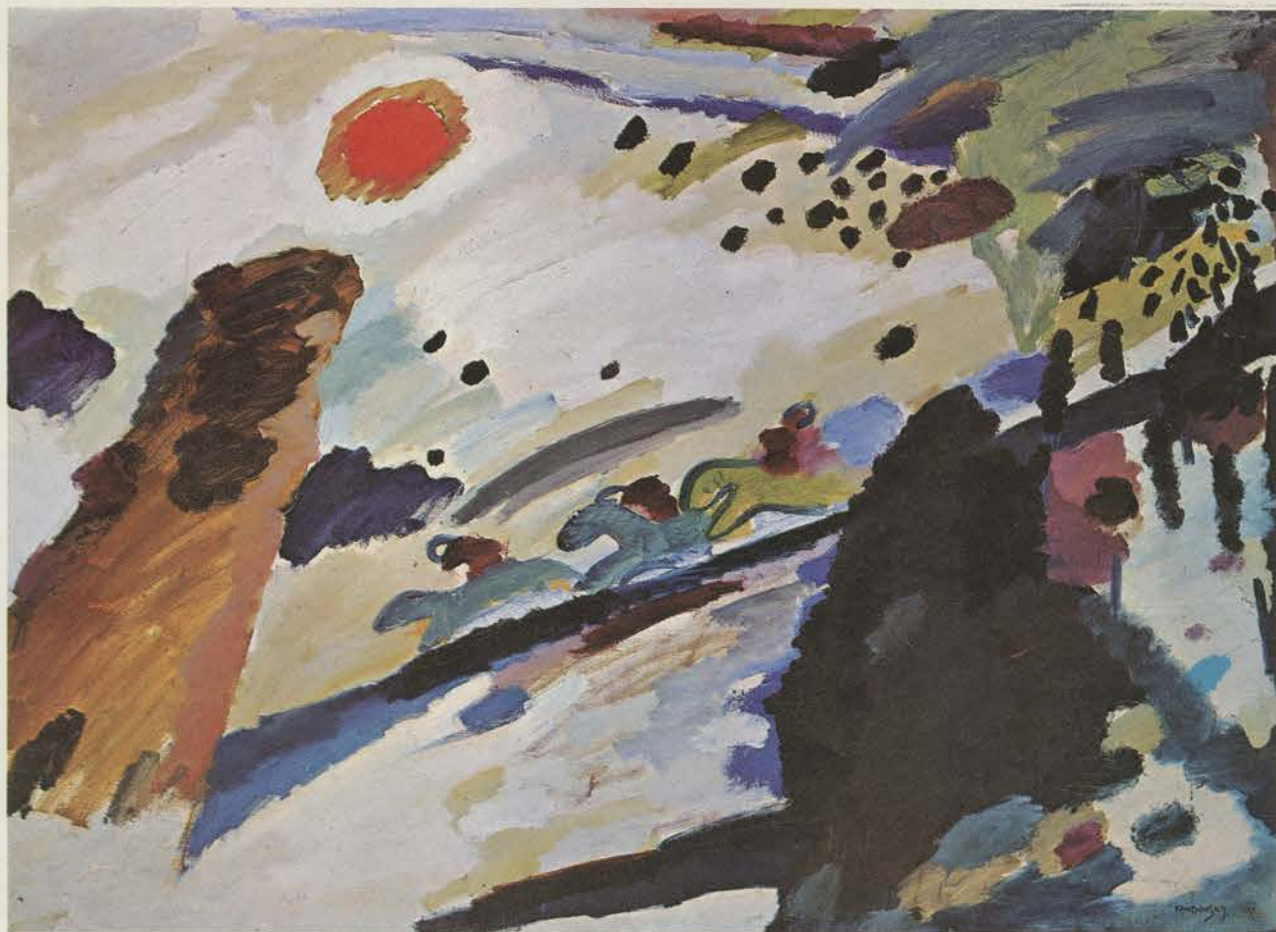

«ШЛЮЗ» (1902), 81 × 56 см.

нах, уже сам по себе показывает интернациональный характер современного движения в искусстве. По признанию Кандинского, два момента в его жизни оказали большое влияние на дальнейшее творчество. Первый связан с поездкой по Вологодской губернии. Художник зашел в избу, и его поразила яркая раскраска мебели, висящих в углу икон и изделий местных кустарей. «Перешагнув порог комнаты, — писал он, — я словно вошел в картину, стал ее частью». Подобное же произошло несколько позже в Москве. В ее церквах он испытывал удивительное чувство органической принадлежности к полным динамики краскам, от которых разбегались глаза.

Много путешествуя по Западной Европе между 1902 и 1907 годами, Кандинский сделал ряд зарисовок с натуры, в которых уже далеко отошел от обычной предметности. Характер мазков, их длина, плотность и направление играли существенную роль в его картинах. В России полотна Кандинского были впервые выставлены в Одессе, где он познакомился с такими деятелями экспериментального и абстрактного искусства, как Михаил Ларионов, Наталья Гончарова, братья Бурлюки.

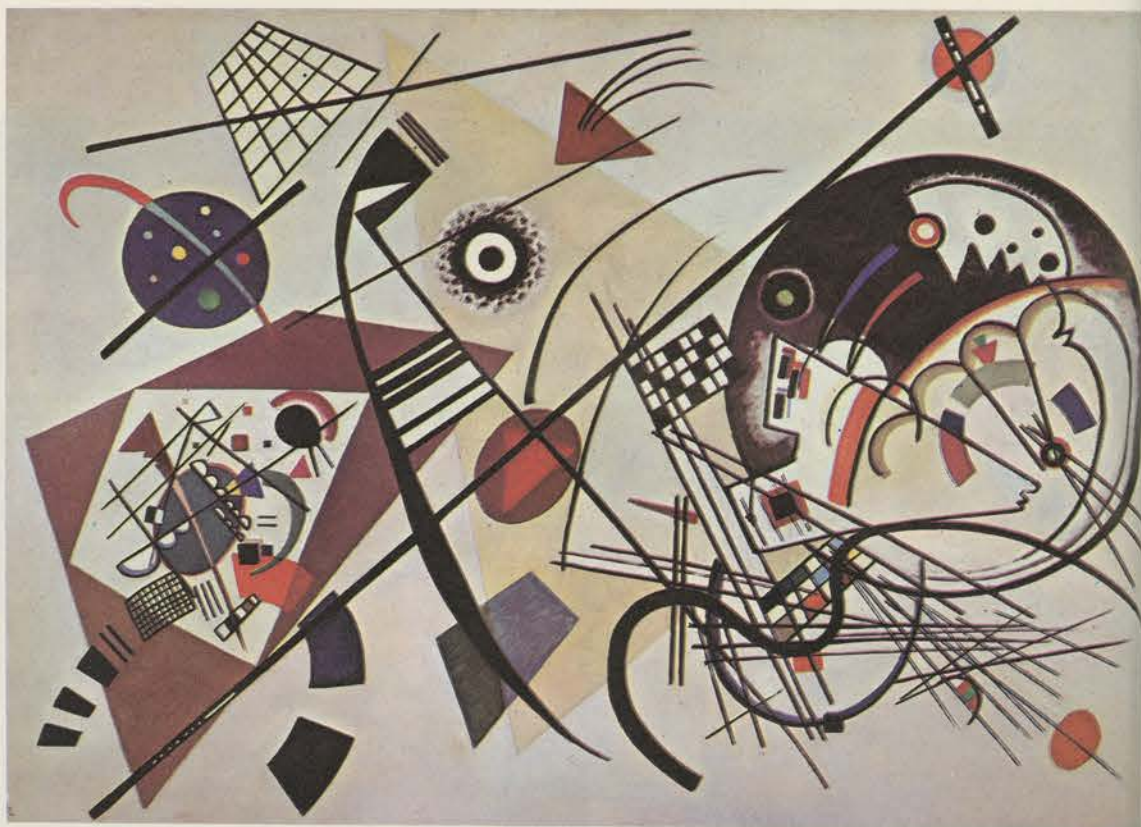
В Мюнхене он показал свои работы на выставке картин группы экспрессионистов «Голубой всадник», а в 1912 году опубликовал книгу «О духовном в искусстве», ставшую провозглашением его художественного кредо. «Не только явные геометрические фигуры таят в себе самые богатые возможности, — писал он, — но и скрытые, незаметно выступающие с полотна, предназначенные скорее для души, чем для глаза... Скрытые конструкции могут состоять из как будто случайных форм, не имеющих видимой связи». Началась мировая война, и Кандинский вернулся на родину. Там он работал в своей московской студии, а после революции участвовал в государственных мероприятиях по закупке и устройству выставок произведений современного искусства, включая и абстрактную живопись. В 1921 году он писал о том, как советская власть поощряет экспериментальные искания в искусстве, и его слова произвели большое впечатление на работавших в Западной Европе американских художников. Но в том же году произошел раскол в рядах русских абстракционистов, и Кандинский примкнул к известной школе «Баухауз» в Веймаре. Последующие десять лет он все чаще прибегал в своем творчестве к

«РОМАНТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ» (1911), 94 × 129 см.

«БЕЛАЯ ЛИНИЯ» (1920), 129 × 98 см.

«ПРОНИЗЫВАЮЩАЯ ЛИНИЯ» (1923), 141 × 202 см.

«ТЕМНО-КОРИЧНЕВОЕ» (1924), 83 × 72 см.

геометрическим формам — этим, по его словам, «художественным организмам», основанным не на существующих в природе очертаниях, а на созданных в воображении художника.

В 1933 году гитлеровцы закрыли «Баухауз» и объявили творчество ее сторонников «упадочным». Кандинский переехал в Париж, где и оставался до последних дней своей жизни. Скончался он в 1944 году. В этот период творчества он как бы объединил свои прежние стили, создавая новые формы и свежие, нежные краски. С 1933 по 1944 год он написал более 200 картин (масло и акварель). Они отличаются жизнерадостностью и свидетельствуют, быть может, о более спокойной стадии в полной исканий жизни художника.

«Художник не только вправе пользоваться отвечающими его запросам формами, — писал Кандинский, — но и должен видеть в этом свой моральный долг. Такого рода свобода так же необходима в искусстве, как она необходима в жизни». Несмотря на свой чисто индивидуальный подход к живописи, Кандинский оказал огромное влияние на таких американских живописцев как Аршил Горький, Джексон Поллок, Роберт Мотеруэлл, Марк Ротко и Адольф Готтлиб. Подобно Кандинскому, они и многие другие художники-абстракционисты чувствовали, что, если им удастся порвать узы традиций и дать волю эмоциям, это приведет к появлению новой живописи, которая, возможно, внесет в искусство радикальные перемены. И по мнению многих художники добились этих перемен. Однако, глядя на замечательную коллекцию произведений Кандинского, невольно убеждаешься в том, что даже самое «новое» родилось из уже сложившихся традиций. ЛОРА ТЭРСТОН

«КОМПОЗИЦИЯ X» (1939), 130 × 195 см.

На ежегодном «Турнире роз» в Калифорнии. Колесница из 45 000 орхидей везет исполнительницу популярных песенок Дайну Шор по улицам Пасадены.

ТУРНИР РОЗ

Патриция и Рон Дейч

Вот уже более семидесяти раз на Новый год, когда почти по всей стране свирепствуют морозы, улицы Пасадены, согретые калифорнийским солнцем, утопают в море роз, орхидей, хризантем и ландышей. В самый разгар праздника через весь город тянется цветочное шествие длиной в десять километров, начало которого по старому обычаю возвещают фанфары. Во второй половине дня все жители города спешат посмотреть решающее состязание футбольного сезона на стадионе Пасадены «Розовая чаша». Это сочетание спортивного азарта и природной красоты превращает ежегодный «Турнир роз» в одно из самых красочных зрелищ в Соединенных Штатах. Оно привлекает в Пасадену — сравнительно небольшой город под Лос-Анжелесом — около полутора миллионов туристов и по всей стране приковывает миллионы американцев к радиоприемникам и телевизорам.

Игры «Розовой чаши» положили начало целому ряду состязаний, также именуемых «Чашами» — «Рисовая», «Апельсиновая», «Сахарная» и даже «Аллигаторовая». На каждом из этих спортивных

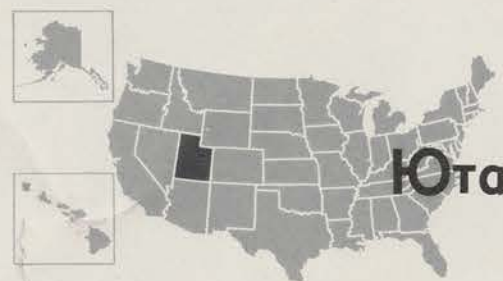
праздников проводятся матчи между командами-победительницами районных соревнований. Однако, по своей красочности ни одна встреча не может сравниться с калифорнийской «Розовой чашей», и принять в ней участие — заветная мечта всех университетских команд.

В 1890 году первая «Розовая чаша» напоминала деревенский праздник: жители разукрасили розами лошадей и экипажи, проехали парадом по немошным улицам городка, а затем собрались на пикник в парк, где устроили игры и конские состязания. Теперь эти парады превратились в роскошное зрелище: насколько хватает глаз, тянется вереница созданных из цветов произведений искусства, гарцуют всадники, гремят 20 марширующих оркестров. Платформы на колесах украшаются исключительно живыми цветами и растениями — искусственные строго запрещены. Много нового было показано здесь за последние годы: по Нилу плывут Клеопатра и Антоний, а с весел атлетов-гребцов, словно капли воды, ниспадаю лепестки цветов; катится по прериям фургон американских пионеров, ползет двенад-

цатиметровый дракон, появляются греческие храмы, легендарные животные, сказочные герои. Даже чикагский пожар 1871 года с огромными клубами дыма из цветов побывал в Пасадене.

Хотя «Турнир роз», вероятно, самое грандиозное зрелище в стране, он устраивается на добровольных началах местными жителями, которые вносят по пять-десять долларов за право вступления в члены Турнирного общества. Единственное, что требуется от участников, — желание работать и опыт. Когда в Пасадене начинаются приготовления к параду, работой банкиров и администраторов порой руководят механики и лавочники. Последние две ночи перед торжеством почти никто не спит. Даже те пасаденцы, которые не участвуют в подготовительных работах, не засиживаются под Новый год, чтобы встать утром пораньше и насладиться парадом.

К полуночи легковые и грузопассажирские автомобили привозят целые семьи; люди, с необходимыми для ночлега пожитками, располагаются прямо на улицах, по которым утром пойдет парад — каждому хочется занять место получше.

Зрители привозят с собой раскладушки, печурки и спальные мешки; всю ночь на улицах не смолкает оживленный разговор и пение.

Тем временем в огромных жестяных сараях в бешеной спешке готовятся громадные платформы. Большинство рабочих — добровольцы, но есть среди них и студенты, подрабатывающие в эти дни в Пасадене. Платформы обычно бывают 12 метров длиной, 6 метров шириной и до 6 метров, а то и больше в высоту. Украсить такую платформу цветами, пока те не завяли — дело, требующее большого мастерства.

Платформу сооружают следующим образом: на шасси грузовика или «виллиса», удлиненное деревянными брусками или металлическими штангами, устанавливают своего рода подмости. Затем из проволоочной сетки создаются основные формы конструкции, которые опрыскиваются пластическим составом, образующим тонкую, прочную поверхность. К этому покрову по одному приклеивают цветы: сначала — более выносливые, затем — более нежные, которые при этом часто помещают в пробирки с водой.

Иногда работы выполняются по рисункам любителей или даже школьников, а иной раз — по проектам таких профессиональных художников, как Изабел Колман. Сейчас Колман — уже пожилая женщина, но в юности она каталась в украшенных цветами экипажах, потом увлеклась декорированием платформ, а теперь этим зарабатывает себе на жизнь.

Один из шедевров Изабел Колман — платформа «Лебединое озеро», которая в 1959 году получила высший приз за красоту. Используя 300 000 живых цветов, художница построила из белых хризантем девятиметрового лебедя, плывущего по озеру из 25 000 орхидей. Между поднятыми крыльями лебедя танцевала балерина. За лебедем на великолепном троне из орхидей и роз сидела «Королева роз» предыдущего года, выбираемая, как правило, из студенток городского колледжа Пасадены.

Для того, чтобы убрать цветами такую платформу как «Лебединое озеро», требуется два дня. Тем не менее, даже жители небольших селений, ютящихся у подножия окрестных гор Сан-Габриеля, как например Сьерра-Мадре, из года в год создают замечательные платформы. Хорошим примером их терпеливого труда может служить появившаяся несколько лет назад платформа: цветочная композиция изображала громадную птицу, зорко следящую за огромными огненно-золотыми пчелами из хризантем, окунающими хоботки в розовый нектар гигантских цветов, сделанных из мелких цветочков.

В 9 часов знаменательного дня счастливые красавицы, которым выпал жребий восседать на платформах, занимают свои места. Горнисты, оседлав игреневых коней, скачут вперед, чтобы проиграть первый сигнал перед главной трибуной, заполненной высокопоставленными лицами: губернаторами, президентами университетов и другими видными деятелями.

Гремит оркестр. Сотни лошадей, бряца серебронарядных уздечек и подбрасывая гривой гирлянды роз, сотрясают копытами землю. В ожидании парада миллионы американцев настраивают телевизоры.

Под звуки оркестра медленно проплывают колесницы — число их часто переваливает за шестьдесят. Стройные лошади, искусные наездники, море цветов и молодые красавицы в великолепных нарядах — все это сливается в незабываемое зрелище. По окончании парада тысячи людей толпятся вокруг платформ, которые выставляются на два дня для показа.

Около полумиллиона автомобилей заполняет после праздника дороги Пасадены — это обычный новогодний затор на шоссе. Но праздничная атмосфера успокаивает автомобилистов. Одни направляются домой, другие — в Арройо-Секо, широкое ущелье с отвесными стенами гор, по которым среди дубняка лепятся мирные жилища.

В этом ущелье раскинулось окаймленное 10 000 розовых кустов железобетонное сооружение — стадион «Розовая чаша». Здесь на зеленом поле происходит самая интересная футбольная встреча спортивного сезона.

На состязание съезжается до 100 000 зрителей, в то время как миллионы других американцев следят за ним по телевидению. Доход от матча поступает в пользу университетов, представленных спортивными командами, и города, использующего выручку на содержание стадиона, где часто бывают любительские соревнования по различным видам спорта и устраиваются выпускные церемонии учащихся средних школ.

На стадионе царит радостное, шумное смятение: развеваются школьные флажки, слышится задорный смех, колышется пестрое море форменных курток (по их цвету можно определить, кто за кого «болеет»). Сосиски, кофе, орехи и картофельные «чипсы» помогают занять толпу в перерыве между парадом и матчем и подкрепляют проголодавшихся болельщиков. Специфическая атмосфера стадиона не раз была причиной неожиданных побед и поражений. У многих сохранилась в памяти игра 1934 года, когда команда Станфордского университета — сильнейший коллектив Запада — вызвала нью-йоркский Колумбийский университет. Нью-Йоркские студенты, никогда не придававшие слишком большого значения спорту, уступали по весу станфордцам (в среднем по 9 кг на игрока), и спортивные обозреватели предсказывали победу Станфорда.

Колумбийцы могли рассчитывать лишь на свою быстроту, но, как на зло, накануне встречи шел проливной дождь. Пожарные команды откачали воду со стадиона, однако поле превратилось в глубокое месиво грязи.

В первую половину игры колумбийская команда героически сдерживала натиск станфордцев, неоднократно пытавшихся открыть счет. После перерыва колумбийцы вышли не в обычных бусах, а в легких теннисных туфлях, которые во многом облегчали им передвижение по мокрому полю. Находчивость колумбийцев себя оправдала: они победили со счетом 7:0, вписав славную страницу в историю своего университета.

Состоявшаяся недавно встреча между командами вашингтонского и висконсинского университетов еще раз доказала, что чудодейственная «Розовая чаша» разжигает в сердцах более слабой команды непреодолимый боевой дух. Вашингтонцы встретились с игроками, превосходившими их по весу и по опыту. С самого начала игры вашингтонцы обнаружили признаки слабости. Но после непродолжительной упорной борьбы они, захватив мяч, стали теснить мощную оборону висконсинцев, и первая половина игры закончилась почти рекордным счетом 23:8 в пользу Вашингтона.

В перерыв, когда команды покинули поле и пошли на отдых, стадион снова расцвел пестрым ковром. Играя с большим подъемом, шегольски одетые музыканты духовых оркестров обоих университетов то и дело перестраивались, образуя из плотных рядов слова. На трибунах тысячи болельщиков поднимали цветные плакаты, составляя по буквам слова приветствий.

Но вот на поле вновь высыпали игроки: чистые свитеры и золотые шлемы вашингтонцев засверкали на солнце. Казалось, роли на этот раз переменились, но через несколько минут вашингтонцы стремительным броском снова увеличили счет. Опять на стадионе «Розовая чаша» спортсмены добились непредвиденных результатов. Как всегда в ходе игры было несколько опасных моментов, но пострадавших не оказалось. Американский футбол отличается своими силовыми приемами, а потому корректная игра студентов заслуживала особой похвалы.

Наступает вечер. Крутые склоны гор Сан-Габриеля озаряют лучи заходящего солнца. 50 000 автомобилей покидают Арройо-Секо. Так кончается ежегодный праздник в «Розовой чаше». ▼

24 июля 1847 года, достигнув Большого Соленого озера, глава мормонов Бригам Юнг объявил: «Тут мы и остановимся». С этого момента началось освоение Юты. Так закончился длинный и тяжкий переход, который совершил Юнг со своими единоверцами. Приверженцы этого нового вероучения — мормоны — двинулись на Запад, чтобы избежать религиозных гонений.

Место, где остановились переселенцы, оказалось, по словам одного из них, «огромной пустыней, чья выжженная солнцем сухая земля презрительно отвергала земледельца». Первым делом пришельцы решили оросить почву. Ныне Юта занимает девятое место среди штатов по площади орошаемых земель.

Девиз штата («трудолюбие») и его эмблема («пчелиный улей») олицетворяют дисциплину мормонов, славящихся взаимопомощью. В 1929 году, когда экономическая депрессия вызвала серьезную безработицу в стране, мормоны придерживались лозунга: «Никто из нас не должен пользоваться благотворительностью».

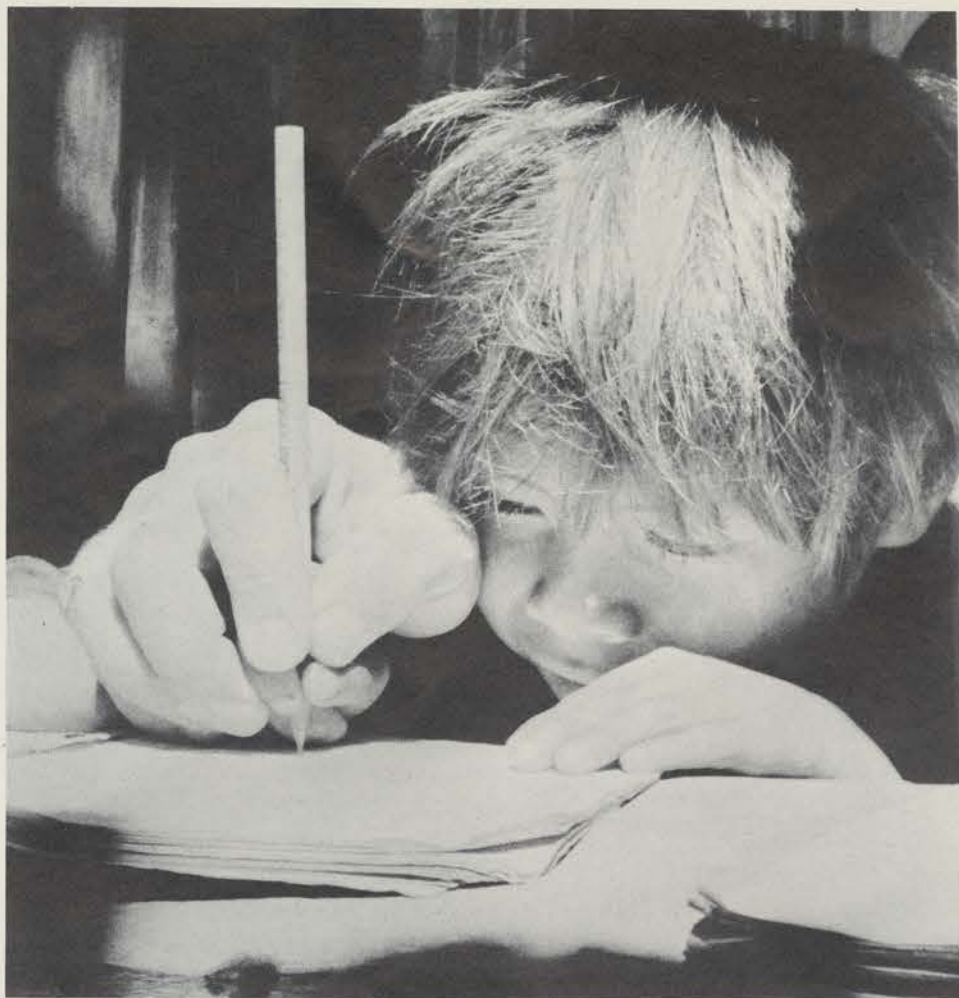
Штат назван по имени индейского племени юте, которое населяло территорию, когда отряды конкистадора Коронадо обследовали район в 1540 году. В 1848 году Юта была куплена у Мексики, а в 1896 году она получила статус штата. В Юте встречаются скелеты динозавров, древние жилища в скалах, украшенные резными фигурками пещеры; ее крутые каньоны отличаются исключительной красочностью. В среднем штат возвышается на 1600 метров над уровнем моря, а его высшая точка, гора Кингс-Пик, достигает 4050 метров. На территории Юты, площадью в 220 000 кв. километров, проживает менее 900 тысяч человек. В ее крупнейшем городе и административном центре — Солт-Лейк-Сити — насчитывается около 200 000 жителей.

Край богат минеральными ресурсами, что способствовало постройке железных дорог и развитию горного дела — главной отрасли промышленности штата. В Юте, занимающей второе место в стране по продукции меди и урана, добывается также значительное количество нефти, угля, свинца, золота и серебра. Начавшееся за последнее время производство стали, ракет и ракетного топлива для исследования космоса привело к обогащению жителей Юты. Важнейшие сельскохозяйственные продукты штата — кормовые культуры, пшеница, сахарная свекла и фрукты.

В 1849 году кто-то дал такое мрачное описание вечно меняющемуся и свирепствующему во время бурь Большому Соленому озеру: «Гробовая тишина, казалось, царил в воздухе, в воде... на этих унылых берегах без единого деревца». Много лет спустя поэт и постоянный житель Юты Альфред Ламборн воскликнул: «О ослепительный отблеск света на водах Внутреннего моря! Как вороненая сталь сверкает оно морскою гладью».

Несколько любопытных фактов о Юте:

- ● ● Большое озеро так насыщено солью, что рыбы в нем нет; зато потонуть там невозможно.
- ● ● Строительство первой трансконтинентальной железной дороги в США было закончено неподалеку от городка Промонтори в 1869 году.
- ● ● На автотреке Бонневилльской соляной равнины гонимые развивают скорость до 650 км/час.
- ● ● Выступления хора мормонского храма в Солт-Лейк-Сити записываются на грампластинки и часто передаются по радио и телевидению.
- ● ● Юго-восточная Юта — единственное место в США, где соприкасаются границы четырех штатов: Юты, Колорадо, Нью-Мексико, Аризона.

С помощью Уилла Киндберга маленькая индианка старательно выводит незнакомые буквы.

ФОТО КОРНЕЛЛА КАПЫ • С разрешения журнала *Лайф*

РУКА ДРУЖЕСКОЙ ПОМОЩИ

Где-то в центральной части Перу сидит маленькая девочка. В ее ручонке, направляемой чужой опытной рукой, зажат непривычный карандаш, которым она прилежно выводит свои первые каракули. На поляне, окруженной плотной стеной джунглей, собрались местные жители. Их сосредоточенные лица оживают, когда они слышат рассказ о далеких странах, читаемый на языке их племени. Так Уилл Киндберг ведет по пути к знаниям людей, которые на протяжении веков оставались в сторо-

не от хода истории. Восемь лет назад, покинув родной штат Нью-Джерси, Уилл Киндберг переселился с семьей в Перу. Лингвист по профессии, Уилл работает в церковной организации, которая в сотрудничестве с Оклахомским университетом создает письменность для ряда племен и, обучая их грамоте на родном языке, дает им в руки бесценное богатство. Как и многие тысячи других молодых учителей, добровольно уходящих навстречу опасностям и лишениям в нетронутые цивилизацией рай-

оны, Киндберги ежегодно проводят семь месяцев среди индейцев племени кампа. Первое время, овладевая трудным языком кампа, Киндберг сам был учеником индейцев. Позже, составив с женой букварь, Уилл начал обучать индейцев чтению и письму, а впоследствии занялся переводом Библии на язык кампа. И уже, вероятно, близок тот день, когда Киндберги, поручив продолжение своей работы учителям из племени кампа, переселятся на новое место и начнут обучать грамоте другое племя.

Человек глубоко верующий, Киндберг молится с индейцами. Вера для него — незыблемая основа, на которой он строит свою жизнь и работу в джунглях.

Киндберг читает сказки, переведенные им на язык кампа. Слева от Уилла сидит его жена Ли с маленьким Дугласом; справа — Брус, Эрик, Гейл и Кэти.

Ли — по профессии медсестра — бинтует ребенка. Возвращаясь на плоту домой из соседней деревни, Уилл с друзьями преодолевает пороги на реке Эне.

Общая работа— общий досуг

Киндберги живут в примитивном тростниковом жилище, типичном для деревни Неньячани. Небольшая переносная рация служит им единственным средством сообщения с внешним миром. Ближайшая больница находится в 400 километрах. К счастью, пятеро маленьких Киндбергов чувствуют себя в джунглях как нельзя лучше, и в семье царит атмосфера дружбы и преданности работе.

Восьмилетний Брус спускается из «спальни», откуда высунул свою голову его брат Эрик.

В вечерние часы вокруг Уилла Киндберга собираются все его дети и приятели индейцы, чтобы послушать трубу, на которой он учится играть.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР АМЕРИКИ

«Плохо ли, хорошо ли, — сказал как-то Виргилий Томсон, — но с двадцати пяти лет я живу на до-годы от прямых и побочных продуктов моих музы-кальных талантов». В числе «прямых продуктов» можно назвать такие великолепные произведения, как оперы «Четверо святых в трех актах» и «Наша общая мать», а также музыкальные сюи-ты, написанные для документальных кинофильмов «Река» и «Луизианская история». За последнее со-чинение он получил в 1949 году премию Пулицера по музыке. А к «побочным продуктам» относятся музыкально-критические статьи — одни из самых блестящих, остроумнейших и глубоких, когда-либо написанных в Соединенных Штатах.

Виргилию Томсону шестьдесят семь лет. Родился он в штате Миссури, на Среднем Западе США, и получил образование в Гарвардском университете. Между двумя мировыми войнами он по многу лет жил в Париже («я предпочитал голодать там, где вкусно кормят»), а сейчас делит свое время между Парижем и Нью-Йорком. В его музыке отразились, с одной стороны, передовые влияния, воспринятые во Франции, с другой — мелодии народных песен и религиозных гимнов родного края.

И в своих критических статьях, и в своей му-зыке Томсон явно отдает предпочтение легкому стилю, а не торжественности и напыщенности. С 1940 по 1954 год он был критиком газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» и на всех и все смотрел непочтительными глазами. Так, об одном не в меру экспансивном дирижере Томсон написал, что тот не дирижировал оркестром, а «взбивал его точно сливки, месил как тесто, тасовал как колоду карт, заводил будто стенные часы, затем словно тер-белю на стиральной доске и наконец выжимал». Но в его критической деятельности была и серьезная сторона — его погоня против засилья музыки XIX века на концертной эстраде и призыв к более ча-стому исполнению современных сочинений экспери-ментального характера и малоизвестных старин-ных произведений. В приводимой ниже беседе критик и композитор делится своими мыслями о музыке, о музыкальной критике и о слушателе.

ВОПРОС: В наших газетах и журналах много пишут об американской культуре — о том, есть ли она у нас в смысле количественном или ка-чественном и есть ли она у нас вообще. Долгие годы вы были участником и комментатором со-бытий музыкальной жизни страны. Я хотел бы спросить вас: как мы в Соединенных Штатах создаем и как сохраняем богатую и все время яркую, растущую музыкальную культуру?

ОТВЕТ: Прежде всего, музыкальная культура не создается разговорами о ней или благими поже-ланиями. Вы становитесь культурным в музы-кальном отношении, слушая и создавая все боль-ше и больше хорошей музыки. Это развивает вкус. В наши дни в Соединенных Штатах су-ществуют орудия музыкальной культуры в боль-шом количестве и весьма высокого качества. Нигде в мире нет лучших симфонических ор-кестров, нежели наши первые пять: Нью-Йорк-ский, Бостонский, Филадельфийский, Кливленд-ский и Чикагский. Пожалуй, к ним можно сейчас причислить и Питтсбургский, да и Детройтский недалеко отстал.

Американские струнные квартеты блестящи! Особенно Будапештский и квартет Джульяд-ской консерватории. Музыкальные факультеты наших университетов, наши консерватории со-вершенно первоклассны. Наши слушатели, по своей интеллигентности и по непосредственности восприятия, могут выдержать сравнение с кем

угодно. Наши артисты-концертанты тоже перво-классны. В отношении культивирования музыки Соединенные Штаты не отстают ни от одной страны в мире.

Судя по вашим словам, мы вступили в золотой век. Вы согласны с этим?

Это совсем не золотой век. Многие еще не по-лучило у нас достаточного развития — например, оперные театры и в особенности музыкальные передачи радио и телевидения. Радио и телеви-зионные станции работают на чисто коммерче-ской основе, стремятся, естественно, привлечь возможно больше слушателей и часто оказыва-ются ниже своих европейских собратьев как по количеству, так и по разнообразию того, что мы называем хорошей музыкой. Причем я вовсе не имею в виду только серьезную музыку, ибо хорошая музыка существует во многих жанрах. Но та хорошая музыка, что вы слышите по на-шему радио и телевидению — это, в основном, «коммерческая» музыка легкого жанра, а не бо-лее высокого типа. Опираясь исключительно в области звука, радио, конечно, дает гораздо больше музыки всех видов, чем телевидение. В наши дни вы можете слушать по радиостанциям «хорошей музыки», существующим теперь во многих крупных городах, весьма разнообразную серьезную музыку, передаваемую с граммофон-ных пластинок или в магнитной записи кон-цертных выступлений.

Как обстоит дело с оперой по телевидению? Не является ли последнее естественным стимулом для распространения оперного искусства?

Серьезные попытки передачи опер по телевиде-нию были сделаны и в США и в других странах, но, на мой взгляд, ни одна из них не оказалась достаточно успешной в художественном отно-шении. А опере на киноэкране еще труднее раз-решить эту сложную проблему. Сложность ее объясняется тем, что глаз киноаппарата натура-листичен, тогда как опера — это поэтический и следовательно условный, стилизованный театр. Если бы мы сумели превратить современный диалог в речитатив, это, возможно, оказалось бы первым крупным достижением, но никому еще не удалось осуществить такое в достаточно убе-дительной художественной форме. Я не хочу этим сказать, что в области современной амери-канской оперы не было создано ничего хоро-шего. В числе композиторов, написавших оперы выше среднего качества, я назвал бы Стравин-ского, Джан-Карло Менотти, Самуэля Барбера, Марка Блицштейна, Дугласа Мура, Пегги Глен-вилл-Хикс, Юго Уайсголла, Карлайла Флойда и Аарона Копланда.

НОВАТОРЫ

Кто из американских композиторов XX века создал, по вашему мнению, наиболее оригиналь-ные и значительные произведения?

Если мы обратимся к самому началу столетия, то найдем, что Чарлз Айвс уже примерно в 1900 году работал в Новой Англии над таким мате-риалом, как религиозные песнопения, полити-тельность и прочее. Его музыка в некоторых отношениях предвосхищала новаторство Шен-берга и Стравинского, но оказала малое влияние на музыкальные течения современности, потому что его сочинения были изданы лишь много лет спустя. На другом конце страны — в Калифор-нии — Генри Кауэлл еще в 1912 году выступил с фортепьянными пьесами весьма своеобразного звучания. Вместе с Варезом и Джорджем Антей-лем, он был пионером в области ритмических

новшеств и отнюдь не классических способов извлечения звука. Его написанные после 1940 года сочинения менее радикальны, нежели ран-ние работы. В них словно воскресает сельская Америка XIX века и иногда слышатся отзвуки музыкальных культур Азии.

Эдгар Варез принес в Америку французское влияние. До своей эмиграции в 1916 году он был учеником д'Энди и Русселя и научился у Бузони применять к музыке методы математического расчета и экспериментировать с акустикой. Варез был одним из главных организаторов Междуна-родного союза («гильдии») композиторов, зна-комившего Нью-Йорк с произведениями самых передовых композиторов Америки и со смелы-ми, новаторскими иностранными сочинениями, до тех пор у нас не исполнявшимися. Одним из американских композиторов, выдвинутых Сою-зом, был Карл Рэггль, чьи небольшие произве-дения, атональные и полные диссонансов, отли-чались большей напряженностью соотношения интервалов, чем любые вещи, написанные в двадцатых годах в Европе. Музыка Рэггльса до сих пор не потускнела, так же как и музыка Вареза с ее изобретательным использованием самых необычных звучаний.

Тридцатые годы были временем расцвета опе-ры, порвавшей с традициями XIX века и обра-тившейся к американскому музыкальному языку, а порой и к американскому быту. Мои «Четверо святых в трех актах», написанные в 1928 году, были впервые исполнены в 1934 году. Годом позже появилась опера «Порги и Бесс» Герш-вина. За ней последовал социальный протест в форме «зингшпиля» — «Колыбель будет качаться» Марка Блицштейна. В последние годы того же десятилетия к оперному творчеству обратились Джан-Карло Менотти — итальянец, получивший образование в Америке, и Дуглас Мур — американец, учившийся во Франции, ко-торые и поныне продолжают работать на этом поприще, завоевав себе имя не только у нас, но и за пределами нашей страны.

Что можете вы сказать о музыкальном сегодня? Какие новаторы проявили себя за последние двадцать лет и в каком направлении развивалось их музыкальное творчество?

В сороковых годах выступил Джон Кейдж — композитор-экспериментатор, родом из Кали-форнии, обосновавшийся в Нью-Йорке. Он за-метно усилил левое крыло композиторского фронта, лишившееся своего революционного руководства. В конце сороковых годов Кейдж встретился с представителями нового радикаль-ного течения в Европе и научил их таким вещам в области ритма, о каких они не подозревали. Позже он показал им, как пользоваться в му-зыкальной композиции совершенно случайными звуковыми комбинациями.

Но большинство американских композиторов исследовало творческие возможности в обла-стях, с успехом открытых ими же в двадцатых и тридцатых годах. Около 1950 года опять по-явились новшества. Композиции на многоглаго-вой основе и электронная музыка являются ле-вым флангом фаланги, тогда как кое-кто из нео-консерваторов пользуется простой или видоиз-мененной двенадцатитоновой системой: так или иначе, они стремятся к максимальной сложности в пределах атональной или почти атональной фактуры. На американской почве застрельщики этого неоконсерватизма были Эллиотт Картер и Роджер Сешонс, и их творчество оказалось в общем более утонченным и изысканным, нежели

музыка их европейских единомышленников. Серийные комбинации у нас почти не применялись, а наши электронные опыты начались позднее и по количеству не идут в сравнение с далеко нас опередившими европейскими.

Как обстоит дело с внеевропейскими влияниями на американских композиторов?

Некоторые американцы изучают восточную музыку в надежде создать некий сплав, способный влить новую энергию и в Восток и в Запад. Кауэлл, Кейдж и Харрисон (все трое из Калифорнии) уже давно экспериментировали с китайскими и японскими музыкальными методами. Алан Хованесс — бостонец армянского происхождения — широко пользуется музыкальным материалом Ближнего Востока. А Пегги Гленвилл-Хикс — австралийка по рождению — создала на основе заимствованных из Индии, Северной Африки и Греции элементов свой собственный, необыкновенно гибкий и выразительный музыкальный язык. В Соединенных Штатах уже существует ряд произведений, знаменующих возвращение к гомофоническому стилю, без какой-либо гармонической основы, и я должен признать, что все они свежи и интересны.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

В XIX веке и даже, до некоторой степени, в первые десятилетия XX столетия американская музыка, как известно, следовала европейским образцам. Если не считать недавнего развития в оперном творчестве, то где и когда, по вашему мнению, вошли национальные элементы — народные источники и народный музыкальный язык — в американскую музыку?

К концу XIX века два наших лучших композитора — Джордж У. Чадуик и Эдуард Макдауэлл — обратились к американским источникам вдохновения. Чадуик, например, написал увертюру на сюжет американской народной легенды «Рип Ван Винкль», а в «Индийскую сюиту» Макдауэлла вплетены индейские народные мелодии. Но оба композитора использовали американский фольклор так, как его могли бы использовать европейские путешественники, и, уж конечно, не более убедительно, чем это сделал в своей симфонии «Из Нового Света» Дворжак, который в 1890-х годах провел три года в США. Более самобытные формы использования народных источников приходится искать в других местах. Собрание негритянских «спиричуэлс» началось после Гражданской войны. В 1910 году Джон Ломакс издал первый том своего собрания ковбойских песен. В 1917 году Сесил Шарп начал издание аппалачских баллад. Эти собиратели фольклора вдохновлялись примером аналогичной деятельности Бартока в Венгрии. Они открыли золотые россыпи, которые с особым успехом разработали композиторы тридцатых годов.

Что вы скажете о джазе?

Рождение блюза относят к 1909 году. То был год, когда У. С. Ханди написал ставший ныне классическим «Мемфисский блюз». Как законченная форма музыкального искусства, джаз появился в стране между 1912 и 1915 годами. Блюз это подлинная народная музыка с установленной формой (12 тактов в 4/4), с рифмованным текстом из трехстрочных куплетов. Тематика их серьезная: певец сетует на несчастную любовь и трудную жизнь. Джаз — музыка инструментальная: это коллективная импровизация в форме вариаций на популярную тему. С самого начала своего существования джаз и блюз успешно работают в содружестве и с таким же успехом выступают порознь. И тот и другой идут по пути утонченности и усложнений. Более того, прошло 60 лет, и они оба, доказав свою жизнеспособность, стали подлинными музыкальными жанрами, имеющими свою литературу и историю, высокий уровень мастерства и стиля исполнения, свою мировую аудиторию, и оба они еще не показывают признаков старости. Они дали много музыке легкого жанра и стимулировали творческие поиски в серьезной музыке. Среди многочисленных нашумевших произведений такого рода музыки достаточно назвать «Сотворение мира» Дариуса Мийо и «Рапсодию в стиле блюза» Джорджа Гершвина.

РОЛЬ МУЗЫКАЛЬНОГО КРИТИКА

Ваши музыкальные рецензии в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» пользовались большой популярностью. Их охотно цитировали в США. Почему же несмотря на это вы прекратили вашу деятельность музыкального критика?

Я работал в «Геральд трибюн» 14 лет. Начал я осенью 1940 года, а ушел из газеты осенью 1954 года. Прекратил я свою деятельность, почувствовав, что я достаточно долго проработал в этой области. За это время я рецензировал выступления почти всех артистов и почти все музыкальные произведения. Я изучил весь музыкальный мир. Ради трех-четырех новинок не имело смысла продолжать работу, я утерять к ней прежний интерес. Мать мне, бывало, говорила: «Когда ты в гостях, всегда уходи домой, пока еще и тебе и хозяевам весело!» Вот я и решил уйти, пока еще не наскучил сам себе и читателям.

А нужны ли вообще музыкальные критики?

Музыка часто обходилась и без них. Творчеству Моцарта и Гайдна критика, в сущности, не мешала и не помогала, потому что в те времена ее почти не было. Бетховен в последние годы своей жизни был объектом критики, обычно весьма восторженной, со стороны некоторых поэтов. Например Гейне, занимавшийся музыкальной критикой, всегда его полностью поддерживал. А поэтесса Беттина Брентано довольно вычурно восхваляла его. Видите ли, когда поэты начинают писать о музыке, они непременно поют ей дифирамбы, такова уж их природа. К тому же у них обычно недостаточно технических знаний о музыкальном искусстве.

Мешает ли критику недостаток этих знаний?

По-моему, не следует писать о том, чего не понимаешь. Глупо было бы утверждать, что люди могут писать содержательные критические статьи о музыке, целиком полагаясь на внезапный прилив литературного вдохновения. Ведь музыка покоится на технике.

Нет ли у музыкальной критики наших дней склонности к доктринерству? Иными словами, нападают ли критики на музыканта за то, что он не принадлежит к их лагерю?

Такого рода отношения существуют между представителями противоположных направлений. Например, между многоладовой или электронной школами и композиторами более традиционных направлений. Тут существует своего рода раскол, как между абстрактным и реалистическим течениями в живописи. Многие представители старшего поколения твердо уверены в одном: все, что зародилось после того как им стукнуло сорок, они считают сумасбродным творчеством малолетних преступников.

Вообще забавно, как возраст влияет на музыкальный вкус. Несколько лет назад город Индианаполис провел опрос музыкальной публики, в особенности слушателей индианаполисского симфонического оркестра. Проводили его специалисты по статистическим опросам. И результаты получились весьма интересные. Ответы на вопрос «В какой пропорции вы желали бы слушать в концертных программах музыку XX столетия и современную музыку?» разделились точно в соответствии с возрастом опрашиваемых. Оказалось, что лица в возрасте между двадцатью и тридцатью годами предпочитают, чтобы симфонические программы состояли на 75 процентов из современной музыки, между тридцатью и сорока годами — на 50 процентов, между сорока и пятидесятью годами — на 25 процентов, после пятидесяти вообще не хотят слушать произведения современных композиторов. Но ведь вам уже за пятьдесят, а вы, как будто, все еще любите...

Это моя профессия.

Бывали ли в прошлом содействующие развитию музыки критики, сохранившие такое юношеское отношение к музыкальному творчеству и обращавшие внимание слушателей на произведения, которые те позже полюбили?

По-моему, читателей интересуют только те критики, которые в состоянии объяснить музыку и ее интерпретацию данным исполнителем. Это главное, что требуется от критика. Когда вы пишете о музыке, то совсем не обязательно создавать ей рекламу, но вы должны ее объяснять. Ничего не объясняющая рецензия скупа и мало содержательна, потому что люди со временем теряют интерес к симпатиям и антипатиям какого-нибудь одного лица. Критерий квалификации музыкального критика — это его умение объяснить музыку.

Разве критик не является в известной степени защитником музыки как таковой?

Я не считаю, что музыка нуждается в защитниках. Музыка — это существующий факт. Единственное, что следует защищать — это творчество данного композитора и исполнителя или

определенное понравившееся произведение. Но если вы пойдете этим путем, станете ратовать за что-то или кого-то — даже когда газеты и дают вам эту возможность, — вы теряете репутацию критика с богатым вкусом и справедливостью суждений.

Музыкальная полемика может иметь место, но она более интересна, если выльется, скажем, в диспут с дирекцией местного оперного театра или симфонического оркестра по поводу того, как осуществляется руководство этими коллективами, призванными служить культуре и искусству. Такого рода полемика может стать весьма занимательной. Но начинать полемику, чтобы доказать, какой композитор лучше? Ну, нет, увольте! Путем анализа это сделать гораздо проще, чем спорами.

Скажите, к начинающим музыкантам вы более строго относитесь, чем к уже известным?

Обычно как раз наоборот. Если я и бывал строг, то, главным образом, к таким знаменитостям, как Тосканини, Кусевицкий и т. д. Одновременно, я старался быть максимально доброжелательным и сочувствующим (конечно, не выходя за рамки разумного и справедливого) к музыкантам молодым или впервые выступавшим в Нью-Йорке. Нападки или даже непреднамеренно суровый тон с легкостью могут повредить только начинающейся исполнительской деятельности.

Моя критика Тосканини, Хейфеца или им подобных не могла причинить вреда их карьере. Конечно, им это не нравилось. Как гласит старая поговорка артистического мира: «Чем выше летишь, тем громче кричишь». Но в действительности никто не может пошатнуть положение артистов их масштаба. Если вы недостаточно обосновываете вашу точку зрения, то на вас посыплются негодующие письма читателей. «Как это может быть? — недоумевают они. — Он так знаменит, и мы его так любим!» Нападки на мелкую сошку — дело, по-моему, не совсем порядочное, а критиковать знаменитостей — сделайте одолжение!

Не вы ли назвали Хейфеца «скрипачом в шелковых чулках», а технику Тосканини обвинили в «сногшибательности»?

Да, припоминаю. Когда-то я писал о «сногшибательности» техники Тосканини. Он был ее великим мастером.

А в чем она выражается?

Выкинуть что-нибудь такое, что сразу вызывает громовые овации. В основе своей это чисто театральный прием.

А как насчет шелковых чулок?

Тут я проявил дурной вкус. Мою первую рецензию о Хейфеце я озаглавил «Музыка шелкового белья». Очень дурной вкус! В другой раз я сострил, как мне кажется, довольно удачно, заметив, что его исполнение маленького концерта Моцарта напоминало поездку из Манхэттана в Бруклин (два района Нью-Йорка) на океанском лайнере «Королева Мэри». Хейфец прибег к баснословной технической виртуозности, исполняя вещь, которая в такой виртуозности не нуждается.

Может критика такого рода огорчить артиста?

Мой друг, всякая неблагодарная критика огорчает артиста. И когда мои собственные сочинения получают неблагоприятные отзывы, я реагирую совершенно так же, как и все другие. Когда эти артисты подвергаются нападкам критика, я, как старый журналист, их успокаиваю: «Это явление временное, не принимайте близко к сердцу и т. д. и т. п.». Но когда плохая рецензия написана обо мне, я ни на минуту не сомневаюсь, что ее автор — совершенный невежда! — лично предубежден против меня, а, возможно, и подкуплен моими врагами.

Вы хотите сказать, что у вас есть враги?

Каждый, кто неблагоприятно пишет о вас (я говорю сейчас как артист), — ваш личный враг. А может быть он объединился с теми, кто стара-

ется помешать исполнению вашего сочинения, или вообще с какими-нибудь таинственными соперниками? Иначе, кажется вам, он обязательно бы восхищался вашим произведением.

Вы были одновременно и композитором и выдающимся критиком. Не сказывалось ли это благоприятно на рецензиях о ваших произведениях? Ведь вы были, так сказать, для критиков одним из коллег, одним из своих?

Думаю, мои нью-йоркские коллеги старались быть объективными в отношении меня, но они были не прочь и уколоть меня по возможности в самое больное место. Они отнюдь не горели желанием преподнести мне орхидеи, хотя нередко и писали обо мне доброжелательные рецензии. Но, в общем, и не заливались соловьем.

ОТНОШЕНИЕ К НОВОЙ МУЗЫКЕ

Возможно ли в условиях газетной спешки, сразу же после концерта, когда в вашем распоряжении всего лишь один час, написать для утреннего выпуска обстоятельную рецензию? Способны ли вы, за такой короткий срок, вынести суждение — особенно если речь идет о новом, необычном музыкальном произведении?

Суждение возникает мгновенно. Остается его только передать на бумаге. Короткую заметку можно написать быстро, но длинная рецензия, какую пишут главные критики каждой газеты, берет больше времени. Для такой рецензии мне не нужна целая ночь, но час необходим.

Приходилось ли вам в рецензиях менять ваше мнение о данном произведении?

Не помню. Я, видите ли, далеко не все помню из того, что писал. Но говоря о мнении, я припоминаю (не знаю, писал ли я об этом в ранние годы или нет), что давно, в двадцатых годах, когда я впервые услышал музыку Эдгара Вареза, она не произвела на меня особенного впечатления и не заинтересовала меня. Двадцатью годами позже, когда я вновь с ней столкнулся, я понял, что это прекрасная, необыкновенно своеобразная музыка.

Варез, видимо, выдержал испытание временем вопреки враждебной критике всякого рода. Я был на последнем концерте в Таун-холле, целиком посвященном его музыке. И публика и пресса остались в восторге.

Он пользуется большим уважением среди прогрессивных композиторов нашего времени, которые считают его своего рода «дедушкой» или «предком» современной музыки. Но в молодые годы он слыл отъявленным бунтовщиком. Однако и тогда он не оставался без поклонников и покровителей: в двадцатых и в начале тридцатых годов Леопольд Стоковский исполнял с Филадельфийским оркестром многие его сочинения. Его творчество вызывало горячие дискуссии. Но теперь они утихли, как и споры о некогда передовых художниках, ставших ныне степенными джентльменами. Раньше люди воевали с этими художниками, а сейчас с боем стараются приобрести их картины.

Многие в музыке Вареза слышат лишь скрип, скрежет и грохот. Что дает эта музыка публике, если оставляет о себе столь, мягко говоря, странное впечатление?

Публика получает сочинение, состоящее из скрипа, скрежета и грохота. Это все полноценные звуковые компоненты, вполне пригодные для музыкальной композиции.

Вы считаете, что такая музыка способна воздействовать на эмоции?

Публика реагирует не столько на эмоции в музыке, сколько на создаваемое ею настроение. Пожилых людей волнуют настроения позднего романтизма или же Дебюсси и импрессионизма, потому что это настроения их молодости. Людей более молодых трогают переживания их времени, и вся молодежь, коллекционирующая долгоиграющие пластинки, считает передаваемый механическим способом звук совершенно нормаль-

ным явлением. Они знают о Варезе и об ему подобных еще с детских лет, находят в этой музыке настроения своего поколения и очень счастливы, что не слышат в ней чувствительную вибрацию и всякие старомодные струнные звуки. Им нравятся новомодные струнные звуки. Такова природа людей.

Вы хотите сказать, что через пятнадцать лет я, возможно, буду наслаждаться музыкой Штокгаузена, Ноно и других?

Если эта музыка вам и сейчас нравится, то через пятнадцать лет она вам не только будет нравиться, но и будет навеивать сладкие воспоминания вашей молодости.

Для кого, по вашему мнению, пишут композиторы нашего времени? Для публики или только для самих себя?

Совершенно так же, как и композиторы всех других времен. Однажды Гертруда Стайн спросила: «Для кого вы пишете?» — «Для себя и для чужих», — ответила она. Иными словами, вы пишете для себя в надежде, что это может дойти до большого числа людей, которых вы не знаете. Если вы пишете для ваших друзей, для вашей дирекции или для ваших издателей, то порой склонны писать в несколько более консервативном духе — вы более связаны в ваших намерениях, чем когда пишете для себя и для этих далеких слушателей вашей мечты, которые обитают где-то далеко, которые наверно поймут вас, до которых дойдет ваше послание.

Мне вспомнилась телевизионная программа, в которой дирижер и композитор Леонард Бернстейн объяснял разницу между музыкой на обычной гармонической основе и атональной музыкой. Может ли аудитория без специальной подготовки оценить атональную музыку, не подчиняющуюся существующим законам и известным нам ограничениям?

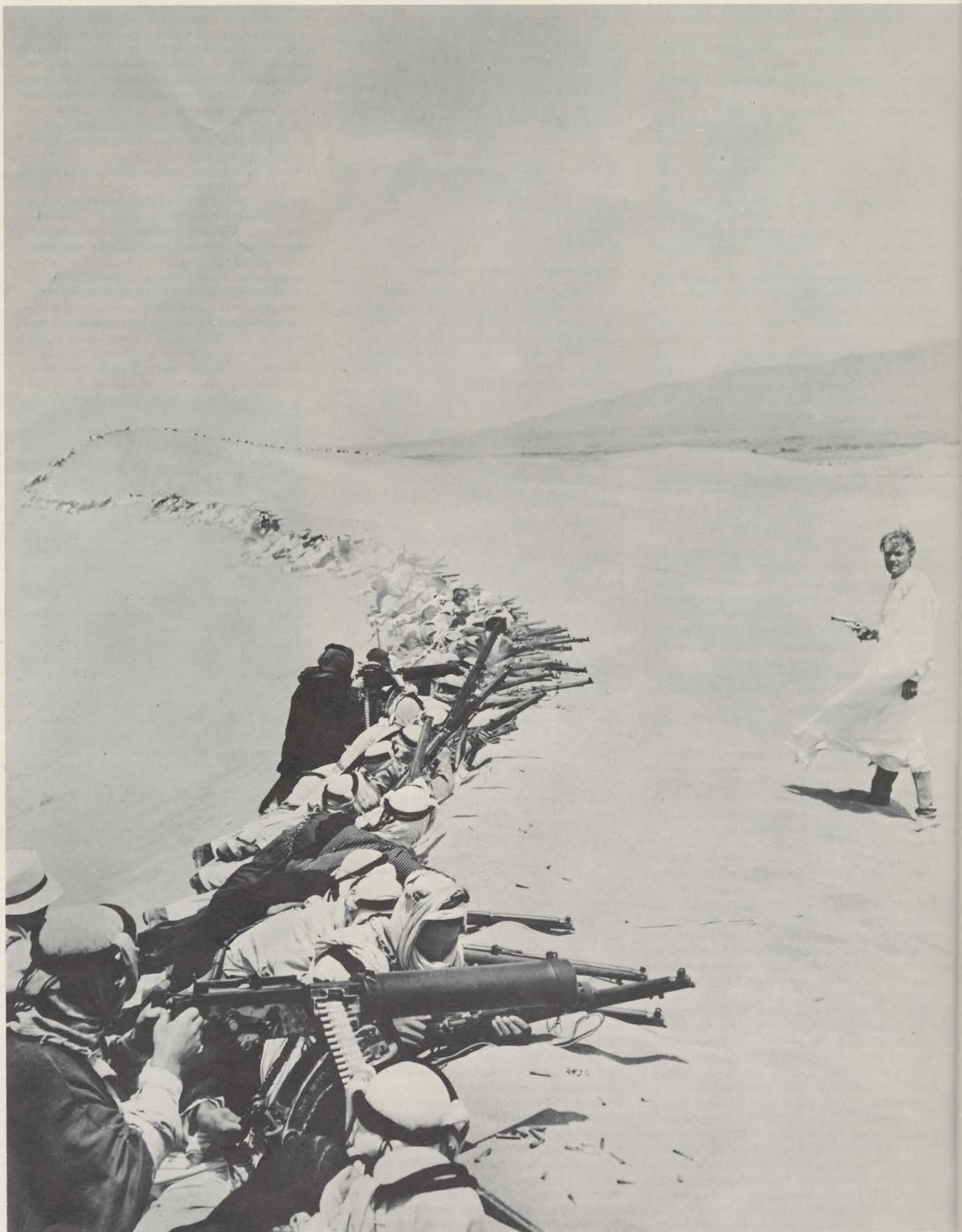
Я не имею ни малейшего представления о том, что нравится неподготовленной аудитории, и я сомневаюсь, что когда-нибудь в жизни встречал то, что вы называете неподготовленной аудиторией. В любом сборище людей вы почти всегда встретите ценителей музыки. А если они любят ее слушать, то, вероятно, у них есть и некоторый музыкальный опыт. Слова «неподготовленная аудитория» звучат красиво, но я не уверен, что они выражают действительное положение вещей. Разве только тогда, когда вы среди глухих. Даже дошкольники получают подготовку: некоторые учились музыке, многие обладают замечательным слухом и великолепной музыкальной памятью. Музыкальный опыт каждого человека создается его памятью. Вы запоминаете звуки — это значит, что вы можете следить за произведением, сочиненным из звуков.

Что нужно делать слушателям, чтобы наслаждаться музыкой?

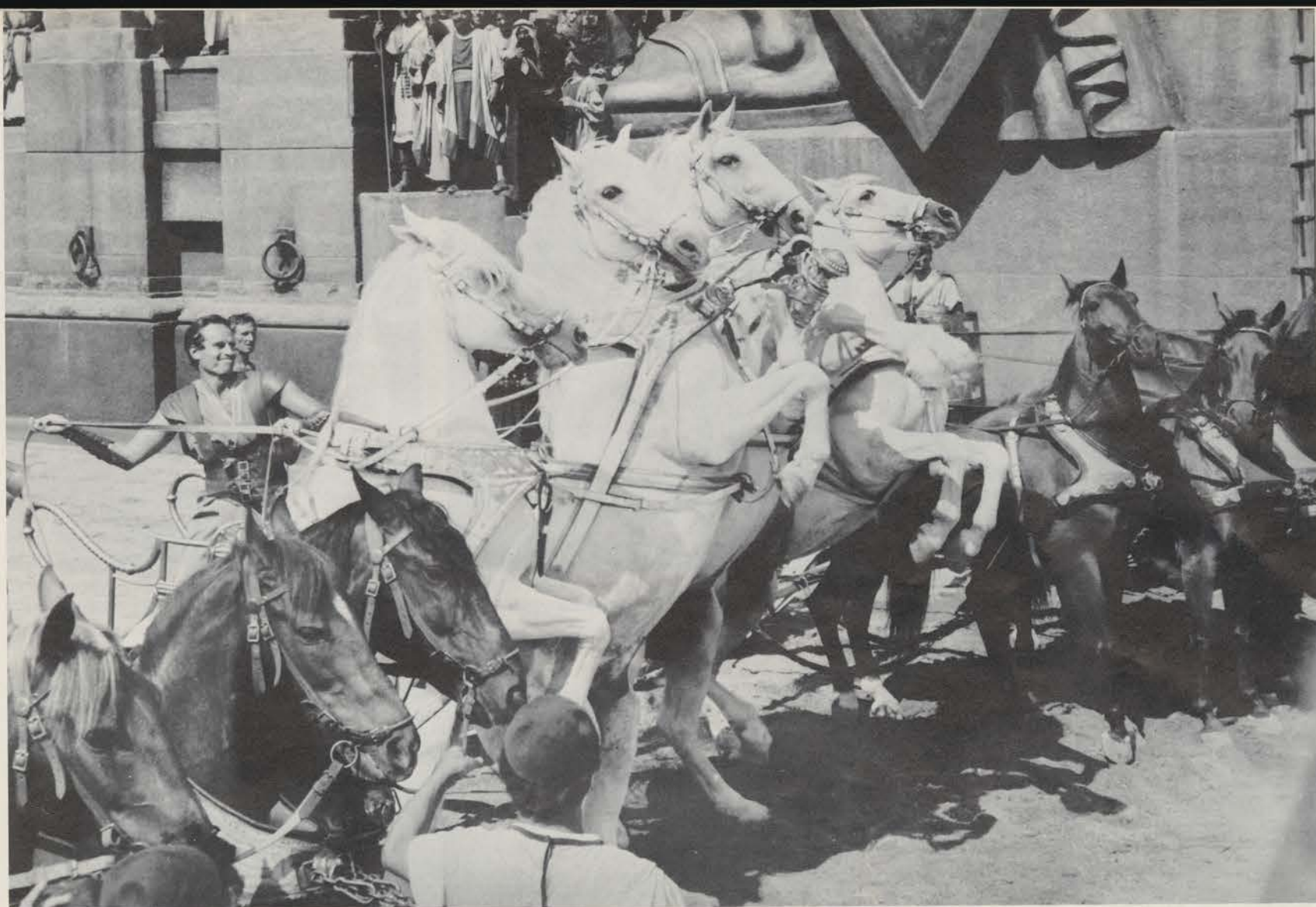
Я даю слушателям совет, которому всегда следовал сам, — не делайте ничего. Оставьте ваши мыслительные способности в покое и посмотрите, что получится. Если вы начнете напрягаться, например искать вторую тему или что-нибудь в этом роде, то вы можете оказаться отрезанным от процесса общения с творческим миром композитора, вызванным к жизни звучанием созданной им музыки.

Возвращаясь к нашему первому вопросу, что вы можете сказать о перспективах современной американской музыки?

У нас есть богатые народные источники и есть джаз — большое народное искусство. У нас вполне достаточно музыкальных библиотек, музыковедов, педагогов, первоклассных исполнителей. У нас есть слушатели, умеющие слушать и необыкновенно преданные музыке. И у нас есть нечто, особенно важное и редкое — превосходные композиторы всех возрастов и всех направлений. Все это вместе взятое дает нам силы, чтобы прочно удерживать достигнутое и смело двигаться вперед.

«Лоуренс Аравийский» (премия 1962 года). В напряженном ожидании застыли спешившиеся бедуины. Сейчас по приказу своего вождя англичанина Лоуренса (Питер О'Тул) они устремятся на турецкий военный эшелон. Немало таких эшелонов уничтожил этот разведчик на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны.

«Бен-Гур» (премия 1959 года). Исполнитель главной роли Чарлз Хестон, тоже удостоенный первой премии Академии, с трудом сдерживает разгоряченных лошадей: вот-вот начнутся знаменитые состязания на колесницах. Картина поставлена по появившемуся в 1880 году роману генерал-майора Лью-Уоллеса.

ЛАУРЕАТЫ ЭКРАНА

Современные фильмы отличаются богатством тематики и разнообразием постановки, что особенно нравится американскому кинозрителю. Каждый год среди обильного урожая картин Американская академия киноискусства выбирает лучшую. На наших снимках показаны отдельные кадры из фильмов, удостоенных премиями Академии в течение последних пяти лет, а также исполнители, особо отличившиеся за это время.

Лучшим фильмом 1961 года была признана «Уэстсайдская повесть». Фильм, как и предшествовавшая ему пьеса, является парафразой «Ромео и Джульетты». На фото: танец подростков на улице Нью-Йорка.

Джек Леммон и Шерли Маклейн в фильме «Квартира», который был удостоен первой премии в 1960 году.

Максимилиан Шелл в 1961 году получил премию за исполнение мужской роли в фильме «Нюрнбергский процесс», где показан суд над гитлеровскими судьями.

За исполнение мужской роли в 1960 году премия была присуждена Барту Ланкастеру (фильм «Эльмер Гентри» по одноименному роману Сниклера Льюиса).

Лучшей исполнительницей женской роли в 1961 году была София Лорен, исполнявшая роль матери в «Чочаре», фильме об Италии во время войны.

За лучшее исполнение мужской роли премия в 1962 году была присуждена Грегори Пеку (фильм «Убить пересмешника» из жизни тихого южного городка).

Лучшей актрисой 1962 года была признана Анн Банкрофт. В фильме «Совершившая чудо» она исполняла роль учительницы слепой и глухонемой девочки — Елены Келлер, которую блестяще сыграла Патти Дюк.

В 1960 году премию за лучшее исполнение женской роли получила Элизабет Тейлор, создавшая образ раздираемой противоречиями женщины в фильме «Баттерфид 8» по одноименному роману Джона О'Хары.

The first snowfall came early in December. I remember how the world looked from our sitting-room window as I dressed behind the stove that morning: the low sky was like a sheet of metal; the blond cornfields had faded out into ghostliness at last; the little pond was frozen under its stiff willow bushes. Big white flakes were whirling over everything and disappearing in the red grass.

Beyond the pond, on the slope that climbed to the cornfield, there was, faintly marked in the grass, a great circle where the Indians used to ride. Jake and Otto were sure that when they galloped round that ring the Indians tortured prisoners, bound to a stake in the centre; but grandfather thought they merely ran races or trained horses there. Whenever one looked at this slope against the setting sun, the circle showed like a pattern in the grass; and this morning, when the first light spray of snow lay over it, it came out with wonderful distinctness, like strokes of Chinese white on canvas. The old figure stirred me as it had never done before and seemed a good omen for the winter.

As soon as the snow had packed hard, I began to drive about the country in a clumsy sleigh that Otto Fuchs made for me by fastening a wooden goods-box on bobs. Fuchs had been apprenticed to a cabinet-maker in the old country and was very handy with tools. He would have done a better job if I hadn't hurried him. My first trip was to the post-office, and the next day I went over to take Yulka and Antonia for a sleigh-ride.

It was a bright, cold day. I piled straw and buffalo robes into the box, and took two hot bricks wrapped in old blankets. When I got to the Shimerdas', I did not go up to the house, but sat in my sleigh at the bottom of the draw and called. Antonia and Yulka came running out, wearing little rabbit-skin hats their father had made for them. They had heard about my sledge from Ambrosch and knew why I had come. They tumbled in beside me and we set off toward the north, along a road that happened to be broken.

The sky was brilliantly blue, and the sunlight on the glittering white stretches of prairie was almost blinding. As Antonia said, the whole world was changed by the snow; we kept looking in vain for familiar landmarks. The deep arroyo through which Squaw Creek wound was now only a cleft between snowdrifts — very blue when one looked down into it. The tree-tops that had been gold all the autumn were dwarfed and twisted, as if they would never have any life in them again. The few little cedars, which were so dull and dingy before, now stood out a strong, dusky green. The wind had the burning taste of fresh snow; my throat and nostrils smarted as if someone had opened a hartshorn bottle. The cold stung, and at the same time delighted one. My horse's breath rose like steam, and whenever we stopped he smoked all over. The cornfields got back a little of their colour under the dazzling light, and stood the palest possible gold in the sun and snow. All about us the snow was crusted in shallow terraces, with tracings like ripplemarks at the edges, curly waves that were the actual impression of the stinging lash in the wind.

The girls had on cotton dresses under their shawls; they kept shivering beneath the buffalo robes and hugging each other for warmth. But they were so glad to get away from their ugly cave and their mother's scolding that they begged me to go on and on, as far as Russian Peter's house. The great fresh open, after the stupefying warmth indoors, made them behave like wild things. They laughed and shouted, and said they never wanted to go home again. Couldn't we settle down and live in Russian Peter's house, Yulka asked, and couldn't I go to town and buy things for us to keep house with?

All the way to Russian Peter's we were extravagantly happy, but when we turned back — it must have been about four o'clock — the east wind grew stronger and began to howl; the sun lost its heartening power and the sky became grey and sombre. I

Reprinted by Special Permission of Houghton Mifflin Company

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

МОЯ АНТОНИЯ

УИЛЛА КАТЕР

«Об Антонии я впервые услышал во время своего, как мне казалось, бесконечного путешествия через великую центральную равнину Северной Америки. Мне было тогда десять лет. В один год я потерял отца и мать, и наши вирджинские родственники отправили меня к дедушке и бабушке в Небраску». Так, в виде рассказа от лица юного Джима Бардена, начинается одна из самых популярных в Соединенных Штатах повестей о жизни пионеров, первых насельников края. Ее героиня Антония Шимерда еще девочкой в конце прошлого века приехала в Америку из Чехии и затем всю жизнь прожила в Небраске, воспитывая своих детей. Предлагаемый отрывок из романа Уиллы Катер (1876–1947), который мы помещаем в нашем журнале для лиц, изучающих английский язык, свидетельствует о художественном мастерстве писательницы, сумевшей в своем творчестве с большой яркостью и силой отобразить различные стороны жизни Америки. Ваши отзывы и пожелания относительно таких отрывков просим направлять по адресу, указанному под оглавлением номера.

took off my long woollen comforter and wound it around Yulka's throat. She got so cold that we made her hide her head under the buffalo robe. Antonia and I sat erect, but I held the reins clumsily, and my eyes were blinded by the wind a good deal of the time. It was growing dark when we got to their house, but I refused to go in with them and get warm. I knew my hands would ache terribly if I went near a fire. Yulka forgot to give me back my comforter, and I had to drive home directly against the wind. The next day I came down with an attack of quinsy, which kept me in the house for nearly two weeks.

The basement kitchen seemed heavenly safe and warm in those days — like a tight little boat in a winter sea. The men were out in the fields all day, husking corn, and when they came in at noon, with long caps pulled down over their ears and their feet in red-lined overshoes, I used to think they were like Arctic explorers. In the afternoons, when grandmother sat upstairs darning, or making husking-gloves, I read "The Swiss Family Robinson" aloud to her, and I felt that the Swiss family had no advantages over us in the way of an adventurous life. I was convinced that man's strongest antagonist is the cold. I admired the cheerful zest with which grandmother went about keeping us warm and comfortable and well-fed. . . .

During the week before Christmas, Jake was the most important person of our household, for he was to go to town and do all our Christmas shopping. But on the twenty-first of December, the snow began to fall. The flakes came down so thickly that from the sitting-room windows I could not see beyond the windmill — its frame looked dim and grey, unsubstantial like a shadow. The snow did not stop falling all day, or during the night that followed. The cold was not severe, but the storm was quiet and resistless. The men could not go farther than the barns and corral. They sat about the house most of the day as if it were Sunday; greasing their boots, mending their suspenders, plaiting whiplashes.

On the morning of the twenty-second, grandfather announced at breakfast that it would be impossible to go to Black Hawk for Christmas purchases. Jake was sure he could get through on horseback, and bring home our things in saddle-bags; but grandfather told him the roads would be obliterated, and a newcomer in the country would be lost ten times over. Anyway, he would never allow one of his horses to be put to such a strain.

We decided to have a country Christmas, without any help from town. I had wanted to get some picture books for Yulka and Antonia; even Yulka was able to read a little now. Grandmother took me into the ice-cold storeroom, where she had some bolts of gingham and sheeting. She cut squares of cotton cloth and we sewed them together into a book. We bound it between pasteboards, which I covered with

brilliant calico, representing scenes from a circus. For two days I sat at the dining-room table, pasting this book full of pictures for Yulka. We had files of those good old family magazines which used to publish coloured lithographs of popular paintings, and I was allowed to use some of these. I took 'Napoleon Announcing the Divorce to Josephine' for my frontispiece. On the white pages I grouped Sunday-School cards and advertising cards which I had brought from my 'old country.' Fuchs got out the old candle-moulds and made tallow candles. Grandmother hunted up her fancy cake-cutters and baked gingerbread men and roosters, which we decorated with burnt sugar and red cinnamon drops.

On the day before Christmas, Jake packed the things we were sending to the Shimerdas in his saddlebags and set off on grandfather's grey gelding. When he mounted his horse at the door, I saw that he had a hatchet slung to his belt, and he gave grandmother a meaning look which told me he was planning a surprise for me. That afternoon I watched long and eagerly from the sitting-room window. At last I saw a dark spot moving on the west hill, beside the half-buried cornfield, where the sky was taking on a coppery flush from the sun that did not quite break through. I put on my cap and ran out to meet Jake. When I got to the pond, I could see that he was bringing in a little cedar tree across his pommel. He used to help my father cut Christmas trees for me in Virginia, and he had not forgotten how much I liked them.

By the time we had placed the cold, fresh-smelling little tree in a corner of the sitting-room, it was already Christmas Eve. After supper we all gathered there, and even grandfather, reading his paper by the table, looked up with friendly interest now and then. The cedar was about five feet high and very shapely. We hung it with the gingerbread animals, strings of popcorn, and bits of candle which Fuchs had fitted into pasteboard sockets. Its real splendours, however, came from the most unlikely place in the world — from Otto's cowboy trunk. I had never seen anything in that trunk but old boots and spurs and pistols, and a fascinating mixture of yellow leather thongs, cartridges, and shoemaker's wax. From under the lining he now produced a collection of brilliantly coloured paper figures, several inches high and stiff enough to stand alone. They had been sent to him year after year, by his old mother in Austria. There was a bleeding heart, in tufts of paper lace; there were the three kings, gorgeously appraised, and the ox and the ass and the shepherds; there was the Baby in the manger, and a group of angels, singing; there were camels and leopards, held by the black slaves of the three kings. Our tree became the talking tree of the fairy tale; legends and stories nestled like birds in its branches. Grandmother said it reminded her of the Tree of Knowledge. We put sheets of cotton wool under it for a snow-field, and Jake's pocket-mirror for a frozen lake.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ СТОЯЛ С НЕПОКРЫТОЙ ГОЛОВОЙ, БЕЗ УЛЫБКИ НА ЛИЦЕ. «МЫ ДОЛЖНЫ СТРАШИТЬСЯ ЛИШЬ ОДНОГО — САМОГО СТРАХА», — СКАЗАЛ ОН.

ПЕРВЫЕ СТО ДНЕЙ

Артур Шлезингер-младший

Ни один период в истории Соединенных Штатов не ознаменовался столь кипучей политической деятельностью и радикальными переменами, как первые месяцы после вступления Франклина Рузвельта на пост Президента — его знаменитые «первые сто дней», начавшиеся в марте и окончившиеся в июне 1933 года. Оказавшись лицом к лицу с принявшей чудовищные размеры экономической депрессией, Президент взялся за дело смело, решительно, страстно. Сразу же возникло огромное количество планов восстановления народного хозяйства и проведения экономических реформ. Новое правительство не только горячо приветствовало эти начинания, но и стало проводить их в жизнь с невероятной быстротой и энергией, которые изумили всю страну, да и весь мир. То было время ожесточенных споров, смелых экспериментов, грубых ошибок и потрясающих успехов. «Новый курс», как была названа политика правительства Рузвельта, положил начало огромным социальным и экономическим переменам в Соединенных Штатах. Пожалуй, никому еще не удавалось столь блестяще передать волнующую атмосферу тех дней, как Артуру М. Шлезингеру-младшему, профессору истории Гарвардского университета, лауреату Пулицеровской премии по истории, назначенному в начале 1961 года особым помощником Президента Джона Ф. Кеннеди. Здесь мы приводим отрывки из первых трех томов труда Шлезингера «Век Рузвельта».

Туман отчаяния окутал страну. Каждый четвертый американец сидел без работы. Фабрики, дым которых еще недавно застилал небосвод, стояли безмолвные и унылые, как потухшие вулканы. Целые семьи жили в обшитых толем лачугах, обитых жестью землянках. Тысячи бездомных детей скитались по стране — тысячи подростков, превратившихся в оборванных бродяг. Холодные улицы Нью-Йорка и Чикаго заполнились голодными демонстрантами, бедствующими и озлобленными. Волнения в сельских районах переходили в массовые беспорядки. Народ требовал отмены продажи имущества за долги, изгонял служащих банков и страховых обществ за черту города, угрожал судам и судьям, требовал отсрочки по финансовым обязательствам. Когда одна торговая фирма в Небраске отобрала у задолжавшего фермера два грузовика, жители всей округи, сплотившись, силой отбили машины. Семьи шахтеров Западной Вирджинии, лишившись крова, ютились в палатках вдоль шоссе, перебиваясь бобами и черным кофе.

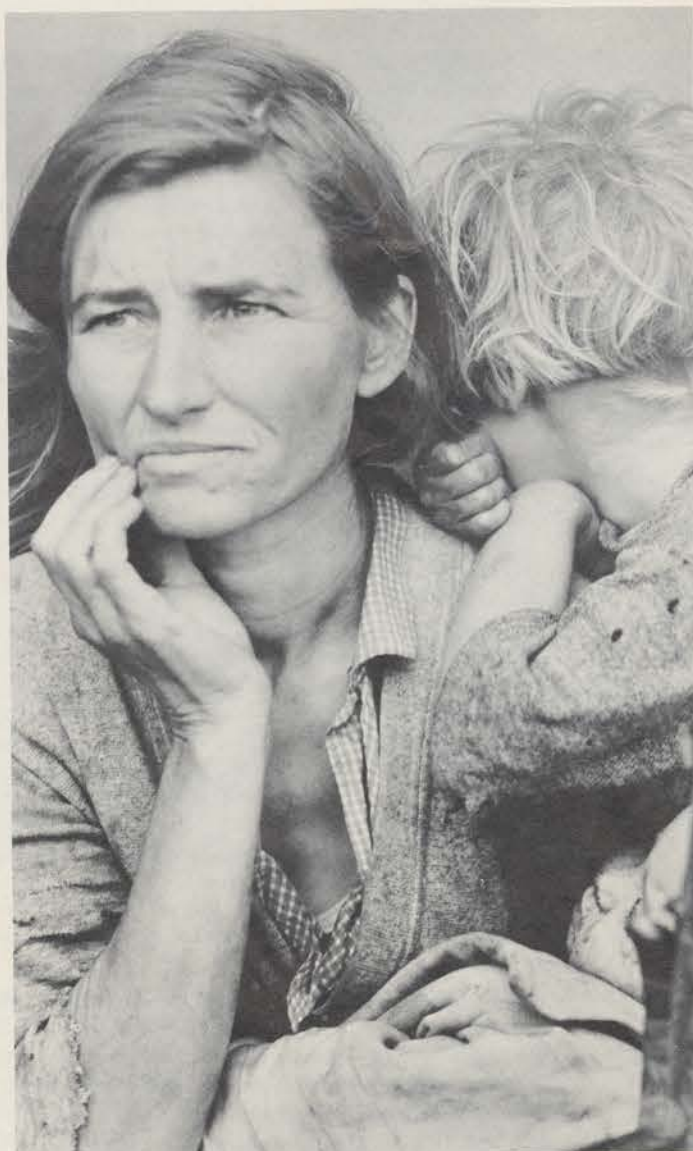
Наступил День инаугурации — серое и унылое 4 марта 1933 года. Вашингтонское небо затянули тяжелые тучи. Порывы холодного нордвеста обдавали столицу дождем. Пасмурный день подчеркивал чувство беспомощности. «Над столицей повисло отчаяние, которое было почти осязаемо», — писала газета «Нью-Йорк таймс». На назначенную в полдень церемонию народ начал собираться с утра: его влекли и любопытство и надежда.

СТРАШИТЬСЯ ЛИШЬ САМОГО СТРАХА

На короткое мгновение солнечные лучи, пробившиеся сквозь серые облака, осветили трибуну, на которой Рузвельт принимал присягу. По всей стране миллионы американцев толпились у радиоприемников. Новый Президент стоял с непокрытой головой, без улыбки на лице, крепко держась руками за юпитр. «Хочу заверить вас, — сказал он, — что по моему твердому убеждению мы должны страшиться лишь одного: самого страха — невыразимого, безрассудного, неоправданного, парализующего наши силы, столь необходимые для перехода от отступления к продвижению вперед».

Речь кончилась, заиграла кавалерийская труба, оповещающая о начале инаугурационного парада. Франклин Рузвельт, сидя в президентской машине, отвечал на приветствия народа, выстроившегося вдоль улицы, на приветствия мужчин и женщин, изумленно пробуждавшихся от апатии. Кавалеристы сомкнули ряды. Парад начался. Все еще сыро и пасмурно было в Вашингтоне, но по всей стране туман начинал рассеиваться.

По словам Элеоноры Рузвельт, инаугурация была «очень, очень торжественной и жутковатой. Казалось, что мы идем куда-то вслепую, что находимся в мощном потоке, и никто не знает, куда он нас выбросит».

Туман отчаяния окутал страну. Доход ферм в 1932 г. понизился в три раза по сравнению с 1929 г.

Каждый четвертый американец сидел без работы. Фабрики стояли безмолвные, как потухшие вулканы.

В первую очередь следовало разрешить банковский вопрос, очистить финансовые артерии народного хозяйства. Во всей стране банки прогорали, лишали своих вкладчиков сбережений и тем сеяли семена дальнейшей паники.

Еще до прибытия в Вашингтон Рузвельт определил основные направления, по которым следовало вести наступление. Он набросал две президентские прокламации: о созыве чрезвычайной сессии Конгресса и об объявлении «банковских дней», во время которых все банки будут закрыты, пока они не переключатся на новые рельсы.

Объявление о закрытии банков привело американцев почти в праздничное настроение. Они почувствовали, что наступил конец длительному экономическому упадку. В Министерстве финансов работа кипела круглые сутки: предстояло изложить в виде законопроекта основы банковской реформы, предусматривавшей ревизию банков и выдачу лицензий на их открытие, а также многое другое.

Со дня инаугурации прошло пять напряженных дней. В четверг, 9 марта, в 12 часов дня в Капитолии открылась чрезвычайная сессия Конгресса. Почти сразу же члены Конгресса заслушали послание Президента. «Я убедительнейшим образом прошу Конгресс осознать крайнюю необходимость в немедленных действиях», — писал Рузвельт. В начале пятого Палата Представителей единогласно одобрила законопроект. К половине восьмого Сенат принял законопроект: 73 сенатора голосовало за, 7 против. Через час закон был в Белом Доме. На все, от внесения законопроекта на рассмотрение Конгресса до подписания закона Президентом, ушло менее восьми часов. Уже много лет Конгресс не действовал столь быстро и решительно.

ПОМОЩЬ НУЖДАЮЩИМСЯ

Первоначально Рузвельт намеревался провести банковское законодательство и затем распустить Конгресс. Но принятие закона о банках создало такую доброжелательную обстановку, что жалко было терять время. Следовало сразу же заняться другими мероприятиями: немедленным восстановлением экономики и еще более трудной задачей — реконструкцией страны. Все еще миллионы американцев оставались без работы. Частная благотворительность уже давно не отвечала запросам населения; города и штаты были совершенно не в состоянии справиться с нуждой, мало помогали и скромные средства, предоставляемые Федеральным правительством для выдачи ссуд штатным и местным органам.

Многие, имевшие касательство к этому вопросу, уже давно пришли к выводу, что единственной надеждой остается федеральная программа. Во время короткой сессии Конгресса, состоявшейся до инаугурации, в Вашингтон приехало немало специалистов, — сотрудников городских управлений, общественных деятелей и представителей благотворительных организаций, — чтобы высказать свою точку зрения в связи с обсуждением законопроекта о правительственной помощи нуждающимся. Из всех этих специалистов наибольший опыт был у Гарри Л. Гопкинса, возглавлявшего Администрацию временной помощи в Нью-Йорке, когда Рузвельт был губернатором этого штата. Гопкинс поддерживал законопроект, предусматривавший создание Федеральной чрезвычайной администрации помощи, в распоряжение которой отводилось 500 000 000 долларов для предоставления субсидий штатам. Законопроект вызвал бурную реакцию в Конгрессе, но все же 20 марта закон был принят Сенатом (55:17), а три недели спустя Палатой Представителей (326:42).

Рузвельт сразу же решил, что на пост директора Администрации помощи следует назначить Гопкинса. К тому времени Гопкинсу шел сорок третий год. Длинный путь проделал этот человек. Его детство прошло в небольших городках Среднего Запада. Наконец его отец — вечный скиталец, любитель карт и кеглей — осел в айовском городке Гриннелле и открыл там шорную лавку. Окончив колледж, молодой Гопкинс целое лето работал с живущими в трущобах детьми. Так началась его социально-бытовая деятельность, в которой он быстро выдвинулся в последующие годы.

Гопкинс был худощав, его волосы были взлохмачены, среди резких черт лица выделялись черные, насмешливые глаза. Говорил он быстро и заносчиво, держался бесцеремонно и как бы подчеркнуто непочтительно. Речь его была краткая, острая, порой почти непристойная. Однако, в глубине этого внешне грубоватого человека билось нежное сердце, чутко отзывавшееся на невзгоды и радости людей.

События развивались быстро. С момента подписания закона об Администрации помощи прошло немногим больше суток,

а Гопкинс уже подобрал себе сотрудников, начал собирать информационные материалы, разослал рекомендации губернаторам всех 48 штатов создать у себя соответствующие организации и послал помощь семи особо нуждающимся штатам.

РАБОТА ДЛЯ БЕЗРАБОТНЫХ

Гопкинс отвергал идею оказания прямой помощи в какой бы то ни было форме. Здоровый человек должен трудиться, отсутствие работы может подорвать его нравственность. Именно этого и старался избежать Гопкинс и потому требовал принятия более решительных мер. Зачем давать безработным их еженедельное пособие? Не лучше ли государству расплачиваться с ними еженедельными чеками за выполненную работу общественного назначения? «Труд сохраняет чувство собственного достоинства», — говорил Гопкинс. — Благодаря труду рабочий не забывает своей профессии и занимает полезное место в обществе».

Свой план Гопкинс изложил Президенту и так зародилась Администрация гражданских работ. 15 ноября 1933 года Гопкинс объявил о задаче нового учреждения: «создать к 15 декабря 1933 года 4 000 000 рабочих мест». Точно в срок ему не удалось достичь поставленной цели: 14 декабря было создано лишь 2 610 451 рабочее место, но к середине января 1934 года их число перевалило далеко за четыре миллиона.

Администрация гражданских работ повела самую разнообразную деятельность. Порой она одновременно проводила в жизнь до 400 000 проектов. Треть служащих Администрации была занята дорожным строительством. Благодаря им за три с половиной месяца удалось построить и отремонтировать 800 000 километров дорог и шоссе. Затем следовали учебные заведения: 40 000 школ было построено или переделано, 50 000 учителей нашли работу в сельских школах и в городских школах взрослых, повсюду появились детские площадки. Администрация построила около пятисот аэропортов и столько же улучшила. Ее работники разбивали парки, очищали водные пути, боролись с сельскохозяйственными вредителями, копали плавательные бассейны и канализационные траншеи. На службе Администрации состояли три тысячи писателей и художников, пером и кистью помогавшие общему делу. А самое главное — четыре миллиона американцев, изнывавшие от безделья и унижений, получили наконец работу.

ЗАЩИТА МЕЛКИХ ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ

И все же общественные работы были лишь чрезвычайными мерами, предназначенными для тех, кто не мог подыскать себе рабочего места. Они мало облегчали участь тех, кто, продолжая работать, находился в постоянном страхе за свой дом, свое будущее, свою старость. Общественные работы оставались только частью того широкого наступления, которое «Новый курс» повел на экономическом и социальном фронтах.

В первые сто дней Рузвельт сделал важный шаг, чтобы обеспечить населению надежное будущее. Вряд ли что-либо имело столь деморализующее влияние, как вечная опасность того, что собственный дом будет продан за долги. В 1932 году более четверти миллиона семейств потеряло таким образом свои жилища. В начале 1933 года ежедневно за долги продавалось более тысячи домов. Все это, конечно, самым серьезным образом подрывало положение сберегательных касс и страховых обществ. К середине 1933 года обремененным долгами домовладельцам становилось все труднее и труднее получать новые займы или даже возобновлять старые. Рынок недвижимости собственности и жилищное строительство, казалось, катились навстречу неминуемой катастрофе.

В апреле 1933 года Рузвельт предложил Конгрессу принять закон, защищающий мелких домовладельцев от насильственной продажи их имущества. Государство должно было выдавать займы под закладные всем мелким домовладельцам, которые, очутившись в тяжелом положении, продали свои жилища в течение последних трех лет или же не могли получить ссуду под принадлежавшие им дома. Так, летом 1933 года появилась Кредитно-ссудная корпорация домовладельцев, которая скупала закладные у всех, кто больше не был в состоянии их выплачивать, финансировала немедленную оплату налогов и ремонта, выдавала новые закладные на более длительный срок и под более низкие проценты. Новая корпорация ограничивалась помощью домовладельцам, стоимость жилищ которых не превышала 14 000 долларов.

По имеющимся сведениям, приблизительно 20 процентов домовладельцев в стране (не считая фермеров) обратилось к этой организации за ссудами. Просьбы большей половины из них были удовлетворены. В конце этого мероприятия каж-

Во всей стране банки прогорали, лишали вкладчиков сбережений. После объявления Президентом Рузвельтом «банковских дней» американцы перестали осаждать банки (вверху) и поверили в приближение конца депрессии.

дый невыплаченный городской дом являлся как бы подопечным корпорации.

За короткий срок удалось предотвратить приближающуюся катастрофу. Финансовые компании стали возвращаться к нормальной выдаче новых вкладных. Равнясь по новой организации, банки во всей стране упростили и сделали более доступным процесс получения закладных под недвижимое имущество. А самое главное, тысячи американцев сохранили свои дома. Вера в существующий порядок и в «Новый курс» Президента Рузвельта укреплялась все более и более.

ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Помощь домовладельцам безусловно способствовала повышению морали населения, она являлась началом наступления на то, что мы называем «неуверенность в будущее». Но пока в этом направлении были предприняты лишь первые шаги. Наступление следовало вести более широким фронтом. И в этой борьбе ключевое место заняла назначенная на пост министра труда миссис Франсес Перкинс.

Франсес Перкинс было пятьдесят лет, когда она приехала в Вашингтон в 1933 году. Уроженка Бостона, она выросла в массачусетском городе Вустере и получила образование в колледже «Маунт-Холиоук». Энергичная и независимо мыслящая, Франсес по окончании колледжа стала задыхаться в чопорном обществе Вустера. Она переехала в трущобы Чикаго и поселилась в «Хилл-Хаус» вместе с Джейн Адамс, одной из пионерок социально-бытовой деятельности. Франсес Перкинс оказалась в самом центре мощного аппарата социальных работ. Затем она переехала в Филадельфию, где изучала экономику. В 1910 году ее выбрали ответственным секретарем Нью-Йоркской потребительской лиги. Имея дело с социальной работой и с политикой, она была видной фигурой в Нью-Йорке на протяжении двадцати лет. Энергичная, красноречивая, остроумная, жизнерадостная и практичная, она была человеком глубоко религиозным.

В 1933 году Франсес Перкинс получила один из наиболее «мужских» постов в правительстве, который обычно ассоциируется с крупным мужчиной, попыхающим сигарой; она стала министром труда. Но и тут она повела дело с присущим ей умением и знанием. Однажды ее спросили, в чем заключаются недостатки быть женщиной. «Разве что по деревьям лазить неудобно», — последовал иронический ответ.

Перед тем как Франсес Перкинс согласилась принять пост министра, она представила Рузвельту широкую программу, которая включала введение страхования по безработице и по старости, установление минимальной зарплаты и максимально допустимой длительности рабочего дня. Рузвельт одобрил ее

предложения. Так для Франсес Перкинс наступил долгожданный момент, ставший кульминацией всех ее надежд и упорного труда. Справившись с очередными задачами — голодом и общей нуждой, — она надеялась создать постоянную систему социального страхования, которая позволит американцам не бояться будущего.

8 июня 1934 года Рузвельт направил в Конгресс послание, в котором энергично подчеркивал необходимость социального страхования. «Среди стоящих перед нами задач на первое место я ставлю мероприятия, которые вселят уверенность в будущее нашим мужчинам, женщинам и детям», — писал он. В то же время Президент набросал основные пункты, которые, по его мнению, должны были служить базой для создания общенациональной программы социального страхования. Эта программа должна была проводиться штатными и федеральными властями и финансироваться взносами, а не увеличением общих налогов. Через три недели он создал Комитет экономического обеспечения, который возглавила Франсес Перкинс. Этому Комитету, в состав которого входило несколько членов кабинета, предстояло до декабря выработать соответствующую программу и представить ее на утверждение Президента.

По мнению Франсес Перкинс, в задачи Комитета входило проведение мероприятий во всех областях народного хозяйства. Конечно, пособия по безработице имели первенствующее значение, но Комитету в то же время не следовало забывать вопросы страхования старости и оказания помощи престарелым, медицинского страхования, компенсации за увечья и ряд других мероприятий для оказания помощи нуждающимся, в частности — престарелым, слепым и несовершеннолетним. В 1935 году был принят первый закон о социальном обеспечении. Он является показателем зрелости социального сознания в Соединенных Штатах, но в то же время в нем чувствуются идеи и настойчивость талантливой Франсес Перкинс.

ПРОГРАММА ПОМОЩИ ФЕРМЕРАМ

Итак, в первую очередь удалось разрешить банковский вопрос и проблему безработицы, а также провести мероприятия по улучшению благосостояния народа. Но в то же время Рузвельт обдумывал другой, не менее важный вопрос: вопрос о положении фермеров. В годы депрессии почти никто так не пострадал, как сельское население. Общий доход фермерских хозяйств в 1932 году в три раза понизился по сравнению с 1929 годом — катастрофическое падение за три года. Цены на фермерские продукты снизились более чем вдвое, значительно больше, чем на покупаемые фермерами товары. Бурные волнения, прокатившиеся по фермерским районам зимой — мрачные толпы, не позволяющие продавать фермы за неплатеж по закладным, — показывали, что терпение фермеров иссякает.

Особенно остро стоял вопрос о выплатах по закладным за фермы, и правительство энергично взялось за разрешение этой проблемы. К концу марта Рузвельт реорганизовал хаотические учреждения Министерства земледелия, ведающие предоставлением кредитов, и создал новое агентство — Управление сельскохозяйственного кредита. Эта администрация финансировала погашение закладных, стала выдавать займы под вторую закладную, разработала специальную технику для убеждения кредиторов соглашаться на приемлемые для обеих сторон условия при расчете, организовала местные комитеты для урегулирования задолженности фермеров и, наконец, создала систему региональных банков, выдававших ссуды под закладные, урожай и продажу продуктов, а также предоставлявших кредиты кооперативам. В первые семь месяцев своего существования Управление выдало ссуд на сумму, превышавшую 100 000 000 долларов, и в то же время добилось понижения процента на предоставляемые фермерам ссуды. Так, по крайней мере, удалось приостановить дальнейшее разорение американских фермеров.

Но Рузвельт отлично понимал, что нельзя возлагать слишком большие надежды на полное восстановление народного хозяйства, пока не повысится покупательная способность фермеров. 8 марта министр земледелия Уоллес и его помощник Тагуэлл попросили Рузвельта продлить сессию Конгресса, чтобы провести новое фермерское законодательство. Президент последовал совету.

Сорокапятилетний Генри Эгард Уоллес выглядел моложе своих лет. Пост министра был его первой ответственной должностью в правительстве. Но проблемы, с которыми ему предстояло столкнуться, были для него не новы. Как и переехавший в Белый Дом Рузвельт, Уоллес почувствовал себя как дома, войдя впервые в здание Министерства: ему предстояло занять место за тем же письменным столом, за которым десять лет назад сидел его отец, бывший министром земледелия при республиканском правительстве.

Уоллес воспитывался в духе искренней преданности земле и обрабатывающим ее труженикам. Запах свежеспаханной весной земли, пробивающие чернозем зеленые побеги кукурузы, покрытые осенью золотыми початками айовские поля — все это было близко сердцу Уоллеса. Но знал он и другое — монотонный изнуряющий труд фермера, ожесточенную борьбу с капризами сельскохозяйственного рынка, на который крестьяне не имели никакого влияния.

«Есть все основания предполагать, — сказал Уоллес вскоре после своего назначения министром, — что когда предыдущие цивилизации приходили в упадок, основной причиной тому

было нарушение необходимого равновесия между городом и деревней». В Соединенных Штатах, считал он, это равновесие было нарушено из-за неустойчивой экономики сельского хозяйства. Начиная с 1929 года, на деньги, вырученные от продажи пшеницы, кукурузы, свинины или хлопка, фермер был в состоянии купить вдвое меньше промышленных товаров, чем раньше, в то время как на заработанные в городе средства можно было приобрести значительно больше фермерских продуктов, чем до того.

Для восстановления равновесия было необходимо повысить цены и сократить сельскохозяйственную продукцию. В 1933 году Уоллес предложил план, с помощью которого он надеялся добиться нужного баланса. Государство должно было субсидировать цены на сельскохозяйственные продукты, а фермеры, в свою очередь, негласно обязывались сокращать свою продукцию. Лидеры фермерского движения, которым не нравилась сама идея контроля продукции, раньше из всех сил сопротивлялись проведению такого плана. Но с депрессией исчезли старые предрассудки. В 1932 году большинство фермеров признало необходимость борьбы с сельскохозяйственными излишками.

План Уоллеса лег в основу Акта регулирования сельского хозяйства, принятого Конгрессом в мае. Главное внимание было обращено на четыре продукта, в которых особо ощущалось перепроизводство: пшеница, свинина, табак и хлопок. Все соглашавшиеся сократить продукцию фермеры получали компенсацию от государства. Конечно, фермеры, не желающие сокращать продукцию, могли продавать свои товары по повышенным ценам. Но при правильном распределении компенсаций в конечном итоге выгадывали те, кто соглашался сокращать свои урожаи.

По духу своему Управление регулирования сельского хозяйства было децентрализованным и демократическим. При проведении какого-либо мероприятия необходимо было получить поддержку подавляющего числа фермеров, имевших касательство к сельскому хозяйству данного района. Вопрос решался голосованием. Повседневные решения принимались по возможности на уровне округа, причем слово оставалось за фермерами. И все же, несмотря на такую децентрализацию, администрация строго придерживалась одной общей линии. Согласно новому плану, фермер стал рассматриваться как органическая единица экономики всей страны, а Федеральному правительству предоставлялась решающая роль в деле защиты доходов фермеров. Это мероприятие было, по словам Уоллеса, «таким же новым в области социальных взаимоотношений, как использование жидкого горючего в механике».

Первый кабинет Президента Рузвельта. Сидят (слева направо): военный министр Джордж Г. Дери, государственный секретарь Корделл Хэлл, Президент Рузвельт, министр финансов Уильям Г. Вудин, министр юстиции Гомер С. Каммингс. Стоят: министр земледелия Генри Э. Уоллес, министр внутренних дел Гарольд Л. Икес, морской министр Клод Э. Свансон, министр почт Джемс Э. Фарли, министр торговли Даниэл К. Ропер, министр труда Франсес Перкинс.

УВЕЛИЧЕНИЕ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ФЕРМЕРОВ

Общая цель, поставленная перед Управлением регулирования сельского хозяйства, была ясна: ему необходимо было восстановить равновесие между промышленностью и сельским хозяйством путем повышения цен на фермерские товары и следовало провести сокращение продукции, регулировку рынков и многие другие мероприятия.

В первую очередь нужно было разрешить проблему хлопка. Излишки прошлых лет исчислялись в восемь миллионов кип, почти в три раза выше нормального, то есть хлопка имелось достаточно, чтобы в 1933 году удовлетворить запросы мирового рынка на американский хлопок, не собрав с полей страны ни одного килограмма. Закон был принят в мае 1933 года, а к тому времени в стране насчитывалось 16 000 000 гектаров, засеянных хлопком, и урожай обещал быть рекордным. Что еще можно предпринять в столь поздний час?

Оставался один-единственный выход: сократить урожай. Но как можно провести подобное мероприятие? Управление регулирования сельского хозяйства — это скопление письменных столов, телефонов и вечно совещающихся людей — не было в состоянии провести массовую просветительную кампанию. И все же в стране имелось достаточно подходящих для этого людей. В стране уже существовали «наделенные землей» колледжи со специальными отделениями по распространению агрономических знаний. Почти во всех округах они имели своих агрономов, знакомящих фермеров с новыми методами ведения сельского хозяйства. Окружные агрономы хорошо разбирались в местных вопросах, да и население им полностью доверяло. По всей стране повелась энергичная кампания: окружные агрономы уговаривали сотни тысяч фермеров перепахать засеянные хлопком поля.

Правительство предприняло и другие шаги для стабилизации цен на хлопок: оно давало фермерам ссуды под хлопок, расценивая последний по ценам, превышающим существующие на рынке. Если цена на хлопок поднималась выше ссудовой расценки, фермер мог выкупить и продать его. Если же нет, то хлопок оставался во владении государства. Для проведения новой программы была образована Корпорация правительственных заготовок и поддержания цен на сельскохозяйственные продукты. Помимо хлопка, ее деятельность распространялась на кукурузу, пшеницу и другие поддающиеся хранению сельскохозяйственные продукты.

Уоллес подчеркивал, что главной целью Управления было не сокращение производства, а установление необходимого равновесия. Таким образом Управление стало контрольным органом, необходимым для сокращения или увеличения про-

дукции. Когда народное хозяйство восстановилось и запросы рынка увеличились, Уоллес заметил: «Теперь мы можем снять ногу с тормоза и дать полный газ». К середине ноября Президент заявил, что в западных районах положение значительно улучшилось. К зиме атмосфера прояснилась. Управление регулирования сельского хозяйства оправдало себя.

ПЛАН ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Начало ста дней ознаменовалось мероприятиями по спасению банковской системы и по оказанию помощи безработным. Шаги для облегчения участи фермеров стали по существу началом «Нового курса». Но в тяжелые бессонные дни и ночи марта 1933 года становилось все более очевидно, что в программе восстановления хозяйства недостает одного основного элемента. Сердцем экономики США была промышленность, а не финансы и не сельское хозяйство, и это сердце билось слишком слабо: с 1929 по 1932 год промышленное производство сократилось почти на 50 процентов, а объем частного строительства — более чем на 75 процентов.

В 1933 году все чаще слышались голоса, утверждавшие, что промышленный рост неминуемо создает такие условия, при которых необходим государственный контроль, и что стабилизация в новом обществе может быть достигнута лишь совместными действиями под руководством имеющего большие полномочия государства.

Сами предприятия уже как бы создали базу для такого сотрудничества. Этой базой служили профессиональные объединения. В 1920-х годах Федеральная торговая комиссия не только всячески содействовала росту этих организаций, но и поощряла их принимать меры к более широкому распространению «кодекса справедливой конкуренции» среди промышленных предприятий. С 1926 по 1933 год в стране было принято около 150 подобных кодексов. Начиная с 1931 года, руководящие деятели деловых кругов стали призывать к общенациональному планированию народного хозяйства с помощью этих организаций.

В некоторых неустойчивых отраслях промышленности, как угольная и швейная, требования о плановом ведении экономики исходили от профсоюзов, которые хотели прямого контроля со стороны государства без посредничества профессиональных ассоциаций промышленников. Так, в угольной промышленности профессиональный союз горнорабочих уже давно разрабатывал план стабилизации промышленности, предлагая ввести выдачу федеральных лицензий, контроль продукции, временную отмену запрещающих монополию законов, установление 34-часовой рабочей недели и гарантию свободы заключения коллективных договоров.

Идея планового хозяйства находила горячую поддержку не только среди ближайших сотрудников Рузвельта, но и в Сенате, особенно со стороны сенатора от Нью-Йорка Роберта Ф. Вагнера и сенатора от Висконсина Роберта М. Лафоллетта. К апрелю 1933 года в этом направлении работало несколько совершенно независимых друг от друга групп. 15 мая законопроект был готов и представлен Конгрессу.

Проект состоял из двух основных частей. Часть первая — «Восстановление промышленности» — объявляла о намерении Конгресса поощрять сплочение промышленных предприятий для совместных действий в рамках профессиональных группировок. В этом отделе говорилось о создании кодекса справедливой конкуренции и признании подлежащей закону о монополиях программы профессиональных объединений. Была там и специальная статья о выдаче предприятиям государственных лицензий; в этой статье чувствовалось влияние сторонников общегосударственного планирования. Секция 7а призывала к заключению коллективных договоров, ограничению максимальной продолжительности рабочего дня и установлению минимальной оплаты труда — и тем отвечала интересам трудящихся. Часть вторая проекта — «Общественные работы и строительные программы» — предусматривала создание Управления общественных работ с годовым бюджетом в 3 300 000 000 долларов, что удовлетворяло таких защитников общественных интересов, как сенаторы Вагнер и Лафоллетт.

РАЗНОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСУ О ПЛАНИРОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Палата Представителей начала обсуждать законопроект и, внеся небольшие изменения, через неделю одобрила его. Из всех изменений самым важным можно считать усиление секции 7а, проведенное под давлением со стороны Уильяма Грина, председателя Американской федерации труда. Грин уговорил членов Палаты Представителей выработать точную формулировку мер защиты рабочих со стороны враждебно относящихся к профсоюзам работодателей.

В Сенате обсуждение законопроекта в целом и секции 7а в частности проходило более бурно. Национальная ассоциация промышленников и Торговая палата, две особенно влиятельных организации предпринимателей, выступили с резкой критикой пунктов, защищающих интересы трудящихся. Но особенно жаркие дебаты развернулись в Сенате по другому вопросу: о значении отмены законов, направленных против монополий. Вопрос этот сводился к следующему: могут ли промышленные предприятия общими усилиями выработать справедливые ставки, нормы продолжительности рабочего дня и стандарты рабочих условий, не входя при этом во взаимное соглашение об установлении цен на продукцию?

Сенатор от Айдахо Уильям Э. Бора атаковал законопроект с точки зрения старого сторонника антитрестовских законов. Его горячо поддерживали сенатор от Монтаны Бартон К. Уилер и сенатор от Алабамы Юго Блак. Сенатор Вагнер, как всегда вежливый, терпеливый и находчивый, защищал законопроект. «Вы пытаетесь убедить меня в том, — говорил Блак, — что промышленники, собравшись обсудить введение минимальной заработной платы и максимальной продолжительности рабочего дня, совершенно обойдут молчанием вопрос о ценах, по которым они собираются продавать свои товары?» Интересы крупных предприятий, утверждал Бора, всегда будут доминировать, как бы тщательно ни был сформулирован закон. Но каким же путем, если не разработкой норм, можно запретить несправедливую эксплуатацию и закрепить позиции профсоюзов? — в свою очередь спрашивал Вагнер.

Наконец 13 июня 46 голосами против 39 Сенат одобрил законопроект и послал его на подпись Президенту. Цель нового закона, сказал Рузвельт 16 июня, — это дать работу населению. Закон увеличивал покупательную способность трудящихся, рабочие часы которых сокращались, а ставки оплаты труда повышались. Закон обеспечивал улучшение условий работы, и теперь ни один работодатель не мог оказаться в невыгодном для себя положении, если он хорошо оплачивал труд и создавал хорошие условия работы.

Провести закон в жизнь Президент Рузвельт поручил Хью Джонсону, принимавшему участие в составлении законопроекта. Во время Первой мировой войны он помогал поставить промышленность на военные рельсы, действуя через Комиссию военной промышленности. В предвыборной кампании 1932 года он не только отличался красочностью своего языка, но и продемонстрировал свои глубокие знания американской экономики и удивительную способность просто и понятно излагать сложнейшие проблемы.

20 июня, спустя четыре дня после принятия закона о Национальном восстановлении промышленности, Джонсон объявил об организации Национальной администрации восстановления промышленности. Штат его сотрудников уже занял ряд необставленных помещений в новом здании Министерства торговли. Джонсону и его помощнику Доналду Ричбергу сразу же предстояло решить, какие непосредственные задачи стоят перед новой администрацией. Если в основу ее политики ляжет кодекс труда, по которому предприятия обязывались сократить рабочий день, повысить ставки, улучшить торговую практику и взаимоотношения с профсоюзами, то тогда в первую очередь надо разрешить два вопроса: во-первых, как провести кодекс во всех промышленных предприятиях и, во-вторых, как можно установить, проводится ли он повсеместно.

И вот в душные жаркие дни начались обсуждения кодекса в различных областях промышленности. «Мы будем действовать открыто», — заявил Джонсон. Недоумевающие бизнесмены, обтирая выступающий от жары и волнения пот, бродили по бесконечным коридорам Министерства торговли, стараясь выяснить, как же закон будет проводиться. Сняв пиджаки и вытирая лица платками, они садились на позолоченные стулья в Вашингтонских гостиницах и обсуждали детали реорганизации промышленности. Предприниматели вопрошающе смотрели на профсоюзных деятелей, те — на предпринимателей, и в то же время все чувствовали себя крайне неудобно под холодным взглядом Ричберга, заместителя Джонсона. Процесс был длительным. Наконец, спустя шесть недель хлопчатобумажная промышленность первой приняла кодекс труда. За ней последовали другие отрасли промышленности.

БОРЬБА ЗА ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ

В общем вопрос о профсоюзах был значительно более важным для Национальной администрации восстановления промышленности, чем обсуждение цен, взаимного сотрудничества и монополий. Принципы секции 7а не были новыми. Еще в Первую мировую войну Управление распределения рабочей

силы в военное время, в котором служил Франклин Рузвельт, разработало доктрину о том, что рабочие имеют право выбора путем большинства голосов своих представителей для переговоров с работодателями. Закон о транспорте от 1920 года и закон о железнодорожных рабочих от 1926 года (в составлении которого принимал участие Ричберг) предоставляли железнодорожным служащим право поручать защиту своих интересов выбранным ими организациям. То же предусматривал и вступивший в силу в 1932 году закон Норриса—Ла Гвардия, в преамбуле которого предлагалось предоставить эту привилегию всем трудящимся. Но в законе о восстановлении промышленности было и новое: он упорядочивал в законодательном смысле все эти появившиеся за последние двадцать лет тенденции и давал право всем трудящимся, занятым в межштатной торговле, заключать коллективные договоры.

Благодаря этому закону в корне изменилась позиция профсоюзов. «С точки зрения благополучия человека и экономических свобод, — сказал председатель союза горняков Джон Л. Льюис по поводу Национального закона о восстановлении промышленности, — по нашему убеждению, у нас не было такого законодательства со времен провозглашения отмены рабства Президентом Линкольном». Энергичная поддержка Льюиса, работа и речи многих других профсоюзных лидеров способствовали активности рабочего класса во всей стране. К ноябрю число членов одного лишь профсоюза горняков увеличилось более чем на 100 000 человек.

Конечно, рабочее законодательство не могло ограничиться законом о восстановлении промышленности, но этим законом правительство дало благословение на предоставление рабочим права создавать свои организации, и тем он стал незабываемой вехой в истории профсоюзного движения. Когда секция 7а оказалась недостаточной и больше не удовлетворяла требованиям, профсоюзные лидеры стали настаивать, чтобы Рузвельт провел более радикальное рабочее законодательство. 29 июня 1934 года, находясь, с одной стороны, под давлением сенатора Вагнера и других либералов и под огнем критики протестующих предпринимателей, с другой, Рузвельт, опираясь на резолюцию Конгресса, создал Комитет регулирования взаимоотношений между предпринимателями и рабочими. Этот комитет был уполномочен проводить среди промышленных рабочих выборы профсоюзных представителей. Теперь борьба за контроль над действиями профсоюзов перешла в другую фазу. Даже сейчас этот комитет является арбитром в спорах между работодателями и рабочими и зорко охраняет права трудящихся и их объединений. Такое мероприятие сильно отразилось на росте числа охваченных профсоюзом трудящихся: в 1934 году их было 3 000 000, в 1937 — 7 000 000, а сейчас — более 18 000 000 человек.

СМЕЛОЕ РАЗРЕШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ

Частично «Новый курс» стоял на оборонительных позициях: он поставил себе целью защищать трудящихся — да и всех американцев — от пагубных последствий безработицы и отчаяния. Но «Новый курс» преследовал и другие цели — он хотел построить новую, лучшую Америку. Эти принципы воплотились в законе от 18 мая 1933 года о создании Администрации по эксплуатации долины реки Теннесси.

В бассейне реки Теннесси расположено целиком или частично семь штатов: Теннесси, Алабама, Джорджия, Миссисипи, Северная Каролина, Кентукки и Вирджиния. На протяжении тысячи километров река Теннесси, бурля и извиваясь, то сужаясь, то расширяясь, течет до того места, где она впадает в Охайю. Вместе с притоками она орошает более 100 000 кв. километров. Ежегодно там выпадает свыше 125 сантиметров осадков, от которых реки превращаются в свирепые потоки, заливают поля и уносят с них плодородную почву. Леса, изрядно поредевшие и вырубленные, страдали от пожаров. Доход населения был в два раза меньше, чем у средних американцев. Только два процента ферм было электрифицировано. Осенью 1933 года более половины всех жителей горных районов существовало на общественные средства, а в одном округе это число возросло до 87 процентов. Казалось, что нет защиты ни от пожаров, ни от эрозии почвы и что впереди ожидает лишь еще более тяжелая нищета.

Но в последние 10–15 лет появился проблеск надежды: начали поговаривать о плотине на реке Теннесси около алабамского городка Мэсл-Шоалс. Здесь на протяжении 64 километров река, пенясь и прыгая по скалам и порогам, опускалась на 40 метров. Уже в начале нашего столетия Мэсл-Шоалс привлекал внимание инженеров как возможное место строительства гидроэлектростанции.

Осень 1933 г. Рабочие и деловые люди Нью-Йорка выступили с поддержкой Национальной администрации восстановления промышленности. Во всей стране нагала ощущаться активность рабочего класса.

Мэсл-Шоалс, сказал 10 апреля 1933 года Рузвельт Конгрессу, является лишь небольшой частью потенциальных возможностей использования реки Теннесси. Если говорить о всех возможностях, то дело далеко не ограничится электроэнергией: реализация проекта позволит уничтожить угрозу наводнений, устранить эрозию, сохранить лесонасаждения, сократить площадь неплодородных полей, развить новые отрасли промышленности. Для единого руководства этой программой Рузвельт предложил Конгрессу создать «учреждение, наделенное полномочиями правительственного органа и эластичностью и инициативой частного предприятия». Новое учреждение — Управление по эксплуатации долины реки Теннесси — должно было проводить широкие строительные мероприятия в долине на благо всей страны. Сенатор Джорджи Норрис назвал это предложение «самым замечательным и самым дальновидным документом, когда-либо исходившим из Белого Дома».

Законопроект был подвергнут строгой критике в Конгрессе. И все же, после ожесточенных дебатов, 18 мая закон был принят и подписан Президентом Рузвельтом.

Через несколько лет долина реки Теннесси зажила новой жизнью. Новые плотины приводили в движение огромные

турбины, и по блестящим алюминиевым и медным проводам электрический ток бежал на фабрики и фермы в самые отдаленные уголки бассейна реки. Очищались реки, восстанавливались леса, обогащалась почва, улучшались сельскохозяйственные методы, строились школы, места для отдыха и развлечений. Но под всем этим скрывалось нечто неуловимое глазу и в то же время крайне важное: население долины реки Теннесси, энергично взявшееся за работу, увидело перед собой светлое будущее для себя и своих детей. Река — свирепый разоритель — превратилась в покорного слугу. Обнищавший край озарился новыми надеждами. То был характерный для тех дней символ: человек с помощью разумных политических действий и технических мероприятий изменил условия жизни и превратил поражение в победу.

ДУХ «НОВОГО КУРСА»

В первые сто дней президентства Рузвельта парализующий гнет депрессии стал ослабевать. В эти исторические дни Президент не только выступал в Конгрессе, он обращался и непосредственно к народу. Накануне созыва Конгресса Рузвельт впервые устроил президентскую пресс-конференцию у себя

К ЯНВАРЮ 1934 Г. АДМИНИСТРАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ РАБОТ ОБЕСПЕЧИЛА РАБОТОЙ БОЛЕЕ 4 000 000 ЧЕЛОВЕК. АМЕРИКАНЦЫ ОСВОБОДИЛИСЬ

в рабочем кабинете. На конференцию собралось свыше ста недоверчиво настроенных корреспондентов, ожидавших очутиться в обычной для Белого Дома обстановке — скучной и напряженной. К их удивлению Президент встретил представителей прессы весело и дружелюбно. «Вопросы незачем подавать в письменной форме», — сказал он и предложил проводить живой обмен мнений. Откровенно обсуждая банковский кризис, Рузвельт явно наслаждался такой живой дискуссией.

В воскресенье 12 марта, вечером, когда закончилась первая неделя президентства, Рузвельт установил с народом еще более прямой контакт: он провел свой первый «разговор у огонька» — непринужденную радиобеседу со всеми американцами. «Давайте объединимся для борьбы со страхом», — сказал он в заключение. — Это дело ваше, а не только мое. Сплотившись, мы должны победить».

В столице, где давно господствовала атмосфера апатии и безысходности, все зашевелилось, и это движение встряхнуло страну. «За одну неделю страна, потерявшая веру во все и во всех, вновь обрела веру в свое правительство и в самое себя», — писал комментатор Уолтер Липмани.

Скоро определилось рабочее расписание Президента: он завтракал в постели, быстро пробегал пять-шесть утренних газет и тут же в спальне в 9 часов обсуждал со своими помощниками важнейшие вопросы дня. Затем Рузвельт принимал различных лиц, совещался, говорил по телефону, читал письма, отвечал на них, изучал докладные записки, принимал решения, чудесным образом водворяя порядок в общем хаосе.

Рузвельт крепко держал бразды правления в своих руках. Казалось, кризис придавал ему энергию. На участвовавших в пресс-конференциях корреспондентов производила большое впечатление изысканная вежливость энергичного Президента, который, непринужденно сидя за письменным столом, отки-

дывал голову назад, широко улыбался или громко заливался смехом, наслаждаясь колким замечанием или находчивым ответом. Он встречался со взволнованными конгрессменами, перепуганными предпринимателями, рассерженными бюрократами, подшучивал над слишком серьезными, укорял самолюбивых, воодушевлял впадавших в отчаяние.

ЛЮДИ, ПОЛНЫЕ ИДЕЙ

«Новый курс» принес с собой новых людей. Старая столица не знала, как реагировать на их нашествие. Депрессия, резко сократившая деятельность адвокатских бюро и университетских кафедр, освободила от работы огромное число представителей интеллигенции, которых правительство стремилось зачислить в ряды государственных служащих в небывалых масштабах. В Вашингтон стекался бесконечный поток талантливых молодых людей.

«Если бы способности поддавались измерениям, — заметил один писатель, — то я осмелился бы утверждать, что в государственном аппарате Рузвельта их было на много литров больше, чем при других Президентах». Сотрудники Рузвельта были на чеку, взволнованы текущими событиями, рвались вперед, инстинктом чувствовали кризис, готовы были беззаветно служить народу — все это стало характерным явлением для Вашингтона тех дней. Их подъем, смелость, приключенческий дух, молодая заносчивость, неисчерпаемая энергия заражали всех окружающих. Они задавали тон, они устанавливали ритм жизни Вашингтона: «Они изменили город, — писал журнал «Коллиерс», — превратили его из мирного и ленивого южного города с застывшими лицами и обычаями в веселую, полную движения культурную столицу». Кто же эти люди? Среди них были представители всех слоев населения — от привыкших к богатству, вроде Франклина Рузвельта, до выросших в бед-

ОТ ЧУВСТВА ОБРЕЧЕННОСТИ И ВНОВЬ ОБРЕЛИ ВЕРУ В СЕБЯ.

ности, вроде Гарри Гопкинса. Но большинство их вышло из семей средней зажиточности. Они представляли все профессии, но больше всего было адвокатов, профессоров, экономистов и общественных деятелей. Они приехали со всех концов страны, из городов и деревень, однако большинство получило образование в университетах различных штатов или колледжах восточных районов страны. Большинство начало политическую деятельность, сражаясь за упорядочение правления своих родных городов. Они представляли все возрастные группы, но большинство из них родилось между 1895 и 1905 годами. У всех было одно общее: они жили в мире новых идей. Они привыкли анализировать и диалектически мыслить, были готовы применить свои знания к управлению страной. Они были не просто специалисты. Они были или, по крайней мере, считали себя знатоками во всех областях, способными логически разрешить любые социальные проблемы. Они наслаждались возможностью свободно творить.

Рузвельт дал им возможность проводить идеи на практике. Действовали они, конечно, из разных побуждений. Одни — по зову долга, другие — под влиянием внезапно пробудившегося идеализма, третьи — по карьеристическим соображениям. Но лучшие из них, по словам адвоката Франсиса Бидла, находили удовлетворение «в отрядном чувстве коллективного труда, которое по глубине своей намного превосходит ощущение радости от успешно завершённой работы, в том чувстве, которое помогало им преодолеть душевное одиночество и скуку и отказаться от личных, часто нереальных стремлений. Такое чувство испытывают люди, жертвующие собой во имя достижения общей цели и общего блага. Это не бегство от самого себя, а самоутверждение своего я».

Часто они разочаровывались и находились на грани отчаяния. Они изнурили себя работой. Порой они ненавидели Ва-

шингтон, все правительство и самого Рузвельта. И все же для большинства это время было самым счастливым, и именно тогда им удалось испытать чувство наиболее глубокого удовлетворения. Эти дни не так легко изгладятся из памяти: вечные совещания, полные окурков пепельницы, бутерброды в сухоматку тут же за письменным столом или, когда позволяло время, длинные завтраки в залитых солнцем ресторанах на берегу Потомака, не без злорадства распространяемые слухи, звонок из Белого Дома, отложенный обед, скучающая дома в одиночестве жена, горящие среди ночи огни в рабочем кабинете, ароматы сирени, цветущей в садах Джорджтауна (район Вашингтона), обсуждение за коктейлями участи страны, самоотверженность, честность, ошибки, удачи. В худшем случае эти люди становились отъявленными сентименталистами или циниками. В лучшем — способными, разумными, самоотверженными слугами своего народа, каких, пожалуй, до той поры еще не знали Соединенные Штаты.

«МЫ ПЕРЕЖИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ»

Прошло три месяца со дня инаугурации Рузвельта, и на Конгресс, да и на всю страну из Белого Дома низвергся поток новых идей и программ, по силе превосходящий все известные в истории Соединенных Штатов. 15 июня 1933 года закрылась сессия Конгресса, и за это время Президент и законодатели провели следующее:

гарантировали сберегательные вклады, обеспечив их федеральным страхованием... установили национальную систему обеспечения безработных жилищем и работой... включили миллионы молодых безработных в работы по сохранению естественных богатств страны... провели меры помощи фермерам и программы повышения цен на сельскохозяйственные продукты... стабилизировали цены на внутреннем рынке, отказавшись от обеспечения доллара золотом... обязали корпорации представлять полный, соответствующий действительности отчет о финансовом положении при продаже акций и облигаций... помогли мелким домовладельцам сохранить свои жилища, дав им возможность перезаключить закладные с помощью федеральных ссуд... начали программу самоуправления промышленности под федеральным контролем, установив минимальную заработную плату и максимальную продолжительность рабочего дня, давая право вести коллективные переговоры через профсоюзных представителей... обеспечили работой миллионы трудящихся, начав строительство дорог, школ, больниц и других общественных объектов... облегчили фермерам получение ссуд для сохранения своих ферм и для покупки сельскохозяйственных машин, семенного фонда и для других хозяйственных нужд... создали Администрацию по эксплуатации долины реки Теннесси, которая координировала промышленное и сельскохозяйственное развитие семи штатов, расположенных в этом районе.

Таков итог ста дней, во время которых Франклин Д. Рузвельт направил в Конгресс 15 посланий, настоял на принятии 15 законов, имевших первостепенное значение, произнес 10 речей, дважды в неделю устраивал пресс-конференции и созывал заседания кабинета, вел переговоры с главами иностранных государств, оказал поддержку международной конференции, принимал все важнейшие решения как во внутренних, так и во внешних делах — и никогда не проявлял признаков страха или паники и даже крайне редко раздражался.

Весной и летом 1933 года тучи апатии рассеялись. «Это уже не «Новый курс», — сказал министр внутренних дел Гарольд Икес. — Это новый мир. Народ снова стал свободен. Он опять может дышать полной грудью. Порой кажется, что мы вырвались из затхлой покойнички в вольный лес». «Мы пережили революцию, — писал журнал „Коллиерс“, — и нам она пришлась по душе». Конечно, тучи опять когда-нибудь нависнут, как это всегда случается в истории. Но в данную минуту небо прояснилось, американцы освободились от чувства обреченности и вновь обрели веру в себя. И тем они раздули огонек надежды во всем мире. «Смелость, сила, размах мероприятий Рузвельта, — писал английский наблюдатель, — должны быть встречены с горячей симпатией в каждой стране, а успехи американского Президента не могут не приблизить весь мир к солнечным дням счастливой жизни». Как и сам Рузвельт, английский журналист расценивал этот великий эксперимент в исторической перспективе. «В самом деле, — сказал Уинстон Черчилль, — Рузвельт — это исследователь, который пускается в плавание, не менее рискованное, чем путешествие Колумба, и на поиски, которые, возможно, окажутся не менее существенными, чем открытие Нового Света».

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ МИРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Натан Глик

«Наплевать мне на интересы общества», — заявил, как рассказывают, один американский капиталист в XIX веке, и единомышленники дружно поддержали его. Но в наше время человек, занимающий такую позицию, никак не может рассчитывать на успех своего предприятия. За последние тридцать лет давление общества, осуществляемое с помощью мероприятий правительства и общественного мнения, чрезвычайно возросло. В наши дни фирма, не желающая считаться с интересами страны, по всей вероятности, предстанет перед расследующими ее деятельность членами той или иной комиссии Конгресса, подвергнется судебному преследованию за нарушение анти-трестовских или других законов, либо же будет бойкотироваться самими потребителями.

Эти перемены в теории и практике деловой жизни являются частью мирной революции, преобразившей лицо страны. Импульсом, вызвавшим эту революцию, послужил экономический кризис 1929–33 годов. Охватившая страну депрессия наглядно доказала, что хотя Соединенные Штаты опередили все остальные страны в развитии производственных сил и провели в жизнь политические гарантии личной свободы каждого, вопрос социального обеспечения и равномерного распределения материальных благ остался неразрешенным. Немедленно зазвучали голоса догматиков, утверждавших, что разрешить этот вопрос можно только с помощью насильственного переворота, который уничтожит все следы капиталистической экономики; без этой революции, утверждали они, положение вещей будет неуклонно ухудшаться. Однако Президент Франклин Д. Рузвельт и подавляющее большинство американцев отвергли эту фаталистическую точку зрения. Взамен правительство Рузвельта, не нарушая ни политических свобод, ни основной структуры частного предпринимательства, с большой изобретательностью разработало и энергично провело в жизнь ряд реформ, создавших для рабочих и фермеров лучшее экономическое обеспечение и более справедливое распределение материальных благ. После смерти Франклина Рузвельта реформы эти укреплялись и расширялись при каждом последующем правительстве.

ПРАВИТЕЛЬСТВО В НОВОЙ РОЛИ

Стержнем социальной революции, начатой Новым курсом, послужил принцип увеличения роли правительства в экономической и социальной жизни страны. На протяжении всей своей истории американцы весьма недоверчиво относились к деятельности правительства. Многие европейские иммигранты бежали в Америку, спасаясь от религиозных и политических преследований у себя на родине. Поэтому они разделяли точку зрения Томаса Джефферсона, автора Декларации Независимости и третьего Президента Соединенных Штатов, утверждавшего, что «чем меньше правительство управляет, тем оно лучше». К этому Джефферсон добавил: «Я не знаю более надежных хранителей верховной власти в обществе, чем сам народ». Конституция США предусматривает разделение власти между законодательными, исполнительными и судебными органами, благодаря чему ни один из этих органов не может сосредоточить в своих руках абсолютную, а следовательно, тираническую власть. В течение XIX столетия и начала XX правительство США лишь косвенно влияло на экономическую и социальную жизнь страны.

Выдвинутому Джефферсоном принципу стал постепенно противопоставляться другой, который подчеркивал твор-

ческую и руководящую роль правительства. Эндрью Джексон, Президент США с 1829 до 1837 года, заявил о своей готовности поставить власть правительства на службу тех, кого он назвал «скромными тружениками общества» — рабочих и фермеров. Вскоре после этого Авраам Линкольн сказал, что правительство должно стремиться «сделать для людей то, что для них необходимо, но чего они сами сделать не могут, а если и могут, то не так как, следовало бы». В течение первых двух десятилетий нашего века такие волевые Президенты, как Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон, использовали правительственный аппарат для регулирования деловой жизни страны.

Однако до прихода к власти Франклина Рузвельта вмешательство правительства носило лишь ограниченный, спорадический характер и выражалось главным образом в установлении норм экономической жизни. Рузвельт же утверждал, что правительство обязано не только устанавливать нормы, но и активно бороться за улучшение условий жизни всего народа. Свой взгляд на это он выразил следующим образом: «В Соединенных Штатах я вижу государство, которое способно доказать, что при демократическом образе правления ресурсы страны могут стать базой небывалого подъема народного благосостояния, когда даже наименее зажиточные группы будут в состоянии значительно повысить свой уровень жизни».

Оглядываясь на истекшие тридцать лет, мы видим, что предсказание Рузвельта почти полностью оправдалось. «Миллионы рабочих и фермеров перешли с бедственного или полунищенского существования на образ жизни, связываемый обычно с понятием достатка среднего класса, — пишет историк Фредерик Льюис Аллен. — Они хорошо одеваются, покупают дорогие автомобили, обставляют свою кухню всевозможными бытовыми приборами, обзаводятся страховыми полисами». Реальная заработная плата выросла с 1933 года почти вдвое, а кроме того рабочий получил ряд дополнительных преимуществ, позволяющих ему жить удобнее и приятнее: сокращение рабочего дня, увеличение оплаченного отпуска и компенсаций по болезни, больше праздников, медицинское и больничное страхование и выплачиваемые за счет пенсионного фонда предприятия пенсии за выслугу лет (в добавление к обычной пенсии по старости, которую выплачивает ведомство социального обеспечения).

Больше рабочих живет в собственных домах, чем снимает квартиру (60% американцев является домовладельцами); их дома обычно оборудованы такими бытовыми приборами, как холодильники, стиральные машины, пылесосы и вентиляторы или кондиционеры воздуха. Рабочие охвачены системой государственного социального страхования, созданной в 1935 году и с тех пор непрерывно расширявшейся. В настоящее время около 90% всех рабочих и их семейств имеют право на получение пенсий по старости, по инвалидности и в случае потери кормильца. К началу 1963 года в США имелось 18 миллионов пенсионеров. Около 80% рабочих застраховано от безработицы, что обеспечивает им выплату пособий в течение шести месяцев, причем страхование осуществляется за счет предприятий. В среднем рабочие, лишившиеся трудового места, остаются без работы 13 недель, так что большинству из них государственного пособия по безработице вполне достаточно, чтобы пережить это трудное время. Те, кто не может более полугода найти работу, получают специальные пособия, выплачиваемые местными властями.

Не менее разительны и перемены на фермах, происшедшие

Покинутая ферма в Южной Дакоте. В начале 1930-х годов засухи и песчаные бури сносили разоренных фермеров Среднего Запада с насиженных мест.

Та же ферма в наши дни. Чтобы сохранить плодородие почвы, поля в первую очередь засеяли покровными культурами, сохраняющими влагу и предотвращающими выветривание.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

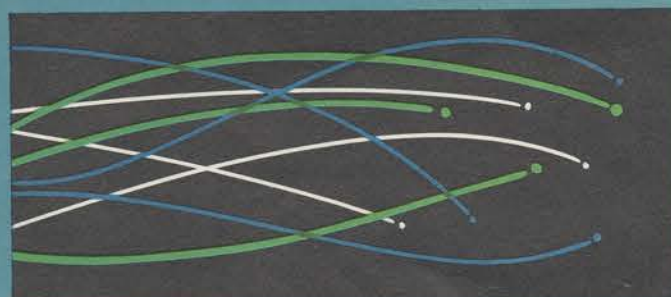
	Число ферм	Процент владельцев ферм	С.-х. население	С.-х. площадь (в га)
1930	6 546 000	55	30 529 000	398 655 000
1940	6 350 000	61	30 547 000	428 584 000
1945	5 967 000	—	25 295 000	461 212 000
1950	5 648 000	72	25 058 000	468 555 000
1955	4 654 000	75	22 438 000	467 909 000
1959	4 097 000	80	21 172 000	452 544 000
1961	3 811 000	80	14 803 000*	450 460 000**
1963	3 700 000	80	14 300 000	449 248 000**

*Снижение в цифрах 1959—1961 гг. объясняется введением Бюро переписи новой классификации профессий

**Предположительно

ЧИСЛО ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

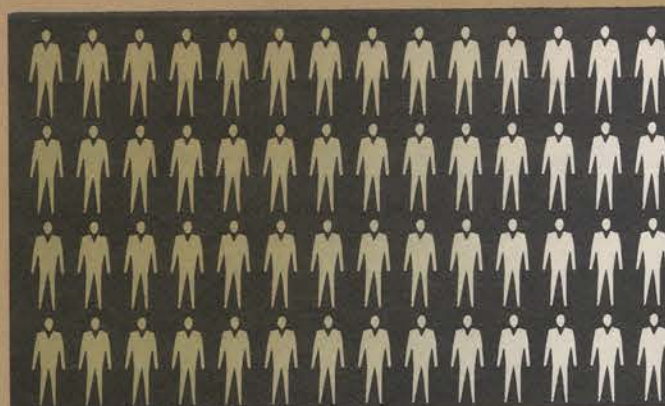
1933	2 782 100
1938	3 073 700
1943	2 905 100
1948	3 948 400
1953	4 187 700
1958	4 533 500
1962	4 752 000

ЧИСЛО ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗОВ

1933	3 400 000
1940	8 717 000
1950	14 267 000
1960	17 049 000
1963	17 100 000*

*Предположительно

1930-е годы. Ветхие лачуги шатеров в Западной Вирджинии свидетельствуют о примитивной технике жилищного строительства того периода.

1960-е годы. Односемейные дома строятся быстро и надежно. Элементы фабричного производства сочетаются в строительстве с деталями ручной работы.

в значительной мере благодаря помощи Федерального правительства. Производительность сельского хозяйства возросла втрое, а вместе с ней соответственно и фермерские доходы. В 1933 году только 10% ферм пользовались электроэнергией, сейчас — 97%. Телефонами оборудовано 70% всех ферм. Правительство предоставляет фермерам кредит на покупку сельскохозяйственных машин, семян, скота, а кроме того, помогает им получать и выплачивать банковские ссуды. Благодаря этому в настоящее время около 80% ферм принадлежит работающим на них фермерам; фермеры же, обрабатывающие арендуемые поля, стремятся как можно скорее приобрести свою собственную землю.

Решающую роль в этом перераспределении материальных благ сыграл прогрессивный подоходный налог. Часть крупных сумм, взимаемых с богатей, используется для проведения мероприятий, улучшающих жизнь менее зажиточных слоев населения. Доходы корпораций облагаются высоким налогом, и полученные средства также идут на осуществление различных программ, направленных на общее благо.

Другим важным орудием экономических реформ стали со времен Нового курса различные федеральные ведомства контроля. «Частный экономический сектор является в то же время общественным достоянием», — сказал Франклин Рузвельт. Ведомства контроля наблюдают за тем, чтобы фирмы в своей практике не прибегали к действиям, способным причинить вред обществу. Сейчас Федеральное правительство контролирует деятельность банков, продажу ценных бумаг, авиатранспорт, межштатную торговлю, отношения между предпринимателями и рабочими, торговые предприятия и целый ряд других областей экономической жизни. Неразборчивый в средствах капиталист-хищник, типичный для XIX века, исчез окончательно. Его место заняли руководители акционерных обществ, заботящиеся о том, чтобы не нарушить установленных правительством правил и не уронить своей репутации в глазах потребителя и избирателя.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ

Классовые различия в Соединенных Штатах всегда были менее резкими, чем в большинстве известных истории государств. Иностранцы, приезжавшие в США в XIX и XX столетиях,

часто отмечали демократический характер американской жизни. До некоторой степени это было справедливо, но многие американские прогрессивные деятели утверждали, что процесс демократизации жизни в США еще недостаточно всеобъемлющ. Они указывали на резкую разницу между годовым доходом богатей и бедняков, на дискриминацию негров, на ограниченные возможности получения высшего образования для беднейших слоев населения и на недоступность серьезных культурных начинаний.

Новый курс чрезвычайно способствовал дальнейшей демократизации американского общества. Правительство ориентировалось в первую очередь на рядового гражданина страны — на рабочего, на фермера, на мелкого торговца. Оно видело стоящие перед ним трудности и использовало все имевшиеся в его распоряжении средства для их устранения. Эта политика привела к повышению чувства собственного достоинства рядового американца и способствовала еще большему его вовлечению в общественную жизнь. Никогда еще в общественной деятельности не принимало участия такое количество людей из самых различных слоев населения. «Власть, созданная волей народа, посредством народа и на благо народа», о которой говорил Линкольн, стала реальностью наших дней. Самыми различными способами, опираясь на энтузиазм и таланты людей, правительство продолжало улучшать жизнь народа.

Новый курс дал дорогу либерально-прогрессивным традициям, уходящим корнями в далекое прошлое Америки. Он привлек к делу управления страной людей, заинтересованных не только в увеличении производства, получении работы и социальном обеспечении, но и в поднятии уровня общественной и культурной жизни. Так, Управление промышленно-строительных работ общественного назначения не только руководило школьным и дорожным строительством — оно давало возможность тысячам писателей и художников осуществить свои замыслы. Немало зданий общественного назначения украшены произведениями художников, работавших по приглашению Управления; писатели же выполняли ряд ценных работ по истории культуры и общества. Гастролировавшие по всей стране труппы Федерального театра знакомили с современным и классическим репертуаром широкие массы, в

СРЕДНИЙ НЕДЕЛЬНЫЙ ЗАРАБОТОК ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ

	Заработная плата (в долл.)	Рабочие часы в неделю
1933	16,73	38,1
1938	22,30	35,6
1943	43,14	44,9
1948	54,14	40,1
1953	71,69	40,5
1959	88,26	40,3
1961	92,34	39,8
1962	96,56	40,4

СЕМЕЙНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ДОМА, АВТОМОБИЛИ, ТЕЛЕВИЗОРЫ

	Дома	Автомобили	Телевизоры	Число семей
1930	14 002 074	12 600 000*	—	28 000 000
1940	15 195 763	18 148 000*	—	32 000 000
1950	23 559 966	27 420 000	3 875 000	39 303 000
1960	32 796 720	41 118 000	39 654 000	45 062 000
1963*	33 400 000	41 700 000	40 000 000	46 381 000

*Предположительно

СРЕДНИЙ ГОДОВОЙ ДОХОД СЕМЬИ (в долл.)

По курсу 1950 г.

1935	1631	2937
1941	2209	3663
1950	4444	4444
1957	6238	5327
1960	6845	5570
1962	7140	5713

том числе немало жителей глухих областей, никогда в жизни не видевших театральных постановок.

Культурная революция, охватившая сейчас всю страну, многим обязана той моральной и материальной поддержке, которую оказало художникам в 30-х годах правительство Соединенных Штатов. Приобщение к культуре, бывшее ранее привилегией избранных, сейчас стало правом каждого. Симфонические и духовые оркестры, созданные во всех городах Соединенных Штатов местными школами, университетами и общественными организациями, привели к тому, что сейчас около тридцати миллионов американцев играет на музыкальных инструментах. Художественной самодеятельностью — живописью, фотографией, танцем, театром — увлекаются повсюду десятки тысяч людей. Дешевые издания произведений классиков и современных писателей можно без труда купить где угодно — в продуктовом универсаме, в аптекарском магазине, в аэропорту и на вокзале; они выпускаются миллионными тиражами. Каждый американец может смотреть драму и слушать оперу у себя дома по телевидению. Культура во всех ее формах — от самой изощренной до самой доступной — стала достоянием широких масс, открывающих в самих себе творческие силы, которые ранее не находили выхода за отсутствием возможностей.

Демократизация жизни захватывает и более прозаические области. Все американки могут сейчас одеваться по последней моде, так как готовые платья продаются по цене, вполне доступной для работающей женщины или домохозяйки. Служащий ничем не отличается по одежде от владельца предприятия — опять-таки благодаря высокому качеству массовой продукции. Дома рабочих в пригородах зачастую нельзя отличить от домов их начальников. Границы между классами стираются и в отношениях между людьми. Все чаще и чаще рабочие и администраторы предприятия называют друг друга просто по имени, и ни один не смотрит на другого с подобострастием или, наоборот, свысока. Исчезают границы не только между группами людей различной зажиточности, но и между образом жизни больших и маленьких городов. Благодаря кино, телевидению и рекламе жители маленьких городов не хуже столичных жителей осведомлены о товарах, имеющих-ся на рынке и доступных благодаря массовому производству.

Крупнейшую роль в разрушении классовых барьеров в США сыграл, несомненно, рост высшего образования. В университетах страны в настоящее время учится свыше четырех с половиной миллионов студентов, то есть более 36% молодежи в возрасте 18–21 года. В университетах учатся люди самого различного происхождения; обучение открывает им дорогу в любые профессии, в любые области делового и промышленного мира. Успех зависит не от происхождения, а от личной инициативы, желания и одаренности.

На языке некоторых социологов демократический характер американской жизни именуется «вертикальной социальной мобильностью». «Перемещение по шкале дохода и престижа совершается в Соединенных Штатах в масштабах, вероятно, неизвестных доньше истории», — говорит один из них.

НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Происшедшая в Соединенных Штатах социальная революция трудно поддается описанию, ибо не имеет себе равных в истории. Наблюдательный французский священник Р. Л. Брукберже, побывав в Америке, сделал совершенно правильный вывод: «Американцу свойственно экспериментаторство и стремление к непрерывному улучшению. В этом смысле американец — подлинный революционер, и производимые им революции, опираясь на прочный фундамент фактов, достигают значительно большего, чем наши европейские. Они совершаются медленно, но доводятся до конца».

То, что произошло в Соединенных Штатах за последние тридцать лет, можно назвать созданием новой экономической системы, отличной как от классического капитализма, так и от классического социализма. В этой экономике смешанного типа мирно сосуществуют такие явления, как частные и государственные предприятия, кооперативы, сильные профсоюзы и бесчисленное количество организаций, представляющих интересы отдельных групп. Участие и контроль правительства в экономической сфере крайне возросли. Но правительство имеет право вмешиваться лишь тогда, когда это совершенно необходимо. Его возможности ограничиваются законом и существованием большого, строго говоря — доминирующего, частного сектора.

Такая система обеспечивает возможность социального обес-

печения и экономического планирования и в то же время не позволяет центральному органу сосредоточить в своих руках непомерно большую власть. Благодаря этому права личности охраняются не только законом, но и фактом существования независимых от государства источников власти и дохода. Люди гораздо свободнее высказываются, когда знают, что критикуемые ими чиновники не могут лишить их работы.

Для экономики нового типа характерны ее новаторство и гибкость. Дух предприимчивости, некогда позволивший американским пионерам расширить западные границы Соединенных Штатов до берегов Тихого океана, теперь проявляется в более сложных областях высоко индустриализованной цивилизации. Формы экономической и общественной жизни приспособляются к интересам народа. Традиционные доктрины пересматриваются, меняются, отбрасываются, замещаются новыми. Примером нового подхода, отличного как от выдуманного классическим капитализмом принципа полного невмешательства государства в сферу хозяйственных отношений, так и от установок марксизма, может служить Администрация по эксплуатации долины реки Теннесси, которая использует частную инициативу местных предпринимателей в деле развития всего района. Ни одна политико-экономическая доктрина не могла предвидеть, что «капиталистическое» правительство будет ревностно защищать интересы рабочих, как это случилось в годы Нового курса.

Большинство американцев, независимо от своей партийной принадлежности и разногласий по другим вопросам, поддерживает идею «открытого общества», то есть такого общества, в котором всегда имеется возможность изменить мирным путем тот или иной политический курс. Иначе говоря, в таком обществе свобода мнения и свобода выбора между различными политическими убеждениями является неотъемлемым и нерушимым правом каждого.

Помимо этого, открытое общество стремится увеличить «социальную мобильность» и устранить классовые различия. И хотя эти различия, в особенности по отношению к неграм, еще не полностью уничтожены, Соединенные Штаты неуклонно двигаются по пути к предоставлению равных прав и равных возможностей всем слоям населения. Рост числа лиц интеллигентных профессий среди негров (в вузах страны обучается свыше 200 000 негров), успешная борьба Федерального правительства и ряда общественных организаций с практикой сегрегации в школах, в местах общественного пользования и на транспорте наглядно показывают, каких успехов способно добиться открытое общество.

В области чистой экономики Новый курс Франклина Рузвельта породил ряд реформ, которые делают маловероятным, а по мнению некоторых экономистов просто невозможным повторение кризиса 1929–32 годов. Экономике страны теперь стабилизируют такие факторы, как закон о минимальной часовой оплате труда, выдача пособий по безработице и пенсий по старости, поддержание цен на сельскохозяйственные продукты, гарантирование сохранности сберегательных вкладов и строгий контроль за продажей ценных бумаг. Все эти и другие нововведения не только помогают подавить в зародыше угрозу депрессий, но и способствуют неуклонному повышению жизненного уровня и росту экономики.

Однако самым главным достижением Нового курса было то, что он доказал возможность сочетать рост всеобщего благосостояния с сохранением личной свободы. По этому поводу Президент Кеннеди недавно сказал: «Новый курс показал, что свободный народ может мирным путем осуществить революционный переворот в борьбе за экономический прогресс и справедливость». В той же речи он предостерегал от желания почить на лаврах: «Но мы должны довести до конца начатую в Соединенных Штатах работу: мы должны улучшить строительство жилищ и городов, развить нашу экономику, поднять народное образование, должны создать равные возможности для всех граждан страны. И борьба за это еще продолжается».

В этой борьбе главным орудием служит разработанный за последние 30 лет социальный порядок, который обеспечивает подавляющему большинству населения безбедную жизнь и в то же время и гражданские свободы и чувство человеческого достоинства. В свете трагической истории человеческого рода, развивавшегося под знаком тирании и неуверенности в завтрашнем дне, это является немалым достижением.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

	Число учащихся средних школ	Число учащихся вузов
1930	29 652 377	1 100 737
1940	29 751 203	1 494 203
1950	31 319 271	2 659 021
1956	39 103 059	2 996 000
1958	42 279 493	3 283 917
1960	45 227 620	3 610 000
1963	51 300 000	4 600 000

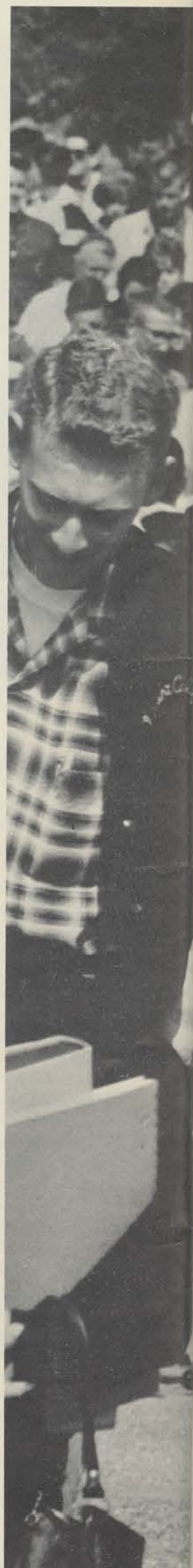
	Число трудящихся	Процент всех трудящихся
1933	—	—
1937	28 000 000*	52,0
1940	30 400 000	67,8
1950	40 400 000	65,9
1955	59 400 000	90,0
1960	61 000 000	90,0
1962	73 100 000	90,0**

* Предположительно

** Частные врачи и некоторые категории прислуги, сезонные рабочие, государственные служащие и работники организаций некоммерческого типа не охвачены федеральным социальным обеспечением; многие имеют другие виды страхования.

Бывший детройтский рабочий поселился с женой во Флориде. Социальное страхование и пенсии обеспечивают трудящимся спокойную старость.

ПОСЛЕДНИЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

ОЗНАМЕНОВАЛИСЬ РОСТОМ ЧИСЛА УЧАЩИХСЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ — В НИХ СЕЙЧАС ОБУЧАЕТСЯ 4 600 000 ЧЕЛОВЕК. НА ФОТО: В КАЛИФОРНИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

В Гарвардском университете